

Дарья Волкова

Поздний экспресс

Глава 1. *Моя жизнь -- это поезд. В лучшие мои моменты мне кажется, что я им управляю. В худшие я представляю себя пассажиром. А иногда понимаю, что лежу на рельсах.*

(с) С просторов Интернета.

- Вектор, спасай!

- У меня пара, вообще-то, - шипит он в трубку и голову пригибает, чтобы Тепеш* не заметил.

- Вик, прошу, без тебя никак!

- Говорю тебе, я на паре! - хочется рывкнуть на эту куклу бестолковую, но орать шепотом он пока не научился.

- Перезвони мне! Выйди из аудитории и перезвони! Сейчас же! - безапелляционно и короткие гудки. Только она умеет так просить. Просьба в форме приказа - ноу-хау Надички Соловьевой, будь она трижды проклята!

Надо перезвонить, иначе не позднее чем через минуту его телефон снова завибрирует. Выключить? Не вариант, потом она его съест живьем. Оценивающий взгляд в сторону распинаящегося у доски, вошедшего в раж профессора кафедры экспериментальной физики Петра Викентьевича Теплова. Вышеуказанный преподаватель еще на втором курсе чрезмерно образованными студентами был перекрещен в Тепеша за скверный характер, который зло приписывали надвигающемуся старческому маразму, и редкую придирчивость, которая являлась фирменным знаком кафедры "экспериментальщиков".

Маразм маразмом, а всех студентов, посещающих его

лекции, он помнил не то, что поименно - в лицо. Требовал стопроцентной явки на свои занятия и такой же стопроцентной дисциплины. В диспуты, впрочем, увлеченно втягивался, вот только дискутировать с ним дураков было мало, да и те быстро понимали, что спорить с Тепешем - себе дороже, все потраченное на дискуссию время будет безжалостно отнято от перемены. Крайне не любил какого-либо движения в аудитории во время лекции, просто на дух не выносил. Да, а еще он был научным руководителем Виктора Баженова.

Вик вздохнул и тихо поднялся с места. Если выбирать между Надей и Тепешем, выбор очевиден. Петр Викентьевич ему, конечно, весь мозг выключает, но, в конце концов, ценит своего студента. А вот Надька... лучше даже не представлять, что она с ним сделает, если он не поможет ее светлости, когда она в нем нуждается. И во что она там опять вляпалась?

- Баженов, это крайне бессердечно с вашей стороны лишать нас своего общества, - реплика Тепеша нагнала его почти у самой двери аудитории.

- Извините... я... мне действительно нужно выйти, Петр Викентьевич.

- У вас молодой здоровый организм. Даже я, в мои годы, могу выдержать полтора часа без клозета. А у вас что же - недержание? Или пирожные в столовой были несвежие?

Кое-кто сдержанно хихикает.

- Я недолго, - бормочет Вик, чуть ли не бегом покидая аудиторию. Будь проклята Надька и ее капризы!

- Ну? - сердито и без предисловий.

- Вик, встретить меня сегодня после занятий.

Он стоит в паре метров от двери лекционки, прижавшись затылком к стене и закрыв глаза. Он уже перестал сходить с ума по ее голосу, но рецидивы случаются. Как сегодня, например. Если закрыть глаза и

отвлечься от того, что она говорит, можно представить, что этот нежный голос принадлежит его девушке. Любимой девушке.

- Вик, ты меня слышишь?! Встретишь меня?!

Встретить? Ну-ну... Стандартная схема. Очередной неугомонный поклонник, который не понимает слова "нет". Когда она уже научится таких загодя вычислять, до того, как они становятся невменяемыми?

- Во сколько? - вздыхает.

- В три. Можно минут десять четвертого.

- Я не могу. Не успею. У меня еще сегодня стрелка с научным руководителем.

- Вииик...

- Ну, правда, никак не получается.

- Витюююшааааа....

Вот коза! Знает ведь, что он терпеть не может никаких уменьшительных форм своего имени! И, нарочно...

- Надь, ну у меня же есть дела. Ты же знаешь моего научного...

- А ты знаешь, что, кроме тебя, мне не к кому обратиться!

- Надя, ну я ж не палочка-выручалочка!

- Витенькаааа... пожалуйстаааа... Ты же знаешь, я только тебя могу попросить! Витюш, ну будь другом, а? Витюшааааааа...

ЗАРАЗА!!!

- Я попробую.

- Обожаю тебя! - звонко и радостно. - Только, Вик, будь одет прилично, ладно? А не как обычно. Все, целую, до встречи!

И снова короткие гудки. Так всегда с ней. Просит и тут же приказывает. В этом вся Надька. Его головная боль, просто боль и безответная любовь последних трех лет. Иногда ему кажется, что она всю его жизнь с ним, течет ядом в крови. Тем самым ядом, который отравляет жизнь,

но его отсутствие в кровотоке убьет мгновенно.

Он попробовал объясниться с Тепешем. В конце концов, Виктор же его любимый ученик, тот еще его покойного деда Миллера знал. Однако, скидок на это Вику не делалось, скорее, наоборот. Вообще, история обретения Виктором такого научного руководителя была драматична и забавна одновременно. Он не успел на распределение по научным, благодаря все той же стерве Надьке! В итоге его отдали Теплову, от которого шарахались все здравомыслящие люди в институте. А тут Баженов, самая светлая голова на факультете - и досталась этому монстру. Сам Вик тоже был не в восторге, решил просить зав. кафедрой о пересмотре распределения, пока не поздно, имел все основания думать, что ему пойдут навстречу. Хотелось в научные кого-то помоложе, с интересной и перспективной темой исследований. Заведующего на месте не было, а вот Теплов был. И как-то так получилось... Слово за слово, пока он ждал зав. кафедрой, они разговорились с Петром Викентьевичем. И Баженов, сам не понимая почему, передумал. Не в знакомстве с дедом же дело было? Наверное, правда была в том, что он пожалел старого преподавателя, к которому никто из студентов не хотел идти.

Ну и дураки они все были! Мозги у Тепеша работали о-го-го как, не у всех молодых так шарики в голове крутятся. Под маразматика он косил только тогда, когда ему это было выгодно. Крайне умный, хитрый и вредный, даром что профессор. А еще страстно, как ребенок, любил подарки, причем цена не играла решающей роли, главным был сам акт дарения, внимания ему, профессору Теплову. Эмпирическим путем Вик выяснил, что более всего Тепеш ценил подарки гастрономические, и отнюдь не в виде крови студентов, как можно было бы предположить. Разнообразные деликатесы были тайной страстью

старика, а сладости в их числе - первые.

Именно с помощью коробки неплохого бельгийского печенья, шоколадного, с орехами pekan, купленной в ближайшем супермаркете, Вектору, в конце концов, удалось договориться с Петром Викентьевичем. Правда, Вику выдали кучу материалов для самостоятельного изучения, но хоть отпустили с миром. Переодеться, дабы выглядеть прилично, как госпожа велела, он все равно уже не успевал. Ну, никак не получается угодить сегодня всем.

- Где ты? - выпрыгнул из троллейбуса, прижимая телефон к уху.

- На парковке перед главным корпусом! - шипит теперь уже Надежда. - Где тебя черти носят?!

- Парковка большая, - он передвигается уже бегом, лавируя в толпе.

- Ищи белый мерседес-кабриолет, не ошибешься!

Ой, белый мерседес-кабриолет... Как все запущено-то...

Искомое нашлось быстро. Мизансцена: тот самый автомобиль, его, видимо, обладатель, под стать своему жеребцу, весь в светлом и преисполнен собственной значимости, и Ее Высочество Надин Соловьева.

Надин. Надежда. Надюша. Надька. Надя. Сто шестьдесят четыре сантиметра совершенства. Хотя она такого роста бывала редко - каблуки были неотъемлемой частью ее облика. Вот и сейчас - как всегда, безупречна. Платье какого-то невообразимого оттенка - нечто среднее между светло-голубым и светло-зеленым, тонкий черный лаковый ремешок на талии, такого же цвета - лаковые лодочки и сумочка. Волосы сегодня гладко убраны назад, хотя ему безумно нравилось, когда они локонами рассыпались по плечам.

В общем, крайне эффектная и крайне сердитая барышня. Она ему улыбнулась, а в глазах - синие разряды гневного электричества.

- Виктор, милый, наконец-то!

- Привет, - он все-таки слегка запыхался.

- Этот, что ли? - третий-пока-не-лишний, высокий, почти одного с ним роста, накачанный пижон, смерил Виктора презрительно-недоверчивым взглядом.

- Да, - Надя прижалась к Вику, и ему пришлось ее обнять. Упиваться ощущением близости ее тела он себе запретил, солдат на службе. - Познакомься, Артур, это Виктор - мой жених.

Пауза, еще один взгляд, все такой же презрительный, с оттенком недоумения. А потом Артур смеется громко, на публику.

- Ох, насмешила! Этот? Твой жених?

- Да! - Надя горделиво вздергивает подбородок, одновременно пребольно ущипнув Вика за бок. Раба начали наказывать.

- А в чем дело? - Вик демонстративно спокоен, и взгляд его - прямой, в глаза.

Еще один взрыв смеха, на сей раз - почти искреннего.

- Ты себя видел? Где ты и где Надя?

Ну, положим, видел себя. Утром, в зеркало, когда брился. Нормально выглядел утром. Правда, день выдался сегодня суматошный.

Откровенно говоря, принц на белом мерседесе был прав. Смотрелись Надя с Виком вместе... странно. Безупречно одетая, с идеальным макияжем, выжавшая все сто двадцать процентов из своих и без того весьма нескучных природных данных Надин. И Вик... Из приличного на нем были только часы - никак не сочетающийся со всем остальным серебристый Rado на запястье, подарок отца, едва выглядывающий из под обтрепанной манжеты клетчатой красной с зеленым рубашки. Джинсы как джинсы, подранные в паре мест. Любимые Converse, вполне даже чистые. И футболка тоже свежая, утром достал из шкафа. Рюкзак на плече. Брит с утра, как уже

отмечалось. Ах, да... прическа. Как бы Вик не стригся, разве что исключая "под ноль" с вариантами "под ноль плюс пара миллиметров", а это он пока не рисковал практиковать... Так вот, во всех прочих случаях любая стрижка на его волосах выглядела так, будто он только что встал с постели. И ничего с этим Вик поделать не мог. Да и не пытался особенно, его все устраивало и так. Но рядом с похожей на фотомоделю Надей он выглядел... ну, совершенно не к месту!

- А это тебя не должно касаться. Это только наше дело, - холодно и ровно.

Не похоже, чтобы их представление имело успех, Артур смотрит на них крайне недоверчиво.

- Витюша, я так по тебе соскучилась...

Зубы заныли... От ее сладкого тона... От ненавистного "Витюша"... От того, что сейчас произойдет...

- Я тоже, маленькая, - повернулся к ней, наклонил голову. И начал считать. Один, два, три, четыре, пять, шесть... Только так возможно не потерять голову, когда они целуются. Это поцелуй-демонстрация, он ничего не значит для нее, она его исполняет равнодушно, но безукоризненно. А Вик продолжает считать про себя. Одиннадцать, двенадцать, тринадцать... Лишь бы не дать себе поддаться этому ощущению ее губ под своими, ее языка и теплого дыхания, магии ее такого близкого, прижимающегося к нему тела. Не поддаться и не сорваться. Считай, Баженов, считай!

- Эй, ты! Ты что себе позволяешь! А ну, отвали!

На его плечо весьма недвусмысленно легла чья-то рука и дернула. Самый поганый вариант. Еще и агрессивный клиент. Вик вздохнул. Развернулся к неугомонному поклоннику, в одной движенье задвинул Надьку за спину и... Тот даже заметить ничего не успел толком - так занят был замахом с целью дать наглому кучерявому в рожу. А спустя секунду сам оказался в весьма унижительном

положении, согнувшись в три погибели, с больно завернутой за спину рукой. Зеленый пояс каратэ-до школы "шитокан" - это вам не шутки.

- Отпусти, придурок!
- Что скажешь, Надь?
- Отпусти его, Вектор.

Спустя минуту белый мерседес-кабриолет с пробуксовкой колес вылетает с паркинга.

- Обидели юношу... Такой удар по самолюбию... - Вик растирает запястье. - Тебе не стыдно, королевщина?

- Если бы ты приехал в нормальном виде, - огрызается Надька, - ничего бы этого не было! Что, так трудно было - надеть костюм? У тебя же есть, я знаю! И взять у отца "Audi"?!

- "Audi" мамин, - меланхолично отвечает Вик.

- Какая разница! Ты понял, о чем я!

- Я не успел.

- Тогда не жалуйся.

- А я и не жалеюсь, - пожимает он плечами. - Я просто интересуюсь - я себе на кофе заработал?

- Пошли уже, - Надя царственным жестом поправляет сумочку на плече. - Угощу тебя кофе. И даже мороженым.

Вик пропускает ее вперед. Он очень воспитанный молодой человек. И к тому же, помимо мороженого, он явно сегодня еще заработал себе бонус полюбоваться ее попкой, обтянутой то ли голубым, то ли зеленым платьем.

*Тепеш** - Влад Тепеш (Цепеш), румынский господарь в незапамятные годы, он же Дракула.

Глава 2. Мужчина, когда притворяется, что влюблён, старается быть весёлым, галантным, оказывать всяческое внимание. Но если он влюблён по-настоящему, он похож на овцу.

(с) Агата Кристи. "Тайна голубого поезда".

Они знали друг друга всю жизнь. Наверное, даже с тех времен, о которых сами не помнили. Их родители дружили еще до их рождения. И выбора у них не было.

Вместе играли на даче, пока родители занимались своими взрослыми делами. Вместе ходили на речку, вместе были покусаны пчелами соседа на Тихомировский даче - деда Миши. Дрались из-за качелей, девчонок дергали за косицы, на мальчишек ябедничали взрослым. В общем, все шло своим чередом.

Удивительным был, пожалуй, один факт. Подросшие до самого отвратительного возраста - тринадцати лет, "трое из ларца, одинаковых с лица" сестры-тройняшки Соловьевы наконец-то в полной мере осознали: факт того, что их трое, может стать источником разнообразных и увлекательных развлечений. Они разыгрывали всех, с разной степенью успешности и тяжести последствий. Всех, кроме родителей и Вика. Он каким-то непостижимым образом всегда различал их, как бы они ни старались. Ни разу им не удалось провести его. Единственный был прецедент, когда он перепутал-таки Любу и Соню, но ради справедливости стоит сказать, что они к этому розыгрышу готовились почти месяц. А вот Надю он вычислял всегда, на "раз".

Девчонки подрастали, становились настоящими красавицами, что было ясно практически с самого начала. Синеглазые темноволосые бестии. Но сногсшибательно привлекательные бестии. О Вике такого сказать было нельзя.

Он родился рыжим и мелким. Таким и рос. Ко всему прочему, постоянно болел, был таскаем матерью по всевозможным врачам. Без особого результата, кстати. В девять лет у него село зрение, и пришлось носить очки. Добавим к этому музыкальную школу - мамина инициатива, отец лишь пожал плечам, не пожелав вступать с супругой в спор. По классу скрипки, не больше,

ни меньше, ко всем прочим Витькиным несчастьям у него еще и приличный слух музыкальный обнаружился.

Вот и представьте себе - мелкого, тощего, рыжего, кудрявого, со скрипкой и нотной папкой мальчишку. Представили? А теперь добавьте к этому пытливый, хоть и детский ум, взрывной характер и нежелание терпеть насмешки над собой. А поводов для насмешек было в достатке - и небольшой рост, и рыжие волосы, и очки, и эта проклятая скрипка, и то, что учился он - ну что ты будешь делать! - хорошо, ему все давалось легко, без усилий.

В общем, дрался Вик чуть не каждый день. Приходил домой в синяках и шишках, упорно отмалчивался, не сдавая своих "оппонентов", на все возгласы матери отвечал упрямо: "Я сам!". В конце концов, в Витькины "бои без правил" вмешался отец, за что Вик ему был бесконечно благодарен, вовремя тот вспомнил, что воспитанием сына должен заниматься и отец, в том числе. И что это значимее какой бы то ни было суперважной и денежной работы.

В одиннадцать лет Витю отец сам привел в секцию каратэ, к очень хорошему тренеру, который разглядел в тощем маленьком очкарике бойцовский характер. Еще через год Вик уже собственным волевым решением перешел из класса скрипки в класс гитары, четко понимая, что совсем уж бросить "музыкалку" не получится - мать его сгрызет.

А в шестнадцать лет, в лето перед выпускным классом, произошло сразу несколько событий. Проснулись дремавшие доселе отцовские гены, хотя до этого все в семье Баженовых были уверены, что, как ни обидно, Витя пошел в маму не только неприручаемой копной волос, но и ростом. Ан нет. Он подался в рост так стремительно, что вымахал за одно лето на десять сантиметров и продолжал расти. Мать предприняла попытку снова протащить его по

врачам на предмет такой аномалии, но отец вмешался, сказал, что это нормально, парень нагоняет то, что ему положено. Когда сын догнал в росте отца, Олег Викторович лишь хмыкнул, но Вик на этом не остановился. В итоге, перерос отца на пять сантиметров и имел возможность смотреть на всех в семье сверху вниз.

Голос сломался окончательно, трансформировавшись, не без помощи так ненавидимых им занятий по хору, в очень приятный мужской баритон.

А еще ему, наконец-то, разрешили сделать операцию по коррекции зрения, и ненавистные очки были торжественно выброшены в окно.

Ну, и в довершение всего, как-то незаметно рыжий цвет волос будто выгорел, посветлел, превратившись в русый, с легким золотистым отливом, дававшим себя знать в особенности летом.

В общем, когда Виктор Баженов, по прозвищу Вектор, он же - Электроник, пришел первого сентября в школу, одноклассницы ахнули. Потом охнули. А ведь он еще на гитаре играл и пел! А еще он лучше всех в классе решал контрольные по математике, физике и информатике. На уроках физкультуры за ним наблюдали не менее десяти пар восторженных девичьих глаз. Он год привыкал к своей популярности, к тому же, последний класс - надо было прилично сдать экзамены, чтобы поступить туда, куда он планировал. Но на выпускном вечере он все-таки лишился невинности. Трижды, причем один раз - со старшей сестрой своего одноклассника.

Без особых проблем поступил в политехнический институт, об университете не могло быть и речи - там работает мама! И пофиг, что на биологическом, а он бы поступал на какой-нибудь из технических факультетов. Нет, от горячо любимой мамочки надо держаться подальше, он ее нежно любит, но свобода дороже. Политехнический - то, что нужно. И уж там он пошел в

разнос окончательно. А с другой стороны, когда распутничать, если не в юности? Да еще если природа и родители наградили Вика такими мозгами, что учился он без малейших усилий, а энергия в молодом теле буквально бурлила, даром, что его еще и старостой группы выбрали. В общем, удался у него первый курс. А потом он пропал.

Они бурно отмечали с Колькой сдачу летней сессии. Его неразлучный товарищ и друг детства Ник Самойлов пошел по стопам своего отца и тоже, как и Вектор, успешно окончил первый курс, правда, медицинского, лечебный факультет. По этому поводу они прилично надрались, и их потянуло на приключения. Или, как минимум, показать себя, таких прекрасных, миру. Вик уже теперь и не помнил, кому пришла в голову эта "светлая мысль". Что сегодня выпускной у Соловьевых, и неплохо было бы, да нет, что там - "неплохо", просто действительно необходимо туда заявиться и "все телевидение испортить". Двум молодым пьяным идиотам это показалось шикарной идеей.

Период дерганья за косички и ябедничества они уже давно переросли. И хотя не дружили так, как в детстве, все же иногда общались. И Вик помнил, что они все просто сногшибательные красотки, но даже и мечтать себе не позволял, где уж ему тогда было... Хотя Надя ему нравилась как-то особенно, с самого детства. Но его губительное падение состоялось именно тогда, после первого курса.

В школу их пропустили не сразу, но пропустили - вышла Люба, похмурила брови, посмеялась над ними, но удостоверила, что это их... она сказала - родственники. Двоюродные братья. Кузены. О, они с Колькой тогда до неприличия громко ржали над тем, что они - кузены! А потом...

Он увидел ее на танцполе. На ней было белое платье, он помнит. Абсолютное белое, простое, воздушное. Узкие

бретели, тонкая талия, расклешенная юбка. Темные волосы свободно распущены по плечам. Она так сильно отличалась от других выпускниц в пышных вечерних платьях и со сложными взрослыми прическами. И... словом, когда он ее увидел, его прошило насквозь, от кудрявой макушки до пяток запыленных кедров. Он даже не понял, что произошло. Рядом что-то комментировал Самойлов, а он просто стоял и смотрел.

Она на танцполе. Зажигает рок-н-ролл с каким-то хмырем. Зажигают они ярко, что ни говори, на хмыре костюме, у которого уже закатаны до локтя рукава пиджака и рубашки, галстук, если и предполагался форматом мероприятия, уже утратился. А Надя... босиком. Ну да, на каблуках, наверное, так отплясывать нереально. Им аплодируют стоящие вокруг, они танцует действительно зажигательно. Взлетает пенная юбка, и ему кажется, что там мелькнули такие же белоснежные трусики.

И рванулся. Туда, к ней, неосознанно, не понимая, что будет делать, чего хочет. Но невыносимо было стоять и смотреть, как она, с другим... Острое, не оставляющее ни малейшего шанса другим мыслям вмешаться в контроль над телом, желание. Схватить ее, прижать к себе, Спрятать ото всех, унести, утащить далеко, где нет никого, и там... там...

Колька был его килограмм на десять тяжелее. Поэтому и пьян был, наверное, меньше. И секция греко-римской борьбы себя дала знать. И сил хватило. На то, чтобы схватить друга за шиворот, вырвав пару пуговиц на рубашке, потом перехватить поперек груди. И, на ухо, перекрикивая шум музыки:

- Ты куда?! Обалдел?!

Он его выволок потом на крыльцо, и они стояли и молча курили, стрельнув по сигарете у охранника, потому что так-то за ними не водилось подобной привычки.

Вик тогда решил, что просто пьян, как последняя

скотина. Колька с ним согласился. Но протрезветь у Виктора так и не получилось.

Он стал для нее всем. Лучшим другом, который и компьютер мог починить, и после вечеринки встретить, и в клуб в последний момент, когда срываются все варианты, можно с собой взять. И поговорить о разном, и кино иногда посмотреть, и... Да что там говорить, она даже к походам по магазинам пыталась его привлекать. Поначалу он соглашался на все, лишь бы быть с ней. Пока не понял, что происходит, да поздно уже было. Он стал для нее нужным, необходимым. Он стал значить для нее очень много, сделался важной частью ее жизни. Но он так и не стал для нее тем, кем стала она для него.

Как его только Колька ни обзывал: "Паж", "Раб", "Карманная собачка". Прав Самойлов был, но Вик уже увяз. Старался сохранять хоть какое-то подобие гордости, но, если вдруг долго не видел ее... то соглашался потом на любой повод для встречи, какой угодно, и терпел. Несмотря на то, что давно уже оглушающе отчетливо понял - он для нее так и остался смешным маленьким очкариком со скрипкой, другом ее детства.

Квартира встретила ее упоительным запахом, который Надя не смогла сразу опознать. Да и какая разница, это все равно что-то вкусненькое. Как же хорошо, когда папа дома!

А папа дома, и, что самое замечательное, на кухне! Надя подкралась потихоньку, обняла отца сзади, уткнувшись носом между лопаток.

- Которое из чад домой пришло? - отец похлопал ее по руке.

- Привет, пап.

- А, это старший бедовый ребенок. Голодная?

- Конечно! И что это я бедовый ребенок? - Надя отпустила отца и сунула нос в кастрюлю. - О, драники!

- Не драники, а колдуны. Картошка, мясо, сметана. Очень калорийно...

- И очень вкусно! - закончила за отца Надя. - Я буду. Ой, а тут вот у тебя негритятки такие...

- Первая порция пригорела немножко. Не трогай их, Тихомиров вечером обещал заскочить, ему и скормим.

- Дядя Дима придет? О, отлично! - Надя положила себе на тарелку парочку "колдунов", щедро полила соусом, подумала и добавила еще один.

- Надежда! Не вздумай троллить Тихомирова!

- А я что? - в мастерстве делания больших невинных глаз Надюше Соловьевой не было равных. - Он же ооооочень... - тут Надя закатила очи к потолку, - известный юрист. У кого спрашивать, как не у него?

- Надя! Ну, он же в семейном праве ни бум-бум!

- И что? - пожала плечами дочь, вытягивая свои идеальные ножки. Будь она выше ростом, они перегородили бы половину кухни, но и так отцу пришлось перешагивать. - Он же юрист - международник? Должен соответствовать...

Соловьев буркнул что-то под нос про характер старшей дочери. Надя лишь хмыкнула.

- Пока все лишь подтверждает, что МГИМО круче МГУ в плане подготовки юристов!

- Я с тобой за твой МГИМО точно спорить не буду, - отец поднимает руки, признавая капитуляцию. - Наелась? Чай будешь?

- Буду, - кивает Надя. - А ты все в депрессии?

- С чего это ты взяла? - отец удивленно поворачивается к дочери.

- А то я не знаю! - фыркает Надя. - Если ты три дня не вылезашь с кухни, забивая холодильник всякими вкусностями - значит, точно на душе неспокойно.

- Доченька, - Стас вытирает руки полотенцем, потом перебрасывает его через плечо. - Люди моего возраста,

таланта и известности в депрессию не впадают. Это моветон.

- Да? - дочь искусно изгибает бровь. - А как это называется - когда ты все время торчишь на кухне и готовишь столько, что и вдесятером не съесть? Депрессуешь, топ рара, сознайся!

- Это не депрессия, а творческий поиск. Мне пришла в голову одна идея... и я имею основания полагать, что она свергнет в шок наших критиков от фотодела.

- Ну и что? - пожимает плечами Надя. - Тебе что, в первый раз, что ли, общественность шокировать?

- Не в первый, - улыбается Соловьев. - Я просто размышляю над тем, как это сделать поболеезненной.

- Старый провокатор! - смеется Надя, обнимая отца.

- Эй! - возмущается он. - Я еще не стар!

- Ты супер-стар! - Надя чмокает отца в щеку. - Спасибо, папуль, все было гениально вкусно, как всегда.

Все-таки, у нее самый лучший на свете рара!

Солнце упорно прорывалось сквозь плотно сомкнутые ресницы. Грех жаловаться, он сам решил поставить кровать к окну. Вик приоткрыл глаза, сощурился. А он и не жалуется. Друзья считали его извращенцем, но ему нравилось просыпаться от того, что в лицо светит солнце. Поэтому и кровать у окна, поэтому и штор на этом самом окне нет. За что, кстати, он еще раз был обозван извращенцем. Ерунда, этаж седьмой, а скрывать ему нечего. Вик не знал, что его утренние пробуждения и вечерние отходы ко сну частенько становились объектом самого пристального внимания двух дам из дома напротив - одна возраста бальзаковского, другая -противоположно юного. Да и если бы знал - вряд ли бы это повлияло на его привычки, а здоровый молодой эксгибиционизм никто не отменял.

Вик встал, все так же лениво щурясь на яркое солнце,

потянулся. Какой все-таки кайф жить одному - можно спать хоть нагишом! И в одних трусах шархаться по квартире.

Он уже привык считать эту квартиру своей, хотя это было не так. Жилплощадь - ничего особенного, обыкновенная панельная "однешка", принадлежала тете Боре, сестре отца. Тетя Боря, в миру - Борислава Викторовна, работала управляющей ресторана, и на одном из профильных слетов-форумов тружеников ресторанного дела познакомилась с итальянским коллегой. И спустя три месяца укатила к своему Бальдассаре в Геную, чтобы помогать ему там в его собственном ресторанном бизнесе, тем самым изумив до крайности брата и двух взрослых детей. Дети, имевшие свою весьма бурную жизнь - Вовка мотался по всему свету, Мила была занята воспитанием своих двух детей, отпирались от обязанности присматривать за квартирой матери, дружно заявив, что им не досуг, и пусть продает, раз решила сменить наш каравай на фокаччу. Тетушка квартиру отказывалась продавать категорически, и тут Вик предложил свою скромную кандидатуру, дабы караулить жилплощадь.

Отец изумленно хмыкнул, мать растроилась: "Витенька, тебе плохо дома?!". Потом было три месяца нешуточных баталий, в течение которых он доказывал необходимость в отдельном жилье и собственную способность жить самостоятельно. И в итоге... Все-таки, у него мировой батя!

Ему позволили жить одному, в квартире тетки. И... кто бы знал, как Вик был счастлив!

Он очень любил родителей. Действительно любил, но... Его матери, с ее энергией, и троих детей было бы мало, чтобы ее должным образом расходовать. А тут все досталось одному Вику. Он завидовал девчонкам Соловьевым - их было целых трое. У него, конечно, был почти как брат родной Ник, но это было не совсем то... Он

просил братика - на день рождения, на Новый год. Потом перестал, понял - бесполезно.

Когда он стал достаточно взрослым, отец объяснил - почему. Когда Вику было три, он этого не помнит - у матери случился выкидыш. Потом, когда ему было пять, он это смутно помнит, что мамы пары дней не было, а потом она была грустная-грустная, - еще один. А потом отец сказал - хватит. Испугался. Как он рассказал Вику тогда, у мамы слишком плохая наследственность, и ее собственная мать, бабушка Люба, которую Вик никогда и не видел, умерла именно из-за безуспешных попыток родить второго ребенка. Отец не стал рисковать. Сказал - у нас есть ты, и на том спасибо.

Вобщем, как бы он ни любил родителей, одному жить было нереально кайфово. Как же ему этого не хватало - самостоятельности, жизненного пространства, свободы! Первое время мать чуть ли ежедневно приезжала - проинспектировать холодильник, произвести влажную уборку. Вик не знал, как с этим бороться, чтобы не обидеть матушку. А потом его осенило. Он, сцуко, гений! И на ближайший праздник - Новый год подвернулся очень кстати! - он подарил матери Глафиру. Рыжего щенка таксы. Отец посмеялся, мать охнула: "Виктор, так нельзя!". А потом... потом его оставили в покое!

Правда, вскоре отец пригрозил лишить Вика наследства, потому что Глафира страсть как полюбила его обувь. Нет, у таксы определенно оказался хороший вкус - скорее, гастрономический, видимо, кожа на итальянских туфлях ручной работы была отличной выделки, да и подошву приятно погрызть. Но отец был недоволен - денег ему, видите ли, жаль, да и по ноге те две пары туфель сидели отлично.

Короче говоря, Глафире досталась вся мамина неистраченная энергия, отец простил животину, философски рассудив, что рыжие таксы - это его карма,

Вик обожал собаку за подаренную ему свободу, дав себе слово завести такую же, но позже. Словом, все были довольны.

Самостоятельная жизнь приучила Вика ко многим вещам. Самое главное - к тому, что голову можно использовать не только на то, чтобы виртуозно играть в компьютерные игрушки, не напрягаясь, учиться в институте и эффектно, под настроение, знакомиться с девушками на улице на зависть Кольке. Он начал подрабатывать - писал небольшие программы на заказ, помогал в обслуживании техники - починить, настроить, исправить. Полностью бюджет, с учетом квартплаты, пока не мог потянуть, но как минимум наполовину себя обеспечивал.

А сегодня... Никуда торопиться не нужно. Можно было бы и поспать подольше, но солнце его разбудило. Ну и ладно, все равно выспался. В душ, где все только его, ничего лишнего, лишь мужские, нужные вещи. Потом в одном полотенце на кухню, в холодильнике и на полках - тоже только то, что он любит. С чувством заварил чай, достал мед и сушки. Позавтракать и за работу. В понедельник он должен показать Тепешу новую версию программы для расчетов, с учетом замечаний профессора. Работа над дипломом шла согласно плану, Вик совершенно не переживал по поводу грядущей через несколько месяцев защиты. Может быть, волнение придет потом, накануне уже. Сейчас же в его жизни и так хватало той сумятицы и нестабильности, что вносила одним лишь фактом своего существования Надька. При мысли о ней его утренняя безмятежность испарилась, воспоминания о вчерашнем очередном унижении вызвали горький привкус, который даже ложка меда не перебивала.

Опять. Снова. Начало подташнивать. Слово себе давал уже раз десять. Что вот как только она ему еще раз позвонит с целью отвадить очередного невменяемого

ухажера... Чтобы в очередной раз демонстративно, бездушно с ним целоваться на потеху публике... Он ее пошлет к черту! Но ведь не посылал, не мог. Каждый раз сдавался ей и себе. Дело кончится тем, что он сорвется как-нибудь... Надо завязывать. Нет - так уж и нет. Не срослось, не сложилось, не повезло. Отпусти ее, Баженов. Не твоя она, и не будет никогда твоей. Только себе хуже делаешь. Вик вздохнул, отодвинул чашку с остывшим чаем. Завтрак испорчен. Значит, надо садиться за работу.

Глава 3. Встречающие скорый поезд из Москвы! Ваш поезд задерживается. Можете пока встретить пассажирский из Тулы. Там тоже люди едут, им будет приятно!

(с) Народный фольклор.

- Нет!

- Ты же даже не знаешь, что я...

- Я знаю! - он зол, действительно. Только-только оклемался от гриппа, который скопил половину группы, и еще Тепеш был сегодня особенно омерзителен, придираясь ко всему, включая прическу Вика, даже грозил гребень подарить. И тут еще Надька!

- Вик! - она вздыхает. - Ну, пожалуйста...

- Я сказал - нет!

Надя задумчиво поправляет волосы. Какой-то Витька совсем сегодня злющий. С ним это как-то непредсказуемо случается, непонятно от чего. А ей он, как назло, очень нужен, именно сегодня. Потому что все варианты срывались, и кроме него...

- Витюшенька, родной, ну прошу тебя...

- Ты хочешь, чтобы я бросил трубку и отключил телефон?

Вот такой его голос - тихий, свистящий, она даже боялась. Слышала всего пару раз, да и то - не в свой адрес, а в адрес других парней. И за этим всегда следовал

подобный этому голосу удар, такой же свистящий, а еще молниеносный и не видный глазу, как смертоносный бросок кобры. Что делать? Надо как-то постараться его убедить, в конце концов, он ее самый близкий друг, должен понять.

- Вить... - она начинает негромко, без кокетства и ноющих интонаций. "Привет Виктору" - это вдруг в комнату быстро заходит отец, пристраивается у окна с камерой, открывает раму. - Тебе папа привет передает, - послушно повторяет она, выходит, прикрыв за собой дверь. Отец носится с какой-то идеей и положительно невменяем. Продолжает уже за дверью: - Вик, послушай. Я знаю, что злоупотребляю иногда... Но мне, правда, нужно. Никаких спектаклей на публику. Просто сходи со мной в ночной клуб. Этого будет достаточно, уверяю. Буквально пару часов, не больше. Вик? - заканчивает совсем тихо.

Он молчит, но она слышит его дыхание.

- Вик, пожалуйста. Должна буду.

Он не выдерживает, и с губ срывается хриплый смешок. Должна будет? Да она не представляет, какой он может выставить счет за все это время, за все эти лживые поцелуи, за все эти "Ну, Витюшаааа...". Может. Но не будет. Бесполезно.

- Хорошо. Скажи, где и во сколько?

Ему было велено одеться подобающе. Он оделся, его внешний вид был придирчиво отрецензирован и одобрен. Приличная рубашка, приличные джинсы, мокасины. Лишь при взгляде на прическу Надя покачала головой, но исправить положение он ей не дал, от протянутой руки резко дернулся в сторону. Надя лишь вздохнула, ладно, не стоит его трогать, и так весь дерганый. Отчего, интересно? Давно не давали, бедняжке? Может, помочь? Попросить кого-нибудь из подружек? Надя ведь ему

действительно должна за этот вечер, сильно выручает. Она быстро взяла Витьку под руку, так что он отстраниться не успел, и они пошли.

Все прошло действительно спокойно, Надежда не обманула. На них мрачно косился какой-то тип за два столика, но обошлось. Пришлось лишь разок потолкаться на танцполе под какой-то заунывный медляк, Надька весь танец то пилила его за стрижку, уверяя, что пора уже завязывать с собачьими парикмахерами, то рассказывала про свою учебу. У него адски разболелась голова от этого долбаного "мохито", и он лишь кивал в ответ. И, в довершение всех его страданий...

- Надюша!

- Лилечка!

Невесомое соприкосновение щечками, что не попортить шкурку с тщательно наложенным макияжем, которое почему-то у девушек считается приветствием.

Вик встал из-за стола. Подошедшая рыжеволосая девушка, высокая, стройная, симпатичная, удивленно, но одобрительно посмотрела на него.

- Знакомьтесь. Виктор... Лилия...

- Рад знакомству, - пришлось кивнуть, будь прокляты вбитые в него приличные манеры!

- Я тоже, - пропела рыжая, перекидывая одним отточенным движением длинные прямые волосы за спину.

- Надюша, я присяду к вам?

- Конечно, - Надька так радостно согласилась, что было очевидно - и с Виком ей скучно, и Лилия эта - ей хорошая подружка, не иначе. - Что будешь?

Его, разумеется, отправили в бар, чтобы не дожидаться официанта. Господи, как же погано. А он-то надеялся, что скоро эта пытка закончится. Черта с два, принесла же нелегкая эту Лилю!

- Надюш, прими мои поздравления! Шикарный экземпляр!

- Ты о ком? - Надежда лениво повела взглядом вокруг, так же неспешно потягивая коктейль через трубочку.

- О Викторе. Такой парень... - подружка мечтательно закатила глаза.

- Витька?!? - она едва не поперхнулась, поспешно поставила бокал. - Это Витька шикарный?!?

- Да просто супер. Такой атлетичный красавец-блондин... А уж кудри...

Надя не выдержала и расхохоталась.

- Ой, не могу... Насмешила! Нашла Аполлона, тоже мне!

- Подожди-подожди... - Лиля недоуменно смотрит на смеющуюся Надю. - Он что - не твой парень?

- Нет, - Надя просмеялась. - Он мой друг детства. Ну, знаешь, общий горшок и все такое...

- То есть, - Лиля оглядывается, чтобы убедиться, что предмет обсуждения пока не виден, - он свободен?

- Вот чего не знаю - того не знаю, - пожимает плечами Надежда. - Но! Если он тебе интересен...

- Спрашиваешь! Офигенный красавчик!

"Офигенный красавчик", злой, как черт, она это видела по лицу, очень "удачно" нарисовался с двумя бокалами в руках.

- Ну, раз так, - Надя подмигнула подруге, беря новый коктейль, - рассчитывай на мою помощь.

- О чем речь? - мрачно интересуется Вик.

- Да так... - Надя улыбается, и эта ее улыбка ему совершенно точно не нравится. - Есть у нас с Лилечкой одно... общее дело.

Он довольно быстро понял, что это за общее дело. Сначала Надька свалила в дамскую комнату, носик припудрить. За то время, что ее не было, можно не то, что носик припудрить - целиком тальком обсыпаться! А он все это время вынужден был развлекать Лилечку! Впрочем, она оказалась на удивление неглупой девушкой, его рассказ о нюансах работы поисковых систем и об

алгоритмах расчета авторитарности выслушала с интересом, хотя он старался... старался быть максимально занудным, но потом все равно увлекся! А про "дудл"* они даже поспорили и...

- О, я вижу, вы нашли общий язык... - Надин подошла к столику, с улыбкой смотрит на них сверху. - Витюш, проводишь Лилю? А то я там друзей встретила, уезжаем в другой клуб, - и, не дав и слова сказать в ответ, наклонилась к нему, касаясь щекой щеки в прощальном якобы поцелуе: - Она на тебя запала, Вектор. Не тушуйся. И можешь меня не благодарить! Я же тебе должна.

У него даже в глазах потемнело... от желания ее встряхнуть, так, чтобы зубы клацнули... тряссти, долго, так долго, чтобы до нее дошло... Или это от чертовой музыки так в глазах темно и башка раскалывается? От никотинового воздуха и этого проклятого "мохито"? Да не важно, а она все равно ушла прочь, покачивая обтянутыми черным платьем бедрами. В руке мерно двигалось пальто какой-то немыслимой геометрической расцветки, от пляски ромбов которой голова разболелась еще сильнее. Она ушла. Снова. Как всегда. Вик потер виски, поморщился.

- Голова болит? - Лилия вдруг касается его руки, давящий на висок. - Здесь ужасно шумно.

Он смотрит на нее. Ее Величество Надин Соловьева изволила его облагодетельствовать. Кто он такой, чтобы отказываться от подарков госпожи?

- Немного, - переплетает ее пальцы со своими. - Давай, сбежим отсюда?

- Надя! - конспиративным шепотом.

- Что? - не поворачивая головы, едва поспевая строчить в тетрадку за словоохотливым преподавателем.

- Спасибо тебе!

- За что?

- За Вика. Он таакооой!!!!

- Чего?!

- Соловьева, я вам не мешаю? - ехидно интересуется лектор.

- Простите, Андрей Рудольфович, - Надя прижимает палец к губам. - Лиль, потом расскажешь!

А потом они пьют кофе и разговаривают.

- Неужели Вику повезло, и ты вот так прямо сразу и... дала? Лиля, а как же "потомить"? Я тобой разочарована.

- Смейся, смейся, - морщит нос подруга. - Слушай, если он твой друг детства - почему я его раньше не видела?!

- Баженова нельзя с собой брать в приличное общество.

Лилька совершенно непонятно для нее, даже как-то обидно смеется.

- Ну, ты даешь, Надь! Впрочем, мне же лучше...

- Мадмуазель Лили, я вас не узнаю! - Надя неосознанно размазывает крем с пирожного по тарелке. - Что за щенячий энтузиазм, не соответствующий вашим принципам? Чем тебя так Вектор потряс? Акробатическими этюдами повышенной сложности в койке?

- Увы, - подруга все так же непонятно улыбается, - до койки дело не дошло. Виктор такой джентльмен.

- Он не джентльмен, он лузер, - усмехается Надя. - Умудрился прохлопать шанс на секс в совершенно очевидной ситуации. Когда ему теперь еще обломится...

Лилька снова смеется - звонко и все так же обидно-непонятно.

- О, ему обломится, можешь быть уверена. Я его не отпущу! - и пока Надя недоуменно таращится на подружку, та продолжает, мечтательно и томно: - Знала бы ты, как он целуется...

Надежда едва не поперхнулась ответом.

- Гхм... поверю на слово. Хотя это и затруднительно. Вектор же ботаник.

- Нет, - все с той же непонятной мечтательной улыбкой качает головой подруга: - он бог.

Через какое-то время это ей стало надоедать просто смертельно. С Виком они с того вечера в ночном клубе не виделись. Но он ее словно преследовал, был всюду. Лилька буквально засыпала подругу всеми возможными подробностями своего романа с этим "офигенным красавчиком". Это Вектор-то красавчик?! Но Лилька словно ослепла, такой Надя подругу не видела. Настоящая влюбленная идиотка.

- Надь, ты не представляешь, КАК он целуется... Не торопится, и такой нежный и...

- Да он просто не знает, что дальше делать!

- Знает, - совершенно идиотски хихикает Лилька. - Поверь мне, знает.

- Что, таки прошел проверку матрасом?

- Пока нет... но... он ТАК меня трогал...

- Уволь меня от подробностей! Сейчас стошнит! - Надя со звоном отбрасывает в сторону кофейную ложечку.

- Ревнуешь уже? - усмехается подруга. - Завидуешь? Поздно, не отдам!

- Больно надо, - фыркает Надежда. - Он мне как брат! Это почти инцест!

- Это хорошо, - кивает Лиля. - Потому что Вик - мой. Слушай... а какое у него тело... Такие мышцы... Ты в курсе, что у него зеленый пояс по каратэ?

- Да, - демонстративно закатывает Надин глаза к потолку. С нажимом: - Я знаю!

Как ее уже утомили эти Лилькины панегирики в адрес Баженова. Тоже мне, принц нашелся!

- Надька...

- Не сейчас!

- Но послушай же! Мы вчера...

- После пары!

Вот же влюбленная курица! Кто перешептывается на лекциях по истории международного права?!

- Ну что там у тебя такого спешного?

- Слушай, Надь, а ты не знаешь, может, у него есть кто-то?

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, у кого это - "у него"? Надя отхлебывает кофе, сегодня он кажется совсем невкусным, и зябко как-то... Уже почти весна, а отчего-то наоборот, холодает. Она ежится в тонком свитере, сожалеет о снятом пальто. Кофе хоть и невкусный, но горячий, этого не отнять.

- Лиль, я понятия не имею, что у него и кто! Что там у тебя, - раздраженно, - не получается слона за хобот в зоопарк отвести?

- Фу, как грубо! Надь, ты чего?

- Извини, - морщится Надя. - Заболеваю, наверное. Знобит что-то... Ну так что там у вас?

- Слушай, я не знаю... Он меня хочет, это очевидно. И то, что я его хочу, тоже ему очевидно должно быть. Но уже три недели прошло... Нет, у нас дело движется, но... будто он не решил, нужна я ему или нет, понимаешь?

Лилька настолько расстроена, что Наде ее жалко. Надо же, Вектор умеет выпендриваться? А с ней всегда такой смирный.

- Да ладно тебе. Посмотри на себя. Никуда он от тебя не денется. Просто он... - вспоминает Лилькины же слова, - джентльмен. Он тебя уважает.

- Думаешь, в этом дело?

- Конечно.

На самом деле, Баженов кретин. Уже трахнул бы Лильку, всем бы жизнь облегчил, включая себя, Лилю и ее, Надю. Достало эти душевные излияния выслушивать!

Явившаяся только к перерыву во второй паре Лилька, а точнее, ее идиотски счастливое лицо яснее ясного сказала - Бастилия пала. Слава Богу! Вектор, ты наконец-то сделал это! Аплодисменты! Теперь Надю оставят в покое.

Не тут-то было. Порыв Лильки поделиться подробностями "взятия Бастилии" она пресекла. Хотя все-таки пришлось выслушать о том, что, собственно, Бастилия... хм... сама набросилась на бедную, ничего не подозревающую Лилю.

- Надь, мы заснули под утро только... на пару часов. А потом еще раз, когда проснулись...

- Лиля!!!

- Прости-прости... - счастливо смеется подруга. - Я понимаю. Просто он такой... я даже не представляла, что бывают такие парни... Он стоил того, чтобы столько ждать! А как он...

- Лилька, у тебя стыд есть!? И совесть?

- Нет, - та по-кошачьи потягивается. - Это был лучший куннилингус в моей жизни. Идеальный.

- ЧТО?!! - она все-таки поперхнулась кофе, и белый джемпер окропило безобразными коричневыми пятнами. Гадость какая! Как теперь на занятия идти? - Вот кто ты после этого, Богданова?!

- Прости засранку, - у Лильки совершенно невиноватый вид. - Я твоя должница.

Для должницы Лиля вела себя просто отвратительно. Надю уже реально тошнило от всех этих подробностей. Ладно бы, черт с ним... с тем, какой он умный... это Надя и так знала... и как с ним интересно... и это правда, Вектор клевый, когда не злой, как собака.

Но ей совершенно не нужны были подробности о том, какое у него, оказывается, фантастическое тело. Ох, какие у него плечи! Ах, какие сильные руки! Ой, пресс кубиками! А какая задница! Да пофигу ей, какая у Баженова задница!!!

И то, что он классно целуется, ей тоже пофигу! И про прочие его интимные таланты она тоже слушать не желает, будь хоть как они хороши! И уж совершенно точно она не желает знать ничего про его впечатляющие размеры в некоторых местах... О, ее уже тошнит от Баженова!

Глава 4. *Наивность -- это когда улитка, ползущая по рельсам, почувствовав приближение поезда, прячется в свою раковину.*

(с) С просторов Интернета.

Глаза б ее не видели этого противного Вектора, но как назло - закапризничал ноутбук. В мастерскую долго, а Баженов - это быстро и надежно.

Вик, к слову сказать, даже вредничать не стал, согласился приехать беспрекословно. Будто соскучился.

- Виктор, - на звонок в дверь в прихожую выглянул отец. Увидел Вектора, обрадовался, протянул руку, здороваясь. - Привет, давненько ты к нам не заглядывал.

- Вы же знаете, Стас Саныч, - Вик отвечает на рукопожатие, - дипломирование. Времени не так уж и много.

- Да уж понимаю, - усмехается Соловьев-старший. - Есть будешь?

Вик хотел отказаться, неголоден был, но, вспомнив таланты Надькиного отца, решил уточнить:

- А что у вас есть?

Стас смеется.

- Ах ты, жук! Курица есть в медовой корочке. И буйабес... вчерашний, правда.

- Бу... что?

- Уха, - усмехается Надька, подталкивая его в спину в сторону кухни. - Это папа умничает. Иди уже есть. Или не будешь?

- Буду, - кивает Вик решительно. Пахнет-то вкусно, как

же он раньше не заметил! - Буду. И курицу буду, и этот ваш бабаес.

- Буйабес, - поправляет его Надин отец. - Что, юный хакер, совсем дома не готовишь?

- Где уж ему! - фыркнула Надя. - Он только трахается дома!

Соловьев оборачивается, изумленно глядит на дочь, потом на Вика. Тот невозмутимо, но слегка раздраженно пожимает плечами.

- Завидуйте молча, Надежда.

Надя отвечает лишь выразительной гримасой.

Вик занят ноутбуком, а Надя пытается делать вид, что занята конспектом. Но получается это у нее скверно. Потом она отбрасывает тетрадь в сторону, и начинает мрачно сверлить взглядом спину Вектора. Ну, еще бы он не был лохматым - так руки в волосы запускать! Она смотрит, как он в задумчивости ерошит волосы, как наматывает, все так же рассеянно, поглощенный тем, что видит на экране ноута, упругий золотистый локон на указательный палец. Фу, откуда такие высокопарные ассоциации?! Впрочем, известно, откуда. От восторженной идиотки Лильки! Той безумно нравятся торчащие во все стороны патлы Баженова, которые она пафосно именует "локонами"! Утверждает, что у него офигенно приятные на ощупь волосы. Надя скептически разглядывает растрепанную прическу Вектора. Натуральный дверной половичок! Или пудель, как они его дразнили в детстве. Хотя нет, пудели аккуратные. А Баженов вечно как только что с постели. И там ему в волосы руки запускали какие-нибудь Лильки. Ну и пусть!

Переводит взгляд от его волос ниже. Что там Богданова пела про плечи? Ну, есть плечи... Ничего, вроде. Надя привыкла, что Вик такой, какой есть. Сейчас на нем достаточно просторная футболка, опять с каким-то

дебильным принтом, но даже и в ней видно: плечи у Баженова есть, и презренные. Нет, ну а что удивительного? Он каратист, ему положено.

- Надь, пароль введи, - он поворачивается к ней. Удивленно хмурится. - Ты чего?

- Чего?

- Смотришь на меня как-то странно...

- Да вот думаю... - Надя легко встает с кровати, подходит к нему. - Вектор, давай я тебя подстригу, а? Хуже все равно не будет.

Протягивает руку и касается волос. Боже мой, да у нее такие волосы только после хорошего кондиционера бывают! Почти неконтролируемое желание запустить в этот густой упругий шелк пальцы...

- Да отстань ты от меня! - он дергает головой. - Налысо побреюсь, достало уже!

- Только попробуй!!!

Он изумленно вскидывает на нее глаза, и она вдруг замечает, будто в первый раз видит, какие они у него - ярко-голубые. Красивые. Резко отворачивается.

- Эй! - перехватывает ее за руку. - Пароль введи!

Она резко выдергивает руку.

- Я тебе на бумажке напишу!

Вик промаялся с ноутом часа три, безрезультатно. В итоге забрал упрямый девайс с собой, обещав переустановить систему и привезти, самое позднее - послезавтра.

Вечером они всей семьей пьют на кухне чай.

- Как у Вити дела? - интересуется мама. - Давно он к нам не заходил. Жаль, что я его не застала.

- Да все нормально, вроде бы. Здоров, цветет, - отвечает отец.

- Здоров - это точно, - усмехается Вера Владимировна. - Как вспомню, какой он был в детстве... Кто бы мог подумать, что такой лось вымахает...

- Наша Надька этого лося чего-то все пилит, - усмехается Соловьев.

- Кто его на путь истинный наставит, если не я? - пожимает плечами Надежда.

- Кто бы тебя саму на путь истинный наставил, - парирует мать. - Может, Виктор?

- Никуда меня наставлять не надо. Со мной и так все в порядке.

- Ой, ли? А не напомнить ли тебе...

- Любка, пошли-ка отсюда! - Надя встает из-за стола. - У родителей педагогическое обострение.

- Пошли, - соглашается сестра. - Как бы ни попасть под раздачу.

Вик ноут починил быстро. На следующий же день позвонил, сказал, что готово. Только вот сейчас эта оперативность была совсем некстати, потому что она накануне вечером полчаса не могла заснуть, вспоминая ощущения его волос под своей рукой. И ярко-голубые глаза в обрамлении совершенно неприлично темных для такого бледнявочного блондина ресниц. И Лилькины слова. И... она перевернулась раз пятьдесят, пока заснула. Предатель Вектор, никогда он еще не был причиной ее бессонницы.

Собственно, и на следующий день Надя была... в растрепанных чувствах - это точнее всего. Но причин для отказа Вику не было - не она ли накануне ныла ему, что ноутбук ей нужен, чем скорее, тем лучше. Пришлось согласиться, хотя видеть его сейчас совершенно не хотелось. Или хотелось, но не так, как обычно... Или... черт, непонятно все! А во всем виноваты Вектор и дура Лилька!

- Привет! - он улыбнулся ей, так, как, наверное, улыбался много-много раз до этого, но что-то вдруг

перевернулось внутри и комом подкатило под горло. А Вик демонстративно принялся: - Чем у вас сегодня вкусным кормят?

- Ничем! - рявкнула Надя. Протянула руку к висящей на его плече сумке с ноутбуком. - Починил? Спасибо!

- Пожалуйста, - Вик слегка растерянно стащил сумку с плеча, протянул ей. Она схватила ее излишне резко, но он ее стал отчего-то... пугать. Будто на пороге квартиры стоял не Вектор, которого она знала с самого детства, как облупленного, а чужак, незнакомец. Совершенно непредсказуемый и неизвестный ей мужчина.

- Извини, у меня дела, - снова так же резко.

- Я так и понял, - он, кажется, справился с первым недоумением. - Ну, я пошел тогда? Интернет и почту сама настроишь?

ЧЕРТ!!!

- Конечно, нет, - буркнула, отступая на шаг. - Проходи уже.

- Чаю хоть нальешь? - он разувается, наклонившись. Под натянувшейся футболкой отчетливо видны мышцы спины. Она отворачивается.

- Еще чаю тебе... - ворчит. Снова отдает ему сумку. - Ладно уж, налью. Как всегда - с лимоном и сахаром?

- Да! - отвечает он уже из ее комнаты. - И с печеньем!

- Прямо в чай тебе покрошу, - грозит она, но он не слышит, кажется.

У дверей комнаты она замерла, с кружкой в руках, снова, как и вчера, разглядывая его. Ну же, Надя! Это всего лишь Вектор! Тот самый Вектор, который... Ни черта не помогало. Вместо воспоминаний о смешном Витьке из ее детства в голове всплывали Лилькины слова: "У него тело... как у фотомодели... я даже не ожидала! Пресс реально кубиками. А плечи какие, ой, он меня на руках носил! Представляешь, меня! Там торс такой, я только в журналах такое видела, правда! В одежде так и не

скажешь, он не очень любит обтягивающее носить. Но там, под одеждой..." Врет ведь Лилька, сто процентов врет! Но вдруг накатило острое желание посмотреть самой, что ж там, под этой зеленой футболкой. Нет, она видела Вика без футболки. Даже вообще без всего видела, лет в шесть, на речке. Но это не считается! А теперь-то что делать? Не скажешь же ему: "Эй, Вектор, а ну-ка разденься!"

То, что она сделала дальше, ни объяснений, ни оправданий не имело. Чистый импульс, которым она имела обыкновение иногда поддаваться.

- Ай! Бля*ь! Надька!!! - он подскакивает со стула от того, что часть содержимого кружки опрокидывается ему на футболку, а еще одна часть, меньшая - на джинсы. - Аааааа! - шипит, в одно движение сдергивает через голову футболку, затем - пальцами оттягивает от ноги горячую ткань джинсов. - Ты что творишь?!?

- Прости! - ее раскаяние абсолютно искренне, потому что... Ну, правда, дура же! Чем думала только! Так можно и ожог человеку обеспечить. - Вить, прости, ради Бога! Рука дрогнула.

Он бормочет что-то под нос, ругательно-неразборчиво, разглядывая мокрое пятно на джинсах.

- Сильно обожгла тебя? Больно?

- Да не особо, - ворчит он. - Больше неожиданно. И как я домой пойду, весь мокрый?

От греха подальше ставит кружку с остатками чая на стол.

- Я футболку на батарею сейчас повешу, высохнет быстро. И... джинсы тоже... если хочешь.

- Не хочу, - буркнул, снова сел за стол, ухватил кружку и отхлебнул. - Эх, чай-то какой вкусный! А ты его проливаешь.

- Я сейчас еще печенья принесу, - виновато ответила Надя, подбирая брошенную на пол футболку.

А потом, вернувшись снова и поставив перед Виком тарелку, поняла - она же своего добила. Он сидит в ее комнате за столом, привычно запустив пальцы в волосы. По пояс голый. И снова внутри что-то противно и без спросу переворачивается. Лилька не врала!

Ни грамма лишнего, идеально точеное тело. Руки... Как она раньше не замечала, что у него такие рельефные руки?! Широкие плечи, узкая талия. Господи, ну надо же было помнить, что он спортсмен! А она упорно не обращала внимания на очевидные вещи! Стоять рядом вдруг становится страшно - кожа у него такая гладкая, ни малейших изъянов, ни родинок. Так и манит протянуть руку и проверить, какая она на ощупь...

- Надь, а можно мне еще чаю?

Моргнула от неожиданности.

- Да, конечно.

Потом она на всякий случай отошла к окну. И от него подальше, и спереди можно... хм... рассмотреть.

А глаза отчего-то закрыть хочется. Зажмуриться от его бесстыжей обнаженности. Вик, похоже, совершенно не парится тем, что сидит тут полуголый - то волосы свои терзает, то по кнопкам деловито стучит. А ей становится уже нереально жарко и трудно дышать. Вид Виктора Баженова спереди мог похвалиться приличным рельефом грудных мышц и отсутствием растительности. Ну да, Лилька говорила... Боже, почему она не может забыть весь тот восторженной бред, который выслушивала от влюбленной подружки!? У него должны быть... ей отсюда не видно... немного золотистых волос вокруг сосков и тонкая полоска по животу туда, вниз... АААААААА!!! Это же не ее мысли!

Надя отвернулась, прижалась к холодному стеклу лбом. Хорошо. Просто отлично. То, что нужно!

- Я все.

Она повернулась лишь для того, чтобы упереться

взглядом в его голую грудь. Ох ты, черт... Лилька правду сказала. Немного золотистого вокруг темно-розовых... и, действительно, словно разделяя живот надвое, такого же золотистого оттенка стрелка, указывающая вниз, уходящая под широкий кожаный ремень... Он вообще соображает, что делает?! Стоит перед ней тут полуголый, сволочь, эксгибиционист, мерзавец!!!

Надя может лишь глаза на него поднять и сглотнуть. Говорить не получается, сердце только что не выскакивает из грудной клетки. Ой, она сейчас какую-нибудь глупость сделает!

- Слушай, - он задумчиво снова запускает руку в волосы, - я спросить у тебя хотел...

Этот жест словно выводит ее из полугипнотического состояния.

- Да прекрати ты волосы свои терзать! - она раздраженно дергает его за руку вниз. - Можешь их в покое оставить!? И так на чучело похож!

- Ладно-ладно... - он даже на шаг отступает от нее. - Странная ты какая-то... раздраженная. Критические дни?

- Не твое собачье дело! - ах, как хорошо на него злиться! Гораздо приятнее, чем разглядывать его тело и сходить с ума непонятно от чего! - Спрашивай, чего хотел?!

- А... это... - привычно поднимает руку, но, обожженный ее яростным взглядом, тут же опускает. - Я про Лилю хотел спросить... то есть, попросить тебя... или...

- Что такое? Богданова неправильно минет делает?

Теперь уже он отвечает ей весьма нелюбезным взглядом.

- Вот с этим я как-нибудь сам разберусь! - потом запал у него пропадает, он вздыхает. - Ты понимаешь... она так ко мне относится... а я...

- Она в тебя влюбилась, - выносит безжалостный вердикт Надя, скрестив руки на груди. От греха подальше. Хотя она вроде бы уже пришла в себя.

- Да, - со вздохом соглашается он. - Наверное.

- А ты?

- А я - нет.

- Подлец ты, Вектор, - произносит она с каким-то странным, непонятным ей самой удовлетворением.

Он вдруг смотрит ей прямо в глаза. Стоит напротив окна, и в его глазах отражается голубое мартовское небо, делая их еще... светлее? ярче?

- А ты можешь влюбиться по собственному желанию, Надя? Просто чтобы ответить взаимностью тому, кто влюбился в тебя?

- Эээээ... - странный какой-то вопрос, а более всего странен его серьезный тон и вопрошающий взгляд. Прокашлявшись: - Нет. Наверное, нет. Не могу.

- Вот и я не могу влюбиться... на заказ. И разлюбить по приказу... тоже не могу. Может, и хотел бы... но... не могу.

Теперь он смотрит куда-то поверх от ее головы, за окно. И это хорошо, потому что ей отчего-то опять неспокойно, и слова его непонятные, и близость тревожащая...

- Вик, - она все-таки собирается с мыслями. - Пропусти меня... Я пойду, посмотрю, как там твоя футболка.

- Да, конечно, - послушно отступает назад. Но все равно она умудряется задеть плечом его голую грудь. Из комнаты она едва ли не убегает.

Глава 5. "Прошла любовь, увяли помидоры, калоши жмут и нам не по пути"

(с) Народный фольклор.

Он вляпался, это очевидно. Нет, Лиля, безусловно, замечательная. Привлекательная, сексапильная, раскрепощенная. Да и вне койки с ней было... неплохо, как минимум. Всем она была хороша. Кроме того, что НЕ была Надей Соловьевой. Но это еще полбеды. Хуже было то, что у Лили проснулись к нему чувства! А это было совсем плохо. Не любил он этого. Эмоции так все

усложняли.

Почему нельзя ограничиться хорошим сексом и еще чем-нибудь сверху? Но нет! Надо обязательно попытаться втянуть его в отношения. Он ненавидел это слово! Не нужны ему отношения, никакие. Не хочет он приходить к ней в гости и знакомиться с мамой. И с подружками знакомиться не хочет! И в клубы с ней ходить - тоже! И вообще...

Надо что-то делать, что-то решать с Лилей. Ситуация фиговая для них обоих. Лиля ждет от него того, что он не может ей дать, он же тяготится ее чувствами к нему. И еще Надька на него фыркает! Будто это не она познакомила их! И не она дала свое высочайшее благословение! От нее одни неприятности в его жизни. Он устал болеть ею. Как же хочется выздороветь...

Черт бы побрал эту заразу Лильку! Ведь теперь Надя совершенно отчетливо представляла, о чем именно говорит подружка. И она точно знает, какие на ощупь его волосы. И бицепсы, и кубики - это она тоже воочию видела. Но мазохистски выслушивает все то, что Лилька ей рассказывает, уже совсем иначе это воспринимая. Ибо знала, видела, прикасалась! А теперь слушала и тихо сатанела. Они это делают специально! Потом голова холодела, и она не понимала, что на нее нашло. Ведь это всего лишь Вектор. Долговязый, вечно лохматый Вектор, в идиотских футболках, драных джинсах и кедах. Но стоило Лильке заикнуться о чем-нибудь этаким - и снова... Упругие шелковые пружинки под пальцами, золотистая стрела, улетающая под ремень... Она убеждала себя, что щеки у нее горят и сердце бешено скачет исключительно от гнева. И ни от чего другого.

Обо всех своих совершенно несвойственных ей противоречивых эмоциях Надя, однако, на время забыла. Пришлось утешать подругу. Этот придурок Вектор ее

бросил! Глядя по голове рыдающую у нее на плече Лилю, она бормотала что-то утешительное. И соглашалась, что - да, он болван и скотина, и что - да, он все-таки такой классный. И - да ладно, Лилечка, не на нем одном свет клином сошелся. Забудь, он тебя не стоит, другого найдешь. А сама старательно заталкивала поглубже чувство совершенно неправильного удовлетворения от того, что Вик бросил Лильку. Да не все ли ей равно, в конце-то концов! Нет, конечно, не все равно, вон как подруга убивается.

И это затолканное поглубже удовлетворение прорвалось-таки. Как раз тогда, когда человек наиболее уязвим для пакостей своего подсознания. То есть - когда он пьян. Нет, можно было по отношению к красивой девушке выбрать иное слово. Навеселе, подшофе или нечто другое. Сути это не меняет. Ей было страшно весело, легко и она не соображала, что делает. Соответственно, все-таки, прямым текстом - Надя была пьяна. Именно поэтому водителю такси, увозившего ее из клуба, был назван отнюдь не домашний адрес. Именно поэтому третий час ночи был безоговорочно признан самым подходящим временем, чтобы устроить противному Вектору головомойку за то, что он так обидел Лилю. Да как он посмел?! Бросить Надину подругу?!

Дверь на не снимаемый с кнопки звонка палец никак не реагировала. Что такое?! В нетерпении притопнула ножкой. Нет дома? Где шляется, почему не ночует дома? А в голове вдруг, в разрез с ее намерением отругать Вектора, острым ножом видение тонких пальцев с Лилькиным маникюром в его кудрях, рыжих волос поперек кубиков пресса и... Она забарабанила в дверь. Та поддалась, приоткрывшись на ширину ладони, явив собой в просвет один прищуренный сонный глаз, кусок плеча и груди, лоскут серых трусов и одну ногу. Все это великолепие венчало как раз уместное сейчас, посреди ночи,

разворошенное гнездо светлых кудрей.

- Надя?! - хрипло и удивленно.

- Нет, Дед Мороз! - рявкнула она, толкая дверь. - Впусти меня, гостеприимный ты мой!

Отступил на шаг назад, распахивая шире. Она зашла внутрь, хлопнув за собой. Звук в ночной тишине вышел очень громкий, Вик недовольно поморщился.

- Ну и какого черта ты встречаешь гостей в одних трусах?!

Весьма симпатичные серенькие боксеры, кстати.

- А... Что?! - уставился на нее изумленно. - Гости?

- Да! - вызывающе подбоченясь.

- Возможно, мой вопрос покажется тебе странным. И даже неуместным, - он также зеркально упер руки в бедра.

- Но какого черта ТЫ делаешь у меня дома в... - О, на нем, кроме трусов, еще есть часы. И это так... сексуально смотрится... - в полтретьего ночи?!

- Мне не хотелось ехать домой, - она картинно вздохнула, надула губки. Невинный взгляд из-под длинной челки. - Меня там будут ругать.

- За что? - преувеличенно размеренный вздох.

- За то, что я выпила... лишнего.

Он изумленно хмыкнул. Но самое удивительное было впереди.

- А ты же не будешь меня ругать, Вик? - а потом шагнула к нему, обхватила за спину, доверчиво прижалась щекой к голой груди. Теплым выдохом: - Правда? Не будешь? И не прогонишь?

Он замер. Надя, такая нежная, хрупкая. Ее упоительно пахнущие волосы почти под его губами, она на каблуках достает ему даже до подбородка. И она прижимается к нему - крепко, сильно, ее ладошки на его спине. Сама, по своей воле. Здесь нет никого, только он и она. Не надо никому ничего демонстрировать и доказывать. Но она все равно обнимает его. О, черт, на нем же из одежды одни

трусы, и те мало что скроют при случае. А случай наступает, просто-таки неотвратимо...

Она замерла. Теплый, гладкий. Пахнет чем-то мужским и сном. Ужасно вкусный и домашний. Такого надо тискать и мурлыкать. Чуть поворачивает голову, чтобы коснуться губами кожи на груди. Вау... Тут же хочется то ли лизнуть, то ли куснуть... И... ой, что это ей упирается в живот... или кажется? Или нет, не кажется?

Он в одно движение высвободился из ее рук.

- Не выгоню, - резко. И шагнул в комнату: - Сейчас, постель приготовлю.

Вдруг стало холодно и одиноко под руками, губами, там, где только что было теплое и приятное. Обернулась ему вслед. Как он посмел ее оттолкнуть, когда она его обнимает?! Скинула туфли и сердито протопала в комнату.

Баженов, как не в чем ни бывало, производит розыски в стенном шкафу, подняв руки, шарит что-то на верхних полках. Ох, какая же у него спина. И... хм, да... Снова права Лилька. Задница просто потрясающая.

- Ты что там делаешь, весь из себя такой домовитый?

- Постельное белье ищу. Свежее, - все это не оборачиваясь. Ему очень хочется надеяться, что она не заметила... Но поворачиваться лицом, а точнее... передом... пока не стоит.

- Свежее? - хмыкает Надя. Чувствует, что начинает злиться. А она сейчас не в том состоянии, чтобы контролировать себя. - Зачем? Что, дрочил в кровати, Вектор?

Он замер. Смертельно хочется повернуться к ней и... сделать что-нибудь! Вместо этого вздохнул - глубоко, медленно. А за его спиной она заморожено наблюдает за тем, как поднимаются и опадают его плечи.

- Нет, - спокойно. - Более того. Белье я менял недавно, но уже после того, как в этой кровати последний раз была Лиля. Так что только я спал на этом белье. Пару дней. И...

хм... не рукоблудил. Не успел просто.

У нее даже щека дернулась, и ногти больно-больно в ладони от желания ему врезать! Куда-нибудь поизощренней. Вместо этого:

- Тогда оставь это. Я спать хочу!

- Хорошо, - все-таки достает что-то из шкафа. Невозмутимо натягивает на себя трикотажные серые, в тон трусам, штаны, такую же толстовку. Шапку на непокорные кудри. Шапку? Шапку?!

- Вик, ты куда собрался?

- На балкон, - под мышку прихватывает что-то, черное, скатанное в рулон. - Спать.

- Ага, сейчас, как же! - у нее совершенно неконтролируемое желание перечить ему, ругаться с ним, скандалить. - С ума сошел! Там холодно!

- У меня спальник теплый! Я часто сплю летом на балконе, - резко. В ее протянутую руку шлепается полотенце. - Держи, свежее. В ванной сама разберешься, надеюсь?

- Но сейчас-то не лето! Чего ты боишься? Не буду я на твою честь девичью покушаться!

- Не твое дело! - рывкает он. И шагает к двери. Но она успевает встать перед ним.

- Не пущу! - уперев руки в бедра. - Ты еще в подъезд иди спать - на радость соседям!

Он молчит какое-то время, потом сдергивает шапку, швыряет ее куда-то в угол.

- Я пошел спать на кухню! Все, довольна?!

Она остается одна, так и не поняв толком, что произошло. Но вдруг остро накатывает сонливость, усталость. Спать, спать... Утро вечера мудренее.

Выйдя из душа в одном полотенце, она постояла на пороге кухни. Неужели и вправду спит? Нечто смутно угадываемое, темное, вытянутое лишь отдаленно напоминало человеческую фигуру. Интересно, не мерзнет

там на полу? Или тепло ему в спальнике? И она мгновенно вспомнила, каково это - прижиматься к нему, почти обнаженному, теплому, такому... домашнему и вкусно пахнущему. Черт! Собственная почти обнаженность стала резко досаждать, а взгляд ее упал на висящую на стуле голубую футболку. Вот в ней-то она и устроилась спать.

Футболка пахнет им. Белье на постели пахнет им. Чего это запах - шампуня, геля для душа, дезодоранта, парфюма? Ей кажется, что это его запах, только ему присущий. Чертов Вектор, он даже пахнет вкусно! Аромат будоражил воображение, но алкоголь в крови взял свое. И она все-таки заснула.

Утро бесцеремонно разбудило ее солнечным лучом прямо в глаза. Она застонала, жмурясь и натягивая на голову одеяло... Вик, идиот! Он не знает, что есть такая штука - шторы?!

- Тебе кофе сварить? - над головой невозмутимо.

- И ванну набрать, - буркнула из-под одеяла. - С ароматизированной морской солью.

- Морской? - слегка недоуменно. - Нет морской. И ароматизированной тоже нет. Поваренная подойдет?

Издевается, скотина!

- Нет! Тогда уж лучше с пеной!

Невинно:

- пеной для бритья?

В него полетела подушка, но он этого даже не заметил. Со сладострастным ужасом смотрел на сползшее одеяло, а под ним оголившаяся почти по самую попку нога, у самого лишь верха бедра перечеркнутая его футболкой с надписью "Если хочешь меня - улыбнись". А трусиков на ней нет, он это совершенно точно знал, потому что это было первое, что он увидел, войдя утром в ванную комнату. На "змеевике" - нечто черное, небольшое, состоящее почти из одних ленточек и пары прозрачных

микроскопических лоскутков. Его мгновенно бросило в жар, когда он представил ЭТО на Наде. Вмиг стало так душно, что хоть раздевайся. Почти непреодолимое желание взять ЭТО в руки... потрогать... прижаться лицом... Он заснул руки глубже в карманы и резко повернувшись, вышел из ванной. Обойдется он пока без душа! Надо сохранить хоть какое-то подобие здравого рассудка.

Завтракать Надин Великолепная отказалась, лишь чашка кофе натошак. Чувствовалось некое взаимное смущение. "Что она вчера заметила?" - думал он. "Что я вчера натворила?" - думала она.

Торопливо поблагодарила за кофе и ночлег, кивнула неловко - и вот ее каблук застучали по лестничной площадке, зашумел лифт. А он прижался лбом к закрытой двери. Как ураган, как тайфун. Пришла, разворошила все и исчезла, оставив опустошение. Он откинул голову назад, глядя в потолок. Слышно, как лифт поехал вниз. Надо пойти, позавтракать. И садиться за работу. Загадочные американцы, которых он окучивал уже два месяца, наконец-то соизволили ответить. И ему надо хорошенько подумать, что написать им в ответ. Да и Тепеш задач подкинул. Словом, есть чем заняться.

Вместо этого прошел в комнату, сел на краешек кровати. Его собственная футболка. Она в ней спала сегодня ночью. Протянул руку, коснулся нерешительно. А потом подхватил резко, уткнулся в нее лицом. Пахнет... пахнет ею... Сладостно, до дрожи, сводит с ума. Он откидывается назад, переворачивается на живот. И подушка... подушка пахнет ее духами. И отчетливо понимает вдруг, что очень долго не будет менять этот комплект постельного белья. Потому что он фетишист. Жалкий фетишист, которому ничего более не светит. Настроения работать нет совершенно.

Дома ей всыпали по первое число. Даром, что она отправила смс Любке, что будет ночевать у Вектора. Все равно Надя оказалось виновной во всех смертных грехах. Вообще-то, права была мать. Кто бы ей вчера ночью так мозги прочистил... Какого лешего ее понесло после клуба к Вектору?! Воспоминания смутные и какие-то... странные. Они обнимались в прихожей?.. Невероятно! И еще... этого быть не может, но... у нее ощущение, будто у него была... реакция на нее... конкретная такая, здоровенная реакция. Или... ей все же показалось? Все-таки она вчера была... не совсем в ясном сознании. Но воспоминание о его телесной близости было наоборот, четким, стоило глаза закрыть - и сразу ощущение его гладкой теплой кожи под ее пальцами, щекой, губами. Тряхнула головой, прогоняя непрошеное наваждение. Чего только спьяну не привидится и не причудится! Это же всего лишь Вектор! Но эта мантра отчего-то совсем перестала работать...

- Надюша, ну нельзя так! - мама все еще кипит.

- Мам, я же предупредила, что не приду домой, - Надя привычно оправдывается. - И потом, я ведь у Витьки ночевала.

- Надя! Он же молодой человек! А ты так говоришь, будто у подружки ночевала.

- Мама! - Надя закатывает глаза. - Какой он молодой человек! Он Вектор! - она так убедительно врет, что даже начинает себе верить.

Мать только вздыхает, удивленно качая головой. А Надька быстренько смывается под шумок к себе в комнату.

Вера Владимировна потихоньку отхлебывает чай, задумчиво глядя в окно. Что за нравы у современной молодежи? Или это только ее старшая дочь такая? Вера устало трет лоб. Вот у Баженовых сын вырос - можно

только позавидовать. Статный, хорош собой, умница - вон, учится отлично, уже заканчивает. Живет отдельно от родителей, самостоятельный, не бедокурит. Золото, а не парень. Куда только Надежда смотрит? Да такого хватать надо, умный, красивый, из хорошей семьи. Где она такого найдет? А у этой дурочки один разговор: "Это не парень, это Вектор!". Кто бы ей глаза открыл... на сокровище у нее под носом. Ага, будет она кого-то слушать... Вера вздыхает, улыбается невесело своему отражению. Старшая дочь... Самый сложный характер. Самоуверенная, гордая, испорченная всеобщим поклонением и обожанием... Совсем как ее отец.

Глава 6. *Обратный билет должен стоить дороже: можно, в конце концов, не поехать, но нужно вернуться.*

(с) Альфонс Алле.

Весна была совсем некстати. Некстати сырой, пахнущий ветром и переменами апрель, с его ярким солнцем днем и пронизывающим сквозняком - стоит только неосмотрительно приоткрыть окно. Воздух влажный, холодный, но пахнет так... особенно вечерами... что хочется делать глупости - любые, по настроению. Вплоть до кошачьего желания влезть на крышу и мяукать на лимонную дольку месяца. Но вернее всего - гулять по политым дождем, темно-блестящим дорожкам парка, старательно обходя лужи, когда они видны в свете появляющейся из-за облаков луны, и благополучно шлепая по ним, когда луна прячется. А еще целоваться, разумеется - стоя, потому что все лавочки мокрые, радуясь темноте вокруг и тому, что кроме них, ни у кого нет желания гулять поздним апрельским вечером.

Настроение было до того непривычно и неприлично романтическое, что впору врачу показываться. Не водилось за ней раньше таких мыслей и желаний, а весна - пора лишь сезонного насморка и смены гардероба. Но целоваться в парке после дождя хотелось просто

смертельно. Она даже знала - с кем. И это было верхом неприличия и ненормальности.

Лилька стала ее самым настоящим проклятием. Действуя по методу "Подобное надо лечить подобным", она закрутила роман с каким-то баскетболистом, при знакомстве с которым Надя чуть было не свернула себе шею в попытке смотреть человеку в лицо. А она-то думала, Вектор высокий... Роман у Лильки вышел бурный, хотя подруга по-другому и не умела. И снова Наде пришлось выслушивать комментарии и описания. Но хуже всего было то, что Лиля их подсознательно сравнивала - своего "медведя", как она его называла, и Вектора. Причем, хоть и неосознанно, далеко не всегда в пользу косолапого. И Надя ее прекрасно понимала. Вот же противный какой, уже двум девушкам покоя не дает!

Апрель будоражил, звал за собой, подталкивал в сторону глупостей, но вокруг не было никого, с кем бы их хотелось делать. Поклонники привычно крутились вокруг нее, приглашения сыпались: в ночные клубы, кино, театр - в зависимости от фантазии и воспитания окружавших ее молодых людей, даже на первое весеннее барбекю за город приглашали уже, но - увольте! Не любительница она таких пасторалей. Парней рядом с ней привычно много, но в голове, кучерявой занозой - Вектор! И она отказывала всем, но никого особенно эти отказы не удивляли. Это же капризная, избалованная и бесконечно желанная Надин Соловьева. Десять раз откажет, прежде чем на одиннадцатый согласится. Но ей соглашаться вообще не хотелось, ни с кем. Ждала чего-то... Не пойми чего. Или кого.

Он работал, не поднимая головы. Ситуация с американцами наконец-то прояснилась, они рискнули обозначить свой интерес к разработкам Вика, и теперь пришла очередь ожесточенной торговли. Вик рассчитывал

продать себя и свои графические библиотеки максимально дорого. И сейчас в переписке с американцами был очень аккуратен - чтобы заинтересовать их и не сказать лишнего при этом. Они не должны сорваться с крючка.

А тут еще Тепеш как взбесился. Ему не нравилось ничего из того, что делал Вик. Все было не так, заставлял переделывать по несколько раз, придираясь к совсем уж ерунде. Обострение у него, что ли? Вик сцеплял зубы и терпел. Даже на гастрономические попытки его утихомирить Теплов не реагировал, точнее - реагировал, но не так, как положено. "Смерти моей хотите, Баженов? Я человек пожилой, и желудок у меня уже не тот, что в молодости. Уберите это!". А раньше ЭТО с радостью уминалось стариком. Может быть, действительно, в этом все дело? Болеет и от того капризничает? В любом случае, выбора у Вика не было - терпел и работал.

Весна шептала в окно, что можно бы заняться чем-то другим. Да только времени не было совершенно. А более чем времени - не было желания, ни малейшего. Либи́до, после горячей, как и все рыжие, Лили, вело себя прилично и даже изображало понимание непростой жизни студента-дипломника. Да уж, какие тут девушки, какая весна, когда от твоих усилий зависит твоя будущая профессиональная карьера.

Надя не звонила, не вызывала своего верного пажа к себе. Ничего не ломалось, ничего не срывалось. С приставучими поклонниками, видимо, справлялась сама. Оно и к лучшему - убеждал себя. Не до девушек ему сейчас, и уж тем более - не до Нади Соловьевой. Но скучал ужасно. То постельное белье, на котором она спала, едва заставил себя с кровати снять. А ведь это уже было просто... он псих, точно!

Работа над дипломом и виртуальная нервотрепка с американцами так вымотали его, что Вик решил позволить себе передышку. Отдохнуть, расслабиться, хотя

бы ненадолго. Иными словами - пригласил друзей к себе: попить пива, потрепаться, может, поиграть во что-нибудь.

Вообще, наличие собственного жилья вызывало к Вику повышенный интерес среди однокашников, но попытки сделать из его квартиры перманентную базу для всевозможных алкоигрищ он пресек сразу. Нет, тут он был абсолютно солидарен с английскими джентльменами: "Мой дом - моя крепость". Но гостям бывал рад - особенно званым, в отличие от нетрезвых красавиц в три часа ночи.

Правильно сделал, что пацанов позвал. Пива попили, сели играть в "вовку", но так ржали, выпившие дураки, что натворили там дел и их повыгоняли отовсюду с позором. Да и не больно-то и хотелось, собственно. Им нашлось чем себя развлечь и о чем поговорить и без ноутбуков. Вечер определенно удался, и уже подумывали о том, кого послать за второй порцией, как вдруг...

Первая мысль при звонке в дверь - они таки допекли соседей свои громким ржачем. И там пришли ругаться. Например, невероятно брюзгливый мужик, живущий наверху. Который имеет привычку то спать, то работать дома, когда у Вика самое веселье.

Срочно попытался изобразить серьезное выражение лица. Видимо, удалось скверно - парни просто закатились, повалившись друг на друга. Вик потер лицо руками, словно пытаясь убрать с лица совершенно неуместную ухмылку. Пригладил волосы, но это так, рефлекс, толку все равно нет. Шикнул на ржущих друзей и пошел дверь открывать, на ходу придумывая оправдания за шум.

С подбором нужных слов это ему нисколько не помогло. Поэтому стоял и молчал, глядя на нее.

- Ну? Не пригласишь войти?

Отступил вглубь, все также молча. Явление Нади неожиданно. И поэтому, чуть более, чем всегда, сногшибательно.

- Добрый вечер, мой юный друг Вектор, - она ведет себя как ни в чем не бывало. - Что у тебя? Гости?

Ему почему-то трудно говорить. А вот смотреть - легко. И лишь кивает молча, не отрывая взгляд.

Это было попросту неприлично, если не сказать - позорно. Но она по нему скучала! Не виделись-то всего... не больше месяца. Но желание увидеть его перестало поддаваться контролю. И она просто приехала, потому что звонить, придумывать поводы для встречи - нет, это было ниже ее достоинства. Она хочет его видеть - что ж, значит, увидит. Завел моду - игнорировать ее! Она ему покажет, чем это чревато! Двадцать минут лишних потратила на то, чтобы Вектор точно понял, кто перед ним стоит. Мисс Совершенство.

- Что это у нас тут? - проходит в комнату, не дождавшись приглашения. - Вечеринка ботанов? Как мило.

Против воли Вик усмехается, наблюдая все оттенки изумления на лицах друзей. Включая вытаращенные глаза и банально отвисшие подбородки. Таких девушек у них в политехе не водилось. Все больше парни, ну если и девы, то... хм... не слишком симпатичные. Но, ради справедливости стоит отметить - Надя сегодня особенно ослепительна, тем более, для неподготовленных людей. Брючный костюм, ярко-синий, цветом чуть светлее глаз, так на ней сидит, будто родилась она в нем. Узкие брюки, обтягивающие безупречные ножки, черные стилеты шпилек и такого же цвета топ под умеренно свободным пиджаком на одну пуговицу. Волосы убраны от лица назад - кажется, небрежно, но вряд ли так. Более всего она сейчас похожа на блестящую бизнес-леди. Впрочем, на блестящую студентку МГИМО тоже похожа.

- Добрый вечер, мальчики, - Надька - сама непринужденность. - Давайте знакомиться.

Вик стоит позади нее, вдыхая запах ее духов и думая - приходить на помощь этим охламонам или пусть сами справляются? В отместку за то, что ржали над ним.

Друзья же, оправившись после первого шока, дружно повскакивали с мест и стояли перед Надей, как новобранцы на плацу перед генералом.

- Надежда, - протягивает руку Михе. У того вид совершенно ошалевший, но руку берет. Никогда бы не подумал, что Мишка умеет руки дамам целовать. Хотя... реакция предсказуемая - неоднократно наблюдал. А Надя продолжает:

- Надежда, - и снова поцелуй руки, и Андрюха выдает сдавленное:

- Андрей.

- Очень приятно, - царственно улыбаясь и протягивая руку Петьке:

- Надежда.

- Петр, - и этот не оригинален, припадает к ручке.

Повисает небольшая пауза. Парни пялятся, не сдерживаясь, где они еще такую красоту вблизи увидят? Надя же снисходительно позволяет себя разглядывать. А затем ей это, видимо, надоедает.

- Мальчики, вы же понимаете? Что вам уже пора? Вы нам с Витей, - оборачивается, цепко хватая его за локоть, притягивает к себе, - немножечко мешаєте...

- Да, - нестройно, но дружно отзываются друзья и явно собираются на выход.

- Что за бред! - взрывается он. - Мне никто не мешает. Ребята, погодите...

Она целует его в шею, и он замолкает на полуслове, едва не задыхаясь.

- Не капризничай, Вик. У нас свидание. Ты разве забыл? Считай, Баженов, считай!

Отошел от нее, под предлогом проводить друзей. Уходят торопливо, толкаясь перед дверью. Пожимают руки,

бросая на него смущенные и - вот кретины! - завистливые взгляды.

Наконец, дверь закрыта. Итак, что ей нужно на сей раз? Судя по внешнему виду и боевому настроению - сейчас снова его куда-то потащит. А позвонить? Заранее? К черту! Никуда не поедет!

- Ну? - отошел к противоположной стене, сложил руки на груди. - Чем обязан?

- Какой гостеприимный... - морщит свой очаровательный носик.

- Мое гостеприимство заканчивается, когда я вижу, как шпильками царапают немецкий ламинат.

- Так лучше? - на удивление изящными движениями ног скидывает обувь. - Доволен, зануда?

- Пока нет. Вот скажешь мне, зачем приехала - тогда я подумаю.

- Зачем приехала? Может, я... соскучилась?

- Очень смешно! - фыркает. - Говорите уже, Надежда Станиславовна, не стесняйтесь. Чего изволите?

Она суживает глаза. Ох, не нравится ему такое выражение ее лица...

- Вот так, да? Прямо сразу - "не стесняйтесь"? И могу, значит, чего изволю?

Он вздыхает. У нее настроение устроить ему скандал, не иначе. А вот у него нет такого настроения, совершенно нет. Устал.

- Надь, - примирительно, - просто скажи, чего хочешь.

- Сказать? Хорошо, - она улыбается. Как-то странно. Вызывающе и неуверенно одновременно. - А еще лучше... я покажу... чего хочу...

Она подошла к нему, медленно, не торопясь. А ему вдруг остро захотелось шагнуть назад. Но лишь затылком в стену уперся.

Приподнялась на цыпочки, руку для равновесия ему на плечо. И поцеловала. Сначала неуверенно, в самый

краешек губ. Потом чуть смелее, прихватывая своими губами сначала его нижнюю, затем верхнюю. Ей нравится. Нравится так, самой. Никогда раньше она сама, первая не целовала. Всегда позволяла себя лишь, отвечала... А теперь вот сама, первая. Это даже интересно. Только что ж он стоит, как статуя?

- Витька, голову наклони, - шепнула ему в губы. - Мне неудобно.

И он послушно наклоняет голову. А она наконец-то запускает пальцы в густой кудрявый шелк на затылке, как уже месяц мечтала. И одновременно - языком ему между губ. Вик издает какой-то непонятный звук, который более всего похож на стон. И - статуя оживает. Голову наклоняет еще ниже, ближе к ней, и поцелуй вдруг сразу становится очень интимным. Руки - даже не на талию ей, ниже, подхватывая под попку, притягивая к себе - ближе, выше. Игра заканчивается. И все начинается по-настоящему.

В этот самый момент такая спасительная мысль "Это же всего лишь Вектор!" рассеивается окончательно. А вместо нее приходит другая, до которой стоило бы давно дойти: "Кто этот потрясающий парень, который так умопомрачительно целуется?". Остальные мысли исчезают куда-то из головы. И остаются только его бесстыжие ладони, крепко поддерживающие, не дающие отстраниться. Наглый язык, который... ох, что же он делает! Надя понимает - время самообмана закончилось. И началось нечто иное. Настоящее. Пальцы крепче вплетает в его волосы, получая от этого совершенное отдельное удовольствие и не давая ему ни малейшего шанса отодвинуться. А он так крепко прижимает ее к себе, что ее и без того невеликие грудки оказываются распластанными. И одновременно - они словно налились, и белье, крайне приличное и дорогое, вдруг давит, царапает. Хочется его снять, что бы он мог... И внизу тоже наливается той же горячей тяжестью. И уже ее стон ему в

губы. Его пальцы смыкаются сильнее, прижимают ее еще ближе, хотя куда уж там ближе. И... о, в этот раз ей совершенно точно не кажется! Его явное возбуждение становится последним, что окончательно сигнализирует - поцелуй перерос в нечто большее. Прижимается к нему, к его твердости в немой попытке сказать, сказать телом...

Сколько раз они целовались? Он не считал. То есть, нет, наоборот, считал. Как раз считал, каждый раз считал, про себя. Чтобы не слететь с катушек, не сойти с ума, не смять ее губы своими, не ворваться ей в рот. Не сделать то, что делает сейчас. А сейчас считать уже бесполезно. В голове взрывается бессчетно, лишь инстинкты одни остались, которые заставляют его едва ли не рычать от наслаждения, от ее близости, от того, что она отвечает ему, от того, что она сама, первая, его поцеловала...

Зачем она эта сделала? Из всех инстинктов лишь инстинкт самосохранения рискнул обратиться к разуму. Зачем, действительно, зачем ОНА это делает?! Почему ОН тут с ума сходит, ему ясно. И скоро сорвется окончательно, похоже, если она так и дальше будет к нему прижиматься и стонать в рот. Он получает то, о чем мечтал так долго. Но за что? Почему вдруг? Ни одной правильной мысли в голове, лишь неправильные...

Ему худо, тошно, но он отстраняет ее от себя, отодвигает на расстояние вытянутых рук. Резко, потому что иначе нельзя. Сглатывает тяжело, совершенно некстати и нелепо облизывается. Помада ее на его губах. Резким движением вытирает остатки тыльной стороной ладони. И спрашивает так же резко:

- Убедилась?

Она дышит, словно выброшенная на берег рыба - жадно и агонически одновременно. И грудь вздымается... лучше не смотреть туда...

- Что?! - наконец-то произносит она, не своим, хриплым голосом.

- Хотела убедиться, что я такой же, как все? Что, как и все остальные, не устою, что паду к твоим ногам?! Могла бы спросить, - усмехается горько. - Я бы тебе и так сказал. Не пришлось бы напрягаться.

- Вик?! Ты бредишь?!

- Увы. Не переживай, Надя, я, как и все, у твоих ног. Расслабься. От тебя никто живым не уйдет.

- Ты дурак!!! - у нее как-то странно дергается угол рта, будто бы сейчас заплачет. Но Надья никогда не плачет.

- Дурак, - соглашается Вик. - Полный идиот. Получила доказательства? Убедилась, что я тоже не могу устоять перед тобой? Тогда я пойду.

Он вдруг резко шагнул в сторону.

- Если решишь остаться ночевать, белье на постели свежее, в холодильнике тушеная курица и макароны.

Через минуту хлопнула входная дверь.

Она пока не может осознать то, что произошло. Выходит на балкон и видит, как он торопливо выбегает из подъезда, на ходу уже накидывая на голову капюшон.

Собирается убежать? От нее? Да кому он нужен?! Пошел он к черту!

Вдох-выдох. Правая, левая. Дышать. Переставлять ноги. Он не знал, как по-другому пережить то, что произошло. Не умел, не знал. Когда так долго ждешь чего-то, когда мечтаешь, гредишь... Видишь ее во сне. А потом получаешь ее вдруг... Сладко, невозможно сладко. И понимаешь - подарок вручен по ошибке. Или - тебе его так, дали поддержать на время. Не твоя она. И никогда не будет. Прибавил ходу. Бежать, бежать. От себя не убежишь, но и стоять - невыносимо.

В кармане завибрировал телефон. Смс. "Я ушла. Ключ под ковриком у двери". Ушла. Как всегда. Ноги вдруг перестали держать, и он упал на мокрую скамейку. Вытер влажный лоб. Нельзя так. Дожить бы до диплома. А потом

- бежать. Да не так. По-настоящему.

За окнами такси проносятся городские огни, мелькают неоны реклам. Он сбежал от нее. От нее! Трус, подлец, мальчишка! Да как он мог?! Вообще не соображал, что делает? Кто перед ним? И кто его целует?! Будь он сейчас рядом... ох, чтобы она с ним сделала!

Эмоции захлестывают, но одно очевидно - в таком состоянии домой ехать нельзя. Да и не хочется, ей надо куда-то выплеснуть то, что клокочет внутри. Надо найти... кого-то... Ночь только начинается. Нет, как он посмел... посмел... отвергнуть ее!

Она потянулась к сумочке и... твою ж мать! Застонала. Какой стыд!

- Вам нехорошо? - осведомился водитель.

- Мне отлично, - Надя улыбнулась, хотя хотелось выматериться. - У вас курить можно?

- Такой красивой девушке можно все.

Она снисходительно усмехнулась, прикуривая. Как знакомо. Ей можно все, пусть эта скотина кудрявая зарубит себе это на носу! Но как же он ее все-таки... Она прикрыла глаза и поежилась, выдыхая теплый дым. Вот бы так же выдохнуть и это позорное ощущение...

У великолепной, во всех отношениях безупречной Надин Соловьевой был один маленький секрет, который она считала постыдным. Дело было в одной ее физиологической особенности, по-научному называемой "дисфункция бартолиновых желез". А если говорить по-простому, то смазка, необходимая для того, чтобы комфортно заниматься сексом, у нее вырабатывалась не всегда в достаточном объеме. Даже, чаще всего, наоборот. Для того, чтобы сделать ее достаточной "готовой", партнеру требовалось изрядно потрудиться. Именно поэтому секс для Нади был скорее обременительной обязанностью, больше для того, чтобы не прослыть

"ледышкой". Более того, это все даже какое-то время приносило ей значительный дискомфорт, если не боль. А потом она как-то обмолвилась об этом тете Даше Тихомировой, и та ей устроила совершеннейшую выволочку, прочитала лекцию о том, что мужиков много, а женское здоровье одно. И что испытывать дискомфорт и терпеть боль во время полового акта - дело последнее, и такой умной девушки недостойное. В общем, теперь у Нади всегда в сумочке, когда она отправлялась на свидание, имевшее шансы закончиться в постели, находилась не только пачка презервативов (а она в этом вопросе никогда не полагалась ни на кого, кроме себя), но и тубик с лубрикантом.

А теперь вот, лишь слегка поменяв положение ног, когда доставала сигареты из сумочки, она осознала совершенно невозможную и возмутительную вещь. Сейчас ее саму можно использовать как фабрику по производству лубриканта, черт побери! Кажется, трусики промокли насквозь. Они хотя весьма невелики размером, но все равно! А она ведь только целовалась! И с кем! Чертов Витька. Она вдруг остро сожалеет о тех временах, когда он был "всего лишь Вектор". Сейчас это, пропади все пропадом, не так!

- Надюша... - голос звучал сверху. Она подняла голову и поняла, что набралась уже преизрядно - сфокусировать взгляд удалось не сразу. - Я глазам своим не поверил. Ты? Одна?

Рома. Ромочка. Ее последний, с которым они довольно мирно расстались незадолго до Нового года. Эффектный, хорошо одетый брюнет. Папа у него, между прочим... Понимает вдруг, что не может вспомнить, кто там у Ромочки папа. Но какая-то шишка, точно. Да и не важно. Главное, что он хорош собой и сейчас рядом.

- Почему одна? - у ее улыбки поражающая сила

включена на максимальную мощность. - Со мной текила. И... - многозначительный взгляд, - ты...

- Счастлив, что заскочил сегодня в этот клуб, - присаживается рядом, поцелуй руки. Все развивается абсолютно предсказуемо. - Знаешь, Надюш, - руку ее не отпускает, наглаживает чувствительное запястье большим пальцем, - а ведь я так и не смог тебя забыть. Тебя невозможно забыть...

Она довольно улыбается. Она слышит то, что ей сейчас так нужно. А Вектор - просто дурак.

- Да? Вот так вот не смог забыть?

- Не смог, - на смену его пальцам приходят губы, демонстрируя всю очевидность его намерений. Она усмехается. Ромка всегда был достаточно прямолинейным.

- Тогда ты должен помнить, какой я коктейль предпочитаю, - усмехается, высвобождая руку.

- Я все помню, - он легко улыбается. - Сейчас закажу, - поднимается из-за стола и, наклонившись, ей на ушко: - Я помню не только твой любимый коктейль.

- А что еще? - Боже, как приятно наблюдать во взгляде откровенное восхищение. А не возмущение непонятно чем, как у некоторых!

Роман снова нагибается к ее уху.

- Например, твою любимую позу...

- Ай-ай, Рома, - она отодвигается от него. Грозит пальчиком: - Шалишь, парниша...

- Я абсолютно серьезен, - еще раз подносит ее руку к губам. - Не веришь - проверь...

- Ты мне сначала выпивку принеси, - усмехается Надя, - а там посмотрим.

Спустя три коктейля и сквозь конкретный алкогольный дурман она решила, что действительно, стоит проверить - все ли Рома помнит. В конце концов, он был не так уж и отвратителен в постели. Правда, ни презервативов, ни заветного тубика в сумочке не было - секс в ее планы на

сегодняшний вечер не входил. Но резиновые изделия у Ромки у самого должны быть, не мальчик наивный все же. А что касается второго... С этим у нее сегодня проблем нет. А если что - закроет глаза и представит, что это Вик ее целует... Что-то ей подсказывало, что это поможет. Совершенно точно - поможет.

Глава 7. Пассажиры поезда Москва-Одесса поняли, что что-то пошло не так, когда по вагону с напряжённым лицом прошёл Стивен Сигал.

(с) Народный фольклор.

За месяц до защиты диплома Вик понял, что нервы таки сдают. И не только у него. Тепеш выклевывал ему мозг мелкими порциями. И умом он понимал, что профессор хочет как лучше, чтобы было все идеально. Красный диплом, как-никак. Но терпение иногда просто истончалось до прозрачного состояния. Да еще эти американцы! Хотя, как только переговоры вступили в стадию подписания контракта, Вик с превеликим удовольствием попросил о помощи отца, и теперь с американцами по поводу деталей контракта препирался именно Баженов-старший. Одной головной болью меньше. И, кстати... Его всегдашняя головная боль номер один, Надя Соловьева, совершенно исчезла с горизонтов его жизни. Не звонила, не давала о себе знать. Это было, с одной стороны, благо - у него сейчас время и нервные клетки в дефиците. А с другой - ощущение совершенной ошибки не давало покоя. Оно тревожило его сны, и он просыпался с чувством полного провала. Убеждал себя, что это все нервы из-за предстоящей защиты, но иногда, бреясь перед зеркалом, замирал. И думал, что надо бы дать себе в рожу. За непроходимую тупость. Может, это был его единственный шанс? Он не знал! Но устал, измучился и... Наверное, трусливый побег - единственная возможность выжить. Не до геройства уже.

Май выдался жаркий, душный, с классикой жанра - ночными грозами, предваряемыми по вечерам стальным небом, которое потом легко раскалывали зигзаги молний. Перед грозой дышалось трудно, думалось тоже. Он вечерами подолгу стоял на балконе и просто смотрел - на небо, на дома, на крыши, на закат. Иногда - на людей. Голова в такие моменты бывала пустая и тяжелая одновременно.

Тот день был особенно душным. Совершенно не было аппетита, хотя под ложечкой сосало отчего-то. Уговорил себя сесть поработать, а вместо этого открыл на ноутбуке папку с фото. У него их было немного, ее фотографий, но были. Его любимая - крупный план, снято Машкой Тихомировой. С экрана монитора на него смотрят Надины огромные синие глаза. Больше всего он любит это выражение в них, которое даже невозможно описать толком. Дерзкие, насмешливые. И все равно ему чудится в них какая-то беззащитность. Это ее глаза. Ни у кого в мире нет таких.

Дзййййй. Он вздрогнул. Никого не ждал, никого не звал к себе. Взгляд на часы - почти три дня. Кто бы это мог быть?

Вик сначала просто опешил от неожиданности. И не сразу, лишь спустя какое-то время, полное их взаимного молчания, понял - с Надей что-то не так. Бледная, волосы растрепаны. Кажется... косметика размазалась? Определенно, сама не своя, на себя не похожа.

- Заходи, - открыл дверь шире. Шагнул назад.

А она шагнула вперед. Зацепилась каблуком за порог, покачнулась, упала бы, если бы он ее не подхватил.

- Эй, осторожнее, - придержал под локоть, за спину. Рефлекторно опустил взгляд вниз - посмотреть, как она так умудрилась. И замер.

Из-под черной юбки прямо по ногам, с внутренней поверхности бедер, расплываясь по колготкам, сбегали

вниз потоки чего-то темного. Здесь, в прихожей, они казались почти одного цвета с черным платьем. Но он откуда-то знал, что на самом деле эти потеки красного цвета.

Она снова качнулась, и, словно, очнувшись... Тело двигалось само, на каких-то неясных инстинктах, на непонятно кем заложенном в него автопилоте, пока разум пребывал в полнейшем ступоре, осмысливая увиденное. Подхватил ее на руки, в комнату, аккуратно на кровать. Здесь достаточно светло. Один взгляд на ее ноги и он непроизвольно зажимает себе рот ладонью. Это действительно кровь. Все ноги в крови, и она свежая. Бежит откуда-то... оттуда.

- Надя, - на колени рядом с кроватью, руку ее взял - ледяные пальцы. - Что случилось?

Глаза ее, огромные, ничего нет на бледном лице, кроме этих глаз. Не дерзкие, не насмешливые. Очень темные и измученные.

- Вик... - совсем тихо, - ты же меня не оставишь?

- Нет, конечно, нет, - он сильнее сжимает ее пальцы, свои руки кажутся очень горячими на фоне холода ее пальчиков. - Что случилось, скажи мне?!

Она закрывает глаза.

- Больно... - переворачивается на бок, сворачивается, прижимая коленки к животу. Будто пытаюсь хоть как-то отгородиться от боли.

- Я помогу! - торопливо. Знать бы еще, как! Что сделать?! - Ты мне только скажи, что произошло?

- Ты, главное, не оставляй меня, Вик... - все так же не открывая глаз.

Похоже, они ничего не собираются ему объяснять. Черт, он так ничего не сможет сделать, если не будет знать! Беспомощный взгляд в сторону кровавых полос на ногах. Течет же... оттуда... Он понятия не имеет, что это может быть. Но знает, у кого можно спросить!

- Я сейчас! - телефон лежит на столе, схватил, едва не обронив. Главное, чтобы у него был номер... Ага, вот он! Длинные гудки, он ждет, сжимая пальцы в кулак от нетерпения. И вот, наконец-то, на том конце отвечают:

- Да?

- Теть Даш, здравствуйте! Это Виктор Баженов. Можно, отвлеку? - скороговоркой.

- Здравствуй, Витя. Удивил. Ну, отвлекай.

- Я вот спросить хотел... Тут такая ситуация... - Надя вдруг приподнимается на кровати, с полными ужаса глазами мотает головой из стороны в сторону, палец к губам прижимает. Вик подходит, руку ей на плечо, вынуждая снова лечь. Он понял ее пантомиму. - У меня у девушки знакомой... кровотечение... ну, вы понимаете?... - пауза. - Да, правильно. Я не знаю, что делать.

Тетя Даша ему что-то отвечает, Вик не сводит с лежащей на кровати девушки напряженного взгляда, а Надя устало прикрывает глаза. Ей так хочется просто отключиться, но боль не дает... Вик негромко говорит по телефону, отвечая на вопросы:

- Да, сильное. Ну, мне так кажется. Все ноги... в крови. Что? - еще одна пауза. Надя приоткрывает глаза. Он смотрит на нее, внимательно смотрит прямо в глаза. И, перейдя к каким-то выводам: - Да, наверное. Может быть такое. Я не уверен, но... А это может быть что-то другое? Да, я понял. А что... Скорую? Понятно. Ага, спасибо вам большое. Да, обязательно. До свидания.

И тут же набирает снова. И почти сразу:

- Здравствуйте. У девушки моей сильное кровотечение. Мы думаем, что это выкидыш. Да, правильно. Адрес? Сейчас, диктую...

Он нажимает отбой. Все, остается только ждать. Она не сказала ни слова, не поправила его, хотя все слышала. Значит, это правда. Вик на секунду закрывает глаза, но запрещает себе думать об этом. Потом, это все потом.

Сейчас гораздо важнее, чтобы "Скорая" быстрее приехала. И чтобы врачи сделали... ну, что там положено делать в таких случаях. Потому что кровавые полосы на ее ногах - это действительно страшно, он такого никогда не видел. Вот об этом и стоит думать сейчас, и ни о чем другом. Чтобы все было хорошо.

- Все будет хорошо, - снова садится на пол рядом с кроватью. Нерешительно касается ее руки, а она сама вдруг крепко сжимает его ладонь. Пальцы ее все такие же ледяные. - Сейчас "Скорая" приедет. Не бойся.

- Вик... Ты со мной? - тихо спрашивает она, не открывая глаз.

- Я с тобой.

Так они и ждали еще полчаса. Молча, взявшись за руки. Он сидит на полу, опершись спиной о кровать, на которой лежит она. И постельное белье на кровати под ней медленно промокает от крови.

А потом приехала "Скорая". Ему задавали кучу вопросов, на которые он не знал ответов. Потом что-то тихо говорила врачу Надя, он старался не слушать. А потом он ее на руках донес до машины, подстелив под спину и ниже полотенце. Надя казалось ему совсем невесомой.

И всю дорогу он сидел рядом с ней, лежащей на каталке, держал за руку. Сильнее сжимал ее пальцы, когда она морщилась, если машину потряхивало на ухабах. И одними губам: "Все будет хорошо". Сам в это не верил, да и не понимал толком, что происходит. Но главное - чтобы она верила, что с ней все было в порядке.

Дежурная больница, черт знает где. Надю увезли, он остался ждать. Вик ненавидел больницы, ненавидел белые халаты, это с детства. Колька над ним ржал, грозился, что станет психиатром и будет лечить эту его фобию. Про психиатра Вик Самойлову не верил - у того на лбу большими буквами было написано - "Костопправ", но

сейчас за общество друга он бы многое отдал. Чтобы спокойный как удав, умудряющийся шутить в любой ситуации Ник сейчас был рядом.

Но Виктор был один. Нет, в приемном отделении куча людей, все со своими бедами и проблемами. И он наблюдал за происходящим, старательно, будто ему интересно. Чтобы не думать о том, что произошло. И о том, что происходит сейчас. С Надей, где-то там, в недрах этого огромного здания, которое видело много всего - и боли, и горя, и смерти.

Зазвонил телефон. Тетя Даша Тихомирова.

- Да, тетя Даш?

- Ну что там у тебя, Витя? Как дела у твоей девушки?

- Мы в больнице. Жду вот.

- Может, помощь нужна? Я могу позвонить, знакомых-то много. Какая больница?

Вспоминает Надину пантомиму. Она явно старается сохранить все это в тайне. Ну да это и не удивительно.

- Спасибо, тетя Даша. Я... если что, я обязательно вам позвоню. Пока вроде бы и так... все нормально.

- Ладно. Если что - звони. И, Виктор, на будущее. Надо быть аккуратнее. Я думала, ты понимаешь. Это же не шутки. Мать в курсе?

Острое желание стукнуться головой в стену. Как все неправильно!

- Нет. И, пожалуйста... не говорите ей. Тут все... непросто.

- Да конечно, непросто! Кому ты это говоришь! - чем-чем, а деликатностью тетя Даша не отличается. - Выкидыш - это очень серьезно. У твоей девушки беременность первая?

Желание биться головой уже просто нестерпимое.

- Кто с Соловьевой приехал? - в приемный покой заходит немолодая женщина-врач.

- Теть Даш, я перезвоню, - торопливо и на отбой, не

попрощавшись. Поднимается на ноги, он привычно выше доктора едва ли не две головы.

- Я.

- Значит, так, - спокойно и деловито. - УЗИ показало, что плод нежизнеспособен. Учитывая уже имевшую место значительную кровопотерю, выжидательная тактика и медикаментозное лечение не показаны. Произведена вакуум-аспирация, сейчас больная в реанимации. Через час, наверное, переведем в обычную палату. Если все будет нормально, через пару дней выпишем. Вот список.

- Список чего? - Вик смотрит на протянутый ему лист бумаги. "Список" - единственное слово, которое он четко понял. Остальное - вакуум... при чем тут вакуум... жизнеспособен... кто жизнеспособен... какая тактика?

- Список того, что больной сейчас нужно. Включая медикаменты и средства гигиены. Желательно это доставить сегодня. Успеете?

- Да, - что он еще может ответить? - А... - он не знает, как толком сформулировать свой вопрос, - с Надей... все в порядке?

- В порядке? - желчно переспрашивает доктор. Потом все ж смягчается - молодой же совсем парень, какой с него спрос? - Насколько это возможно в данной ситуации - да.

- А я могу ее... увидеть?

Молодой, но настырный.

- Сейчас - нет. Говорю же, ваша Надя - в реанимации. Вот в палату переведем - тогда да. А вы пока все нужное приобретете - как раз, так и получится.

Доктор уходит, не попрощавшись.

Промотался часа три. Сначала домой за деньгами, потом по аптекам. Устал, издерган. За Надю страшно, за себя - противно. Думал, хуже быть не может. Оказывается - может.

- Витька!!!

Обернулся. По подъездной дорожке, по которой

несколько часов назад он сам сюда приехал на карете "Скорой помощи", торопливо шагает к нему Люба Соловьева. Ох, наконец-то... Хоть кто-то. А то он уже совсем тут с ума сошел один.

- Люба, привет! Ты не представляешь...

Ему влепили... ну, на пощечину это не тянет. Так, пошлеп, даже не больно. Но все равно - обидно до чертиков!

- Как ты мог?! Вик, ты же ей друг! А ты... ты...

Он бы многое ей мог сказать. Про то, что почувствовал, когда понял, что Надя беременна. Про свою панику и полную растерянность. Про то, что он совершенно не понимал, что происходит и что он должен делать. Про все эти слова - врача "Скорой", в больнице, тети Даши по телефону. Черт его поймет, как он сегодня действовал - на каком-то автопилоте, потому что не соображал ничего. И тут, в довершение всего, еще и Любка... Туда же.

Потер рукой пострадавшую щеку. И буркнул хмуро:

- Я тут не при чем. Это не мой ребенок... был.

- Ой, - Любка выглядит смущенной. - Вить, прости. Я думала, раз уж ты тут... то и...

- Как будто ты не знаешь... - цедит он мрачно. Промолчать бы, но нервное напряжение сказывается, - к кому обращается твоя сестра, если ей не с кем идти в клуб.

- Но это же не одно и то же!

- Для нее, похоже, разницы нет.

Люба вздыхает.

- Как она там?

- Я не знаю. Я три часа по аптекам носился. Вот, - протягивает Любе пакет.

- Что это?

- Без понятия! - резко. - Что на бумажке написали, то и купил. Иди уже, - мотнул головой в сторону крыльца, - отнеси, ну и узнаешь заодно все. А то я ни хрена не

понимаю, что они там говорят. Вакуум какой-то... При чем тут вакуум, я так и не понял. Дела все эти ваши... женские...

- Жди меня здесь, - Любаша забирает пакет. - Жди! У меня вопросы есть к тебе.

У сестер Соловьевых это семейное! Распоряжаться им как своей собственностью.

К вечеру привычно душно. Через пару часов соберется гроза, это точно. Но и сейчас дышать очень тяжело. А в голове понамешано всего, и на душе погано. Вик пристраивается на старенькой, наполовину сломанной скамейке. Откидывается на спинку, сползает пониже, вытянув длинные ноги. Глаза закрыть. Попробовать отгородиться от всех этих непрошенных мыслей. Вот Люба вернется, он поговорит с ней, а потом домой. А там уже можно подумать. В полной мере "насладиться" выпавшим ему "счастьем".

- Надюша... - на глазах сестры слезы. Тихонько гладит бледную щеку, отводит темную прядь. - Как ты?..

- Все в порядке, - слабо улыбается Надя. - Люб, ну что ты... Не реви, не маленькая...

- Почему ты не сказала мне?! Ты же давно уже знала наверняка! Почему сказала только сейчас?! Я чуть с ума не сошла, когда ты позвонила...

- Я... я не знаю... - Надя вздыхает. - Просто... стыдно стало, наверное. Я ведь даже не помню, как все это произошло. Это Ромка. Помнишь Рому?

- Так вы ж с ним еще до Нового года?.. - сестра удивлена. - Ты ж с ним не встречаешься больше?

- Не встречаюсь. Но вот попался он мне. Под горячую... хм... руку. Я в клубе набралась, настроение было... паршивое. Самое гадкое, что я не помню, как это все... случилось. Утром проснулась у Ромки, голова раскалывается, напрочь не помню, как я к нему ехала.

Спрашиваю - у нас было что-то? Он ржет, скотина. Я, говорит, тоже не помню. Хотя так... похоже, что было. Ну, я думала, даже если и было - он озаботился... вопросами контрацепции. А потом выяснилось, что... - Надя судорожно вздохнула, - что он меня поймел... пьяную... как ему удобно было.

- Надя!.. - потрясенно.

- Я все знаю, - морщится Надежда. - Я полная дура и так мне и надо.

- Нет, ну что ты! - горячо не соглашается Люба. - Ты вовсе не...

- Еще скажи, что я не виновата, - невесело усмехается старшая сестра. - Я, только я. Урок такой... на всю жизнь. Я ведь не знала, что делать... совершенно. Две недели как в тумане. Я была в панике...

- А я ничего не замечала! - Люба качает головой. - Прости меня, сестричка.

- Я приложила максимум усилий... чтобы никто ничего не заметил. Я... я аборт собиралась делать.

- Аборт?! - ахает Люба, не сдержавшись, громко. На них оглядываются соседки Нади по палате. Сестры старались говорить негромко, на них и так косились с явным любопытством.

- Ну не рожать же... по пьяни... непонятно от кого... - вздыхает. - А сегодня на занятиях сначала живот заболел. Потом чувствую - мокро. Я в туалет. А там... такое...

- Надюша... - сестра гладит ее по голове. - Почему ты домой не поехала? Почему к Витьке?!

- Я не знаю! Снова дура, не иначе! Я не знаю, почему к Витьке поехала! Мне... мне... страшно стало. Я ничего не соображала. И почему-то... - Надя вдруг отворачивается к стене. Глаза закрывает, зажмуривается. Зачем, действительно, зачем она втянула в это Вика?! Но в тот момент, момент паники и страха, ни о ком другом она даже не вспомнила. Будто не было у нее никого, кроме

него. Но ведь это не так. Снова поворачивается к сестре. - Люб, я не знаю. Вика подставила, конечно. Ты его видела? Он... он злится на меня?

- Ну... вид у него не радостный, в целом. Да еще я, - Люба смущенно хмыкает: - добавила...

- Чего добавила?!

- Ну... я подумала, что это он тебя... довел до такого состояния... ну, что это от него ты. Психанула и...

- Что "и"?!?

- Да не ори ты так! - оправдывается сестра. - Я немножко стукнула его... чуть-чуть... и потом извинилась!

- Черт! - Надя приподнимает голову и снова с размаху на подушку. - Только этого Вику не хватало!

- Да переживет, не в первой ему, - отмахивается Люба. - Кстати, всякие лекарства и прокладки он тебе покупал. Это же Вектор. Он от тебя ко всему привычный.

А Наде тошно. И стыдно, и гадко. Но самое ужасное заключается в том, что понимает: не могла она ни к кому другому обратиться. Только он ей был нужен в этот момент. И когда он за руку держал, паника и боль будто отступали. И это было самое страшное. Когда он стал ей так нужен? И четкое осознание - он был бы счастлив, если бы она с этой бедой не приходила к нему, не падала на руки через порог, с красными от крови ногами. Ему это точно не нужно. Разгребать последствия того, что сделал с ней другой парень. Что она натворила? С собой, с Виком? И что теперь будет с ними, с их дружбой? Один неосмотрительный поступок - а какой ужасающий калейдоскоп последствий...

- Он ушел?

- Нет, я просила подождать.

- Люб... попроси его зайти ко мне.

- Конечно, - легко соглашается сестра. - Тебе еще что-нибудь привезти?

- Пока нет. И дома не говори!

- Как "не говори"?! Тебя дома не будет два дня, как минимум! Что ты скажешь родителям?!

- Совру что-нибудь, - морщится Надя. - Не в первый раз. Родители не должны знать! Не хочу позориться. Все равно все уже... прошло. Само собой.

Люба недовольно качает головой. Все-таки у Надьки в голове временами тот еще бардак.

Появление Вика в палате вызвало повышенный интерес у находившихся там еще двух женщин. Ну, еще бы, в больнице дел-то не много у пациенток, а тут у соседки по палате посетители один интереснее другого - то сестра-близнец, то симпатичный парень.

- Как ты? - присел рядом на стул. - Болит... что-нибудь?

- Нет. Все... уже прошло, - Надя замолчала. С мыслями собиралась, пока его ждала. Но сейчас даже в лицо смотреть трудно. Стыдно. Но надо. Выдохнула. - Вик, ты извини меня. За то, что втянула тебя в это. Ты тут не при чем, конечно, ты Любку тоже извини, она курица глупая...

- Не надо, - перебивает он. - Ничего страшного. Главное, что с тобой все в порядке.

- Правда? Ты... не сердишься на меня? - жалкий голос и жалкий вопрос. Но не может с собой ничего поделать - ей необходимо его задать. И за руку тоже... просто необходимо взять. Сжала его пальцы, нехоти удивляясь, уже привычно, сколько же она в нем не замечала. Большие ладони, длинные пальцы. Жесткие подушечки, это от гитары. И, наконец-то, решилась в глаза посмотреть, боясь там увидеть... что-то. - Не сердишься, Вик?

- Нет. Все нормально.

Она ему почему-то не верит. Его пальцы под ее рукой неподвижны, тон ровный, лицо... лицо ничего не выражает. Чувство, будто что-то изменилось между ними. Изменилось навсегда. И, словно подтверждая...

- Надь, я пойду, - освобождает свою руку. - Ты отдыхай.

Тебе же нужно отдыхать... после этого.

Он уходит, а она отворачивается к стене. У Нади чувство, что она потеряла что-то важное. И это не то непонятное в ее теле, что могло бы вырасти в ребенка, что она не успела даже осознать. Это что-то другое. И это связано с Виком.

Поплакать бы, но слез нет. Да и нет у нее привычки плакать. После этого всегда так ужасно выглядишь.

А он думал, что вляпался в дерьмо по самое горлышко. Нееет, по горлышко - вот сейчас, а до того было - по пояс. Теперь же он достиг самого дна унижения. Об него вытерли ноги. Ну, а как это иначе назвать? Есть девушка, которой ты бредишь не один год,дохнешь и сгораешь от безответной любви, мечешься из крайности в крайность - от попыток избавиться от этой зависимости до каких-то невесть откуда берущихся неясных надежд из серии: " Ну а вдруг?!..". А потом действительно - вдруг она оказывается на пороге твоего дома. Беременная. И, разумеется, не от тебя.

Сначала все затмевал страх за нее. Вик понятия не имел, что это за хрень такая - выкидыш, но, судя по тому, что рассказывал ему отец - какая-то довольно опасная для женского здоровья штука. Да и текущая по ногам кровь говорила сама за себя. Он в жизни столько крови не видел.

Но потом, потом... Когда страх отступил, когда стало понятно, что все в целом обошлось, угрозы для здоровья нет, да и беременности, собственно, уже тоже... нет. Вот тогда он позволил себе осознать.

А он, наивный дурачок, на что-то надеялся после того раза у него дома. Всю голову сломал, пытаюсь понять - правильно ли он поступил? И чего ради Наде в голову пришла идея его целовать? Но какие-то нелепые сладостные надежды постоянно лезли в голову, он их усердно давил. Но все равно в мозгу свербило: "А что,

если она сделала первый шаг? И теперь ждет ответного шага от него?". А он тут сидит, ждет непонятно чего. Мечтать об этом было обморочно сладко, ошибиться же - страшно так, что он предпочитал ничего не делать вовсе. Так у него была хоть какая-то призрачная мечта. Теперь не стало и ее.

Она просто в тот день соизволила обратить свое внимание на него. Звезды так совпали или фаза луны. Или это как-то с Лилей связано. Но она решила, что день подходящий, чтобы попробовать, что собой представляет Вектор. Попробовала. Видимо, не впечатлило. И кроме поцелуев рабу ничего не позволили. То, что именно он первый ее оттолкнул, сейчас казалось неважным, несущественным. А вот что было важным - так это то, что кому-то было позволено много большее. И то, что с ней произошло сегодня - наглядное, болезненное и крайне унижительное тому подтверждение.

Нет, он понимал, конечно, не полный же болван, что при ее красоте парней у нее - хоть каждый день меняй. Но старался не думать об этом, старательно игнорировал. А теперь вот получил весьма наглядное подтверждение. Что кто-то пошел дальше поцелуев, гораздо дальше. Кто-то другой получил все. Прикасался к ней везде, где только хотел. Раздевал ее. Видел обнаженной. Прижимался к ней. Брал ее. Кончал в нее.

В такие моменты внутри больно бывает так, что спасение только - бутылка водки в одного, да и то, не факт, что поможет. Или за руль и педаль газа в пол. Чтобы вибрировало все - от стального сердца машины до твоих пальцев на руле, и все мысли сметает несущийся по артериям адреналин.

Водка дома отсутствует, идти в магазин нет ни сил, ни желания. Машины тоже нет. И поэтому из чехла достается Fender. Усилитель, наушники, пальцы привычно сжимают медиатор. Звук погромче, музыка поубойней. Korn, Linkin

Park, System Of A Down, старый добрый AC/DC. Он играл себе долго, пока до дрожи не устали руки, а в ушах, когда он снял наушники, стояла гулкая тишина после ревущих гневных гитарных аккордов.

Спал он в эту ночь не один. Компанию ему составил его верный Dreadnought*.

Всю ночь бушевала гроза. И утро было пасмурным. Наверное, именно поэтому он проспал. То есть, идти ему куда не надо было, но обычно просыпался сам, часов в восемь. А тут, в половину десятого его разбудил телефонный звонок. На ощупь нашарил телефон, в трубку хрипло:

- Да?..

- Вик, забери меня.

Он проснулся мгновенно, резко сел на кровати.

- Надь, что случилось?

- Ничего. Я хочу отсюда уйти. Забери меня, - а потом, после паузы, совершенно иным, неузнаваемым, не ее голосом: - Пожалуйста, Вик...

Вот теперь он начинает паниковать. Снова.

- Что случилось?!

- Ничего, правда. Со мной все в порядке. Я просто хочу домой.

- Врач сказал...

- Мне все равно, что сказал врач! - срывается она. Ему слышно, как она там вздыхает, на другом конце трубки. Вздыхает раз, другой. И, тихо: - Я все равно уйду, Вик. Утренний осмотр был, заявление о самовольном уходе я написала. Или я ухожу одна, или...

- Дай мне пару часов.

Одеваясь, он думал о том, что единственный шанс ему не бежать каждый раз по ее первому же зову - быть от нее как можно дальше. А если между ними будет океан - это будет совсем хорошо и сверхнадежно. А еще - о том, что

он так и не поменял вчера постельное белье. И спал на этом темном буром пятне.

Она выглядит чуть лучше, чем вчера. На ней удивительно простая одежда - джинсы, джемпер, даже вместо привычных шпилек - мокасины. Видимо, это Любиных рук дело. Он забирает у Нади большой пакет, наверное, вещи. Например, то самое платье, которое на ней вчера насквозь промокло от крови.

- Ты как?

- Жить буду, - небрежно. - Где такси?

- Я машину у матери взял.

- Ух ты... Поедем на "Ауди"? Ты сегодня властелин колец?

- Да.

- Шикарно. Я тронута.

Какого черта она ерничает?

- Угу. Там как раз специально для тебя светлые кожаные сиденья... кстати.

Она резко останавливается, а он понимает, что перешел все границы.

- Надь, извини. Я это... не подумав, ляпнул. Черт, извини.

Он ждет, что она сейчас устроит ему скандал, наорет, обзовет хамом. Но она лишь кивает медленно.

- Ничего. Я заслужила, - и, пресекая его попытку что-то сказать: - Пойдем. Где машина стоит?

- Домой? - он задает совершенно очевидный вопрос, но молчание угнетает. Щелкает ремнем безопасности, поправляет зеркало заднего вида. Он не любит ездить на этом бегемоте, но свою машину отец не дал, не может ему простить ту пустяковую царапину на бампере. - Надь, ты спишь, ау? Я спрашиваю - домой тебя отвезти?

- Домой, - кивает она. - К тебе.

- Что?!?

- Вить, - она поворачивает голову в его сторону, и ему кажется, что он видит ее первый раз в жизни. Нет дерзкой, насмешливой, идеальной красавицы. Лиловые тени под глазами, волосы небрежно заплетены в косу. Синева глаз будто чернильная. И все равно Надя кажется ему безумно красивой. Даже более красивой, чем обычно. Такой... настоящей. Без маски. И очень хрупкой, почти стеклянной. Тронь - разобьется. - Я понимаю, что втянула тебя во всю эту историю без твоего ведома. Я виновата перед тобой, - он не знает, но она вкладывает в эти слова совсем иной смысл, неясный даже ей самой. Но уверенность четкая - ей есть в чем виниться перед Виком. - Но все-таки попрошу тебя. Можно, я у тебя сегодня побуду? Один день, Вик. Я прошу тебя. Я не могу сейчас домой. Мне надо с мыслями собраться. А в больнице... так тошно.

Вот тут он ее понимал, как никто. Больницы ненавидел. Но все равно... это как-то неправильно.

- Надь...

- Я не помешаю тебе, - торопливо и как-то... умоляюще?

- Буду сидеть тихо, как мышка. Чай тебе буду приносить.

Он прикрывает глаза. Он просто не может ей отказать. Это невозможно, это выше его сил.

- Конечно, - ему удастся даже улыбнуться. - Поехали. Только у меня бардак дома и жрать нечего.

Люба обещала сестре, но здравый смысл дороже. А Надька чудит, ох как чудит...

- Мам, можно? - заглянула в кабинет, он у родителей один на двоих. Мать работает, и она знала, что в такие моменты ее лучше не беспокоить. Но сейчас случай особый.

- Что такое, доченька?

- Ты только не волнуйся, ладно? - присела рядом.

- Отличное начало разговора, - Вера медленно снимает

очки, аккуратно складывает дужки. - Кто отличился? Ты? Надя? Соня?

- Надя, - вздыхает Люба. И, решившись: - С ней все в порядке... уже. Но она в больнице.

Вера Владимировна ахает, прижав пальцы к губам.

*Dreadnought** - модель электрогитары марки Fender.

Глава 8. -- Не бей его! -- Почему? -- Я сам ударю.

(с) к/ф "Денежный поезд"

Он не врал. И про бардак, и про пустой холодильник. Первым делом - перестелить постель. Надя ни словом не обмолвилось про испачканное кровью постельное белье, отвернулась только, обхватив себя руками.

- Ложись. Отдыхай. Я в магазин схожу. Пожелания будут?

- Нет, - зябко передергивает плечами. - Спасибо. Я ничего не хочу.

- Но тебе же надо, наверное... после всего этого... кушать, - чувствует себя - дурак дураком, уговаривает взрослую девушку поесть.

- Не хочу ничего, - повторяет упрямо, но устало.

Воспоминания детства - когда болеешь, кушать куриный бульон. И фрукты еще. Хотя, наверное, сейчас явно не та ситуация. Фиговая из него нянька для капризной принцессы. Ладно, апельсинов купит. Их она любит точно. Сам ограничится универсальной едой на все случаи жизни - пельменями.

На полу возле кровати стоит тарелка с разделенным на дольки, но нетронутым апельсином, стакан вишневого сока. Тоже почти нетронутый.

- Надь, ну поешь хоть что-нибудь.

- Я завтракала в больнице.

Вот врет и не краснеет. Так он и поверил, что Надин

Соловьева ела больничную кашу.

- Я там печенья купил, вкусного. Может, чаю? Крепкого, с лимоном и...

- Вик, полежи со мной...

- Что?!?

Она не смотрит на него.

- Мне холодно.

- Я сейчас одеяло еще одно достану.

- Вик... полежи со мной... пожалуйста. Просто полежи рядом. Недолго. Я... - она наконец-то поднимает на него взгляд, - я ничего делать не буду. Просто полежи рядом со мной. Как плюшевый мишка.

Плюшевый мишка. Охренеть. Наверное, теперь по горлышко. Больше всего сейчас хочется рвануть из квартиры вон, хлопнув от души дверь. Чтобы не быть плюшевым мишкой для любимой девушки.

А вместо этого... Что он делает?! Почему не может сказать ей "нет"?! Никогда не может?!

Лег рядом, поверх одеяла, не прикасаясь и стараясь не смотреть в глаза. Хрен ему это помогло. Надя выбралась из-под одеяла, придвинулась сама, он едва подавил вздох. Уткнулась носом ему куда-то в надпись "Hobbit" на футболке. И, спустя пару секунд, руку ему за спину. Прижалась и затихла.

А у плюшевого медведя рвется на части его отнюдь не плюшевое сердце. Рвется от противоречивости того, что бушует в этом самом сердце. Очередное унижение - быть грелкой для нее, жилеткой, спасательным кругом. И ничем больше. Это так очевидно, так явно. Измученная синева глаз, мольба во взгляде. А с другой стороны - ну не может он отказать ей, когда она нуждается в нем! Хотя так, но нуждается. И лежать рядом с ней все равно сладко, так сладко, что поневоле можно уже начинать опасаться за то, что организм опять подведет непредсказуемой физиологической реакцией. Что будет сейчас совершенно

некстати. И все равно руки удержать невозможно, ладонь ей на плечи, тихонько перебирает волосы. Чувствует себя откровенно жалким извращенцем. Утешается лишь тем, что менее чем через два месяца он будет лишен даже этого. Не увидит. Не прикоснется. Так пусть у него останутся хоть какие-то воспоминания.

- Согрелась? - так трудно удержаться от желания прикоснуться к ней губами, хотя бы вот ко лбу. Он помнит, какая у нее гладкая кожа...

Тишина в ответ. Ровное тихое дыхание. Согрелась и заснула. Из него получился идеальный плюшевый мишка.

Тихонько, чтобы не потревожить, встал, накрыл половиной одеяла. Пошел на кухню, заварил себе крепкого сладкого, с лимоном. От которого отказалась принцесса. И сел работать. Даже плюшевым медведям необходимо работать. Если удастся себя убедить, что у мягких игрушек не может болеть сердце.

Спалось ей хорошо и крепко. В отличие от предыдущей ночи, в которую она и не спала толком. Были ли тому виной провисшая сетка на больничной койке, какое-то странное, непривычное чувство пустоты внутри или банальная, но не сильная тянущая боль внизу живота - неясно. Но она всю ночь проворочалась с боку на бок. И ее грустные беспокойные мысли крутились вокруг Вика.

И сейчас предмет ее ночных бдений сидит в паре метров от нее. В Надину сторону не смотрит, даже не заметил, что она проснулась. Что неудивительно - непокорная шапка кудрей немного примята парой здоровенных серебристых наушников, а сам Вик явно увлечен работой. Надя поворачивается на бок, устраивается поудобнее. За ним интересно наблюдать.

Глаза двигаются, внимательно изучая что-то, невидимое ей, на экране ноутбука. Пальцы живут своей беспокойной жизнью. То вплетаются в волосы надо лбом, еще более

усугубляя хаос, творящийся на голове. То отбивают на столе какой-то рваный ритм, видимо, в унисон тому, что играет в наушниках. То постукивают по губам, аккомпанируя этим жестом нахмуренному лбу. Потом прижимает обе ладони к лицу, трет его. И, отняв руки от лица, поворачивается к ней. Стягивает с головы наушники.

- Проснулась? Как самочувствие?

Вместо ее ответа - дверной звонок.

Стоящий на пороге его квартиры Надин отец вызвал в голове четко-ассоциативное воспоминание о последней встрече с представителем семейства Соловьевых. Если еще и Стас Саныч ему сейчас вмажет, вслед за Любой... а кулачищи у него будь здоров...

- Здравствуй, Виктор, - Соловьев-старший шагает через порог, не дожидаясь приглашения. Протягивает руку. Для рукопожатия, к облегчению Вика. - Надежда у тебя?

- Да, - отвечает на рукопожатие. Прокашливается и запоздало: - Здравствуйте, Стас Саныч.

Они проходят в комнату. Надин взгляд, потрясенный - на отца, укоризненный - на Вика. Тот отрицательно мотает головой. Соловьев-старший на их пантомиму внимания не обращает.

- Надюша, собирайся. Поехали домой.

Она не выдерживает. Губы кривятся.

- Вик... мог бы и сам мне сказать... я бы поняла, что мешаю.

- Виктор тут не причем, - Стас не дает Вику ответить. - Тебя Люба сдала, если хочешь знать. Но тебе тут делать в любом случае нечего. Надя, - отец подходит к кровати, протягивает ей руку, - у тебя же есть мы. Мама, я. Ну что ты, в самом деле. Никто тебя не осуждает. Поедем домой. Мама там с ума сходит. Нечего Вика напрягать.

- Да я не...

- Витя, спасибо тебе за все, - перебивает его Соловьев, -

но это дело семейное, - и, обращаясь уже к дочери: - Поехали домой, ребенок.

- Доченька... - Наде безумно стыдно. Мама плачет. А мамы характер такой, что заставить ее плакать - это надо ой как постараться. Надя сама такая же. А теперь вот мать плачет. Гладит старшую дочь по голове и плачет.

- Мам, - Надя смущенно утыкается матери в плечо. - Ну, прости дочь непутевую...

- Ты еще скажи, что больше не будешь, - сквозь слезы хмыкает Вера.

- Не буду! Точно больше не буду!

- Ох, ребенок-ребенок, - Вера вздыхает и крепче прижимает старшее бедовое чадо к себе. - Ты вот мне скажи... я все могу понять... но Виктор-то тут причем? Да неужели ты думала, что мы тебе враги? Или что не поймем? Ну ладно, папа... он мужчина. Но почему мне не сказала? Наденька... ну неужели ты мне доверяешь меньше, чем Виктору? Он тут совсем не при чем.

- Мама... - тон у Нади абсолютно беспомощный. Она не знает, что сказать в свое оправдание.

- Нельзя так. Ну, он же парень. Как ты не понимаешь? Что он о тебе подумает?

Она бы многое могла сказать матери. О том, как сожалеет о случившемся: начиная с того поцелуя у него дома, вслед за которым ситуация и покатилась под откос - ее злость, клуб, случайный секс, беременность и как апогей - все завершилось там, где началось, у Вика дома. Круг замкнулся. Она все испортила. Все было неправильным, все. Не вернуть, не исправить. Но об этом матери не расскажешь.

- Мам, я очень сожалею, - тихо. - Правда.

- Что уж теперь, - Вера поворачивает голову, целует дочь в висок. - На все воля Божья. Ты, главное, не забывай: мы - твоя семья. Всегда поддержим. Что бы ни случилось, мы

всегда на твоей стороне. Помни об этом. Хорошо?

- Хорошо.

Лишь спустя пару недель она поняла - неовозвратно изменились не только их отношения с Виком. Она сама... Надя не узнавала себя. Общаться ни с кем не хотелось, все поклонники были посылаемы лесом, от общения с подругами уклонялась в форме чуть более вежливой, но столь же безапелляционной. И банальная физическая слабость имела место быть, особенно первое время, когда после занятий сил ни на что не было. Ее даже отец несколько раз на машине с занятий забирал. А самое главное - какая-то пустота внутри. Никого видеть не хотелось. Никого. Кроме него.

А ведь мама была права. Это было элементарно нелепо, непорядочно, неправильно. Сначала приставать к парню с поцелуями, а потом являться к нему беременной от другого в расчете на помощь, поддержку. А ведь он ни слова ей не сказал, не упрекнул. Сделал все, что сумел, помог, поддержал. Не бросил в трудный момент, не послал к черту, даже из больницы забрал, хотя уж тут-то вообще был не обязан. Друг, самый настоящий друг. Только вот друзьям язык в рот не засовывают. И физиологической реакции в виде эрекции на друзей не бывает, насколько она в курсе.

Когда она думала о том, хотела ли она исправить все, не делать того, что натворила, что привело ко всем этим событиям... Глупостей она наделала - на всех троих сестер хватит. Но если бы у нее была чисто гипотетическая возможность... вернуться в прошлое, не делать того, с чего все началось... Того поцелуя было бы жаль лишиться. Они целовались по-настоящему! Более того, так, как с ним, она ни с кем не целовалась. До сих пор помнит, как мгновенно отозвалось тело, молниеносно загорелось, словно лист бумаги, брошенный в костер.

И ведь ОН отвечал ей! Не только она одна сходила там с ума. Они помнит, как он застонал, когда она раздвинула языком его губы. Это было очень волнующе, неожиданно, пронзительно волнующе. И как он стал сразу настойчив, жаден на прикосновения, откровенен в желаниях. И его руки... и губы... и еще кое-что... Даже сейчас, спустя время, при воспоминании, ее дыхание становится тяжелым.

ЧТО?! Что потом случилось?! Что пошло не так?! Что за бред он нес?! Она до сих пор не могла это спокойно вспоминать и оценивать, сразу начинало остро жечь в груди от того, что он посмел ее отвергнуть, когда она так откровенно предлагала себя!

Все равно, сделанного не воротишь. А у нее теперь время трезвости и воздержания. Весь досуг складывается из разговоров с сестрой и чтения. Это ее неожиданно увлекло. Полюбопытствовала у Любы, которая пошла по стопам матушки и училась в Литературном, что бы такого мозговывоспитательного почитать. И втянулась. Это было то, что надо - забивать голову чужими проблемами и мыслями, чтобы хоть как-то уйти от своих.

Чем ближе к защите, тем более уплотняется время. Часов в сутках все меньше, а дел все больше. Вик запретил себе думать обо всем, кроме диплома. Потом, если уж так приспичит, потом. Как ни странно, получалось. Помогал вредный Тепеш и собственная гордость. Сколько можно, в конце концов?! Вот теперь-то яснее ясного: ловить и ждать ему нечего. Хлебнул унижения не то, что ложкой - полным ковшом экскаваторным. Уезжать, забывать, вычеркивать. Отчетливо понимал: будет больно. И возможно, он пожалеет о том, что уехал, что она так далеко, и невозможно сесть на автобус и приехать, вот просто так, потому что хочет видеть. Нет, они будут далеко друг от

друга. Только так можно ее вырвать из души, из сердца. С кровью, по живому. Но именно там, через огромный океан от нее у него есть шанс пережить изъятие токсина по имени "Надин Соловьева" из своей крови. Чем дальше, тем лучше. Дотерпеть бы только до этого времени. Но сначала - диплом.

Сессия случилась как всегда внезапно. Впрочем, для Надиного грустного и вдумчивого настроения это было как раз кстати. В кои-то веки она занималась и готовилась едва ли не с удовольствием. Ничто не отвлекало. Кроме совершенно несвойственной ей грусти, даже тоски. Смертельно хотелось позвонить Вику. Но что сказать? Все слова казались пустыми, неправильными, ненужными. *Спасибо, что помог? Абсурдно. Извини, что так получилось?* Глупо. *Я скучаю по тебе?* Стыдно.

И оставалось лишь одно - забивать голову фактами из истории международного права. В наушниках играло нечто страшное и громкое из той папки, куда Вик ей как-то записал своей любимой музыки. Почему-то сейчас ей даже нравилась эта музыка. Созвучно было. Внутреннему душевному настрою. Единственное, что радовало: здоровье восстановилось полностью. Хотя что-то.

Утро. У Нади сегодня первый экзамен в сессии. Вся семья дружно на кухне, Надя под папино ворчание завтракает кофе и шоколадкой.

- Я не могу перед экзаменом есть, пап, - оправдывается. - Ты же знаешь.

- Начинается, - вздыхает Стас. - Как сессия, так никто ничего дома не ест. Волнуешься, что ли?

- Нет, - качает головой Надя. - Я готова стопроцентно. Даже не сомневаюсь, что сразу Андрея Рудольфовича наповал своими знаниями.

- Скорее уж, длиной и разрезом юбки, - смеется Люба.

- И этим тоже, - демонстративно закидывает ногу на ногу. - На экзамен надо приходить во всеоружии.

- Иногда я завидую Олегу, - усмехается Соловьев. - Один ребенок, и тот в мини-юбках на экзамены не ходит наверняка.

Люба звонко хохочет, едва не давясь кофе.

- Ой, - аккуратно, чтобы не размазать тушь, вытирает выступившие слезы. - Я представила себе Витьку в мини-юбке. А что? У него ноги длинные...

Улыбается даже Стас.

- Как у него дела, кстати? У парня с длинными ногами, а, Надь?

Ей нечего сказать, она понятия не имеет, как у Вика дела, они не говорили с того раза. Но неожиданно отвечает мать.

- Баженовы, слава Богу, отмучились. Виктор вчера диплом защитил.

Надя замирает, не донеся чашку до губ. Черт, а она и не знала!

- И как? - интересуется отец.

- Ой, мы вчера с Женей наскоро поговорили. Все нормально, насколько я поняла.

- Значит, Виктор уже с дипломом?

- Еще нет. Послезавтра у них торжественное вручение дипломов. Женя жаловалась, что Витька им запретил приходить на вручение. Он же у них жутко самостоятельный.

- Ну а что? - пожимает плечами Стас. - Вырос уже, не мальчик, взрослый мужик.

- Ой, ну скажешь тоже - мужик, - не соглашается Вера.

- Конечно, мужик. Витька у них настоящий мужик уже, нормальный, адекватный, с головой дружит. За него можно быть спокойным. В отличие от наших... красавиц.

- Спасибо, папа! - Надя с Любой хором.

- Пожалуйста, девочки, - невозмутимо отвечает отец.

Обо всем, услышанном за завтраком Надя позволила себе подумать после экзамена. Уже после того, как распрощалась, наконец-то, с Андреем Рудольфовичем, которого действительно покорила и своим уровнем знаний, и мелькавшим в разрезе юбки стройным бедром, обтянутым черными колготами. Как бы то ни было, первая в эту сессию пятерка уже красовалась в зачетке. Но вместо радости в голове был сумбур.

Ее самый близкий друг. Тот, к кому она пришла, когда ей было плохо и страшно. Вектор, Витька, Вик. Вчера защитил диплом, а она об этом даже не знала. Трещина между ними уже достигла размеров пропасти? Неужели ничего нельзя сделать, и они теперь совсем чужие люди?

Черта с два она это так оставит! Она не привыкла бегать от проблем, и не выносила недомолвок. Ее хороший друг получает диплом. И она придет и поздравит его!

Принятое решение мгновенное подняло ей настроение. Просто потому, что она теперь знала - послезавтра она увидит Вика. Как мало ей, оказывается, нужно было, чтобы чувствовать себя почти счастливой.

Глава 9. Ты ждёшь поезд. Поезд, который увезёт тебя далеко. Ты знаешь, куда бы тебе хотелось поехать, но куда отвезёт тебя поезд, ты не знаешь. Но это и не важно... Потому что вы будете вместе.

(с) из к/ф "Начало"

Она собиралась, словно на свидание, и именно поэтому едва не опоздала. В политехническом была в первый раз. За столько лет она ни разу не была в институте, в котором учился Вик. Поэтому сначала долго препиралась на вахте, что ей нужно пройти, что у нее там брат диплом получает. Потом еще более долго искала нужную аудиторию. Соответственно, когда нашла, оказалась, что все уже началось. Пытаясь не стучать каблуками и быть как

можно менее заметной (а ведь опоздала отчасти потому, что старалась быть как раз наоборот - такой, чтобы Вик ее точно заметил и оценил!) проскользнула в большую блочную аудиторию, поднялась на несколько рядов и села на первое попавшееся свободное место с краю.

За небольшой трибуной вещает какой-то лысый дядька в очках, скорее всего - ректор или проректор. Что-то про будущий цвет науки и инженерии, бла-бла-бла. Надя потихоньку крутит головой, пытаюсь высмотреть Вика. Бесполезно, в такой огромной аудитории, почти полностью занятой студентами, их друзьями и родственниками, это невозможно. Что ж, придется ждать, когда начнут выходить студенты за дипломами.

Ректор (или кто он там) переходит к раздаче слонов. Первыми вручают красные дипломы. Опять что-то пафосное, про самые светлые умы института, про надежду современной науки, про новые перспективные разработки и прочая нудятина. Надя еще раз оглядывает аудиторию, отмечая, что ребята в целом отличаются от тех, что учатся у них в институте. Не критично, но чувствительно. И тут она перехватывает взгляд. Очередной оценивающий восхищенный взгляд, принадлежащий симпатичному, самоуверенному и абсолютно не интересному ей плечисто-блондинистому типу. А он подмигивает ей. Надя демонстративно отворачивается, сосредоточив свое внимание на ректоре. Он наконец-то закончил свою проникновенную речь о красnodипломниках и взял в руки первую красную книжечку. Опять что-то про самого умного, самого перспективного, украшение курса и прочая. Ей уже становится крайне любопытно посмотреть на этого выдающегося ботаника.

- Баженов Виктор Олегович!

Кажется, она банально ойкнула. Вик?! Красный диплом?! Пока Надя изумлялась... Действительно, вот он, рядом с ректором.

Чертов Витька! Даже его вечный бардак на голове выглядит сейчас на редкость прилично. Не прилизано, но как-то... уместно. А уж темно-синий костюм, белая рубашка, сине-голубой галстук... И все это сидит на нем так, будто он всю жизнь костюмы носил! Его встречают натуральной овацией. Звезда выпуска, не иначе! И ведет себя как звезда. Улыбается естественно, жмет руку ректору. Поднимает в руке свой красный диплом, на запястье ненавязчиво обнажаются часы - какие-то дорогие, подарок отца, он говорил. Ну, наследник банковской империи, ни дать, ни взять!

- Какой же он красавчик! - за спиной девичий голос с придыханием. Надя неприязненно оборачивается. Две средней презентабельности девицы. Только что слюни не капают. Нечего на Вика пялиться!

- Барышни, прекратите так откровенно разглядывать моего жениха. Это неприлично, в конце концов.

У барышень такой вид, будто им дохлую крысу под нос сунули. Отшатнулись от нее.

- Да-да, это мой жених, - царственно кивнула Надя. Сколько раз они с Виком разыгрывали эту сценку. А сейчас ей внезапно и безотчетно захотелось, на какое-то мгновение, чтобы это было правдой. - Так что умерьте пыл, девушки. И ведите себя пристойно.

- Действительно? - теперь голос с другой стороны. Что к ней все пристали? Оборачивается. Тот самый тип, что ей подмигивал. - Неужели Баженову так повезло?

Тип смотрит на нее привычно восхищенно. И это абсолютно закономерно, она сегодня приложила все силы, что быть сногшибательно-эффектной. Убранные под ленту волосы, идеальное по фигуре платье приглушенного кораллового оттенка, длина на грани приличия и провокации. Товар представлен лицом. Но руками трогать нельзя, да и смотреть бесполезно. Не про вашу честь.

- Да, - кивает снова, и все также снисходительно. -

Повезло. И мне повезло. С ним.

Еще один оценивающий взгляд.

- Что ж... Жаль. Но желаю счастья.

Хоть вменяемый. И на том спасибо.

Надя еле дотерпела до конца мероприятия. Вскочила с места, едва ректор закончил свое завершающее слово. Она запомнила, где примерно сидел Вик, туда и пробиралась сквозь толпу. Все эти люди, беспорядочнодвигающиеся, страшно мешали, раздражали. И как же все-таки хорошо, что Вик такой высоченный.

- Витя!

Он обернулся на ее голос. Голубые глаза, и без того не маленькие, распахнулись на полную, рот приоткрылся от удивления. Она хотела ему что-то сказать, какие-то слова поздравления, приличествующие случаю. А вместо этого закинула руки ему за шею, притянула к себе и поцеловала прямо в приоткрытые в изумлении губы.

Наде было так хорошо, что она забыла о том, что они среди толпы, что вокруг его знакомые. На все было плевать, кроме того, что Вик ей отвечал. И уже непонятно, кто кого целует. А потом кто-то свистит, громкий хохот. И они отрываются друг от друга. Но недалеко. Она не видит ничего, кроме его лица, ярко-голубых глаз, в которых плещется удивление пополам с чем-то непонятным, но волнующим ее. И шепотом ему в губы:

- Поздравляю, Вик, с получением красного диплома. Я очень за тебя рада.

- Я тоже, - его губы дрогнули в улыбке, - рад.

- Гхм... Баженов... - голос откуда-то со стороны. - Я, конечно, понимаю, что не выдерживаю никакой конкуренции с этой прекрасной леди, но...

Они оба смущенно поворачиваются в сторону голоса. И Надя из каких-то глубин памяти и подсознания понимает, кто это. А дальше - на чистой импровизации.

- Петр Викентьевич, здравствуйте! - протягивает бодрому старикану руку. - Я так рада с вами познакомиться. Виктор столько о вас рассказывал!

Вик только выдыхает удивленно, глядя, как у Тепеша совсем по-молодому блеснули глаза, и он выверенным и абсолютно галантным, не старческим жестом притянул Надину ладонь к губам.

- И я счастлив знакомству с такой очаровательной барышней, - подмигивает Тепеш. Вик офигивает. Вот же старый ловелас! На Надьку реагируют все, вне зависимости от возраста! - Теперь я понимаю, на что иногда так отвлекался от работы над дипломом Баженов. Ай-ай-ай, - профессор грозит Наде пальцем.

Надя выдает самую милую и застенчивую улыбку.

- Простите, Петр Викентьевич. Я не специально. Зато с вами Виктору повезло. Вы такой замечательный научный руководитель. Виктор очень рад был, что ему посчастливилось работать с вами.

Вик хмыкает, потом закашливается. Теплов смеется.

- Какая девушка, а, Виктор? Мало того что красоты редкой, так еще и умница. Держите. Держите такое сокровище, не отпускайте.

- Обязательно.

На них устремлены взгляды окружающих. Проницательно усмехается профессор Теплов. Друзья Вика - имена сами собой всплывают в голове: Миша, Андрей, Петр - смотрят ошалело и пытаются улыбаться. Какая-то умеренно невзрачная девица сверлит Надю откровенно враждебным взглядом. Остальным - просто любопытно. Да пошли они все! Поворачивается к нему.

- Какие планы, Вик? Как тебя можно более празднично поздравить? В другой... интимной обстановке?

У него совершенно одуревший вид.

- Я... гхм... мы... у нас выпускной вечер сегодня. В "Авиаторе".

- Хорошее место, - кивает Надя. - Мне можно с вами?

- А... ну, да, конечно. Там, правда, на определенное количество мест зарезервировано. Но...

- Не страшно, - она преисполнена решимости и остановить ее сейчас трудно. Да, наверное, попросту невозможно. Он отвечал ей! Он так на нее смотрит! Надя понимает вдруг, что ей до смерти нужно показать всем этим, что она значит для Вика. - Я придумаю что-нибудь. Во сколько начало?

- В семь, - он откровенно растерян.

- Тогда до вечера. Поеду тебе подарок выбирать, - подмигивает ему, наслаждаясь его замешательством. На цыпочки и прикоснуться губами к гладкой, пахнущей каким-то офигенным мужским парфюмом щеке. - Увидимся, Вик.

А потом еще, контрольно:

- Миша, Андрей, Петр, мои поздравления. Рада была вас встретить. Еще увидимся вечером, - те кивнули, как загипнотизированные. - Петр Викентьевич, позволите? - тот лишь усмехнулся, кивая, еще один поцелуй, в сухую пергаментную щеку. - Счастлива была познакомиться с вами.

Она ушла. В ее сторону вывернули голову все в радиусе нескольких метров. Она не зря старалась. Хотя все это было ради одного человека.

У Вика ощущение, что он спит. Сон странный, волнующий, но непонятный. Он только-только привел свои мысли в некое подобие порядка. Настроил себя, и диплом уже в руках, осталось недолго. Ему через две недели улетать. Все сделано, все решено. Затолкал на дно души свои чувства, сомнения, надежды, которые оказались крайне живучей тварью. Завязал себя в узел.

И вот опять. Снова. Один ее поцелуй, просто одно лишь ее присутствие - и он снова на коленях. И подниматься не

хочется. Да что же это такое?! Все меркнет, все планы, все разумное, что было в его жизни, все исчезает, когда появляется она. И когда она рядом, ничего нет больше. Она затмевает собой все. Ему бы сбежать, забиться в угол. Не ходить никуда сегодня. Запереться дома, выключить телефон, послать всех к черту, всех - друзей, одноклассников, родителей, просто где-то спрятаться от нее. И переждать эти две недели.

Как будто наяву, то, что было только что, несколько минут назад. Как она прижимается к нему, нереально красивая, нежная, такая... пылкая. Невозможно привлекательная, умная, обаятельная... Тепеш прав - сокровище. Со стороны это выглядело так, будто это сокровище принадлежит ему. А на самом деле...

- Вик, это твоя девушка? - в его размышления вторгается голос Кристины Звонаревой, одноклассницы.

Как ответить? Врать не хочется. Хотя выглядело все со стороны именно так. Правду же просто невозможно в двух словах сказать.

- Ну... - он усмехается. - В некотором роде.

- Не скромничай, Вик, - кладет ему руку на плечо Миха. - Я помню, как она нас тогда выперла из твоей квартиры. Мы чуть свиданию не помешали. Извини, брат, предупредить надо было. Эх, была бы у меня такая девушка...

- Пойдемте уже, - перебивает Вик. - Шампанского же хотели на набережной выпить.

- Пойдемте! - преувеличенно бодро соглашается Кристина. Берет Вика под руку. - Веди нас, наш звездный староста!

- Уже экс-староста, - смеется Вик.

- Такие, как ты, "экс" не бывают!

У него галлюцинации? Или и Кристина тоже ему знаки внимания оказывает? Господи, только этого еще не хватало!

Это холеную мымру Кристина возненавидела мгновенно! Звонарева три курса ждала, когда Баженов обратит на нее внимание. Вик был вежлив с ней, но не более. Ни с кем из девушек их группы не встречался, но она точно знала, что у него они были - другие девушки. Кристина ждала своего часа. Так и не дождалась. И решила, что сегодня - последний шанс. Не такая уж она и дурнушка, а сегодня так вообще решила показать себя в ресторане во всей красе. У нее, между прочим, грудь есть, третий размер! В отличие от этой расфуфыренной пигалицы! Вот бесстыжая, полезла целоваться к Вику на глазах у всех!

Каким-то женским чутьем Кристина чувствовала, что не все там так гладко у Виктора с этой разодетой фифой. Кристина так просто не сдастся. Не зря они с Виком пять лет вместе учились, он должен разглядеть в ней женщину, наконец-то! Точнее, девушку. И сделать из нее женщину. Такой парень, как Вик, должен по достоинству оценить тот дар, который она, Кристина, собиралась ему преподнести. Свою невинность. А эта кукла в розовом, наверняка, судя по манерам, настоящая потаскушка. Ну и что, что красивая. Но, действительно, красивая, стерва. Кристина все бы отдала за такую внешность...

У Нади сегодня получается удивлять Вика. Черт его знает только, хорошо ли это? Но глаза у него совершенно потрясенные, снова. А что делать? Надежда сломала всю голову над тем, что подарить ему и не придумала ничего другого, как...

- Спасибо...

Она улыбается.

- Я решила, что такого тебе никто не дарил...

- Точно, - хмыкает он, держа в руках огромный букет

нежно-розовых роз, который она ему вручила. - Мне цветы еще никогда не дарили. Тем более - девушки.

- Приятно быть первой, - усмехается она. - Еще раз поздравляю. - Не удержавшись, еще раз к щеке прикоснуться. Черт, как не хочется убирать от него губы! Но надо. - А вот это, - протягивая бутылку, - в дополнение. Вроде бы, твой любимый.

- Ээээ... да, - он все так же потрясенно разглядывает бутылку хорошего ирландского виски.

- Цветы и выпивка! - к ним подходит Миша. Суда по его развязности, уже успел принять на грудь. - Нашего старосту балуют!

- По-моему, он этого достоин, - с улыбкой парирует Надя.

- Эх, - картинно вздыхает Михаил. - Завидую черной завистью. А можно мне хотя бы танец?

Надя понимает, что друг Вика говорит серьезно. И какой-то проникновенный медляк играет. Миша протягивает ей руку.

- Если Виктор не против, - вопросительно смотрит на него.

- Витька, не жадничай! Всего один танец!

Вик неуверенно кивает. И Миха уводит Надю в сторону танцпола.

А он остается, растерянный, огушенный. Она все-таки пришла, хотя он не верил. Пришла с огромным букетом роз и бутылкой виски. В таком платье, что он дара речи лишился, увидев ее. И что все это значит? И что ему делать?

Цветы у него услужливо забрала официантка, пристроив их в вазу. Бутылка заняла свое место на столе. А он снова сел за стол, но глаза упорно искали ее, медленно покачивающуюся в объятьях одного из его друзей. "Дежа вю". И снова накатывает острое желание схватить ее, унести, утащить. Что она с ним делает? Зачем она здесь?

Рядом что-то зудит, как комар. Кристина. Что она к нему пристала сегодня? Он кивает рассеянно в ответ на ее слова, на попытки отвлечь его взгляд от танцпола. Но на Надю не смотреть невозможно. Почему она так ослепительна красива?

Как некстати этот смешной подвыпивший мальчишка! Что он к ней пристал?! Нет, на самом деле, она понимала - чего он к ней пристал. Сама же два часа времени убила, чтобы теперь и в ресторане сразить Вика наповал. Платье, дорогущее, стоившее ей трех недель уговоров мамы, для самых-самых случаев. Темно-кофейное кружево на телесного цвета чехле, так, что при первом взгляде может показаться, особенно в полумраке ресторана, что, кроме кружева, на ней и нет ничего. Только облегающая, как вторая кожа, россыпь фантастических кружевных цветов. Цветом таких же, что и волосы, лежащие по плечам продуманно-небрежными локонам.

Непонятно пока, сражен ли ее видом Вик. А вот такие незапланированные жертвы в виде Миши были ей совсем не нужны. Миша милый и забавный, но ей нужен только он - высокий голубоглазый парень в темно-синих брюках и белой рубашке с закатанными до локтя рукавами. Ее лучший друг. Или нет. Просто ее. Никому не отдаст! В том числе и этой убогой, в платье с таким вырезом, что чуть ли не соски видны, и с абсолютно коровьим взглядом. Как же можно так неприкрыто себя предлагать, ну хоть какое-то достоинство должно быть женское?! И краситься совершенно не умеет, куда столько косметики - и на глаза, и на губы. Вид откровенно дешевый. А ну-ка, отвали от моего парня!

- Вик, - Надя протягивает ему руку. - Я честно выполнила свой долг по отношению к твоему другу. А теперь я хочу танцевать с тобой! Пошли, твоя любимая "Металлика" играет.

- Ты узнаешь "Металлику" по первым аккордам? - он удивлен, но послушно встает за ее рукой.

- Ты же сам мне ее на ноутбук записал, - усмехается Надя, увлекая его в сторону танцпола под ненавидящий взгляд Кристины, которую она прервала на середине фразы.

Сон продолжается. Они не раз танцевали, но сейчас все иначе. Это не демонстрация кому-то, не напоказ. Только для них. С ума можно сойти, какая она в его руках. Послушная, гибкая, податливая. Прижимается плотно, совсем интимно. Она вторгается в его личное пространство, снова проникает внутрь, туда, на самое дно души, где затоптаны, похоронены все его мечты и надежды. И все это воскресает, поднимается оттуда, под теплом ее дыхания на его шее, под ее тонкими пальцами в его волосах на затылке. Они молчат, лишь голос Джеймса Хэтфилда да их дыхание. От нее - мурашки по его коже, от его - шевелятся волосы на ее виске.

Все ожило, все живое внутри снова принадлежит ей. Он снова живой, ему снова - больно.

Надя отказалась садиться с ними за стол. Сказала: "Не хочу вам мешать, у вас своя компания". Устроилась одна за небольшим столиком по соседству. Как ей это удалось в переполненном ресторане, он не знал. Но, видимо, отказать ей не мог никто, включая метрдотеля.

И все равно она словно присутствовала с ними за столом. Он сам не мог ни на чем сосредоточиться, и постоянно смотрел в ее сторону. И всегда ловил ее ответный взгляд. И она так улыбалась ему, что он начинал верить... Ну не может это ему казаться?!

Да и парни не обделяли ее вниманием. Все по очереди сходили пригласить ее на танец, и всем она отказала с мягкой извиняющейся улыбкой. А он никак не мог выбросить из головы их танец. В мыслях полнейший

сумбур. Безумно хотелось верить в то, во что он уже давно перестал верить. И во что верить было невероятно страшно. Точнее, страшно было поверить и обмануться. Еще бы Кристина от него отстала!

Но та словно приклеилась. Он еле-еле отвертелся от танца, но это ее не обескуражило. Кристина сидела рядом, прижимаясь бедром, постоянно предлагая выпить. Неплохая девчонка Кристя, неглупая. Но сегодня словно с цепи сорвалась. Он прекрасно понимал, к чему все идет. И уже думал о том, как бы аккуратно, не обидев Кристину, отказать ей. Хотя, судя по всему, Звонарева порядком набралась, и с адекватностью у нее уже сейчас проблемы. А что будет к концу вечера? Он снова повернул голову в сторону столика Нади. И снова ее улыбка, нежная, понимающая. А потом она переводит взгляд на сидящую рядом с ним Кристину и корчит забавную гримасу. Наде смешно? Вику вот нифига не смешно. Не было полушки, да вдруг алтын.

Надя неудержимо закипала, изо всех сил стараясь не дать злости выплеснуться наружу. Но эта мадам рядом с Виком ее страшно бесила. Вот же корова! И чего она прилипла к Вику?! Очень хотелось подойти и тупо оттащить за космы эту наглую девицу в обтягивающем черном платье. Эй, подруга, смотри, сейчас грудь выпадет от усердия. И с таким габаритами платье надо было на пару размеров больше брать. А штукатурка, хоть килограммами ее наноси, красоты тебе не прибавит. Красная помада размазалась, а та даже не замечает. Уже пьяная - видно сразу.

Надя выдохнула сквозь зубы. Это особый день для Вика, и она не собирается его портить. Он, в конце концов, старосты группы, без него для ребят праздник - не праздник. У них своя компания, и ей не хотелось быть там лишней, казалось неправильным мешать. Она просто

посидит, посмотрит на него, такого офигенно красивого в прямых классических брюках и белой рубашке. Что-то рассказывает, на запястье небрежно - крупные серебристые часы. Улыбается кому-то из друзей. Какая же у него улыбка... Как она была слепа...

Как хотелось быть там, рядом с ним. А еще - смертельно хотелось утащить его куда-нибудь и там... Но - надо подождать. Еще немного. Посмотрела снова в его сторону. Эта дрянь смеется громко, пьяно, чуть не в губы Вику. Испытывает Надино терпение, честное слово! Надя решила: еще час, и она уводит Вика, и плевать на его одноклассников. Но как тошно вот так сидеть и ждать...

- Я даже не знаю, как это понять... - ленивый тягучий голос у нее над головой. Надя неспешно поднимает голову. Надо же, тот самый тип, который строил ей глазки на вручении дипломов. Только его еще не хватало! Надя и так утомилась отказывать всем одноклассниками Вика, но те хоть с первого раза понимали. А этот, похоже, все-таки - нет...

- Мой вам совет, - тон ее весьма прохладен, - если чего-то не понимаете - обходите это стороной.

- А я люблю непознанное. Его так интересно... открывать, - тип присаживается рядом за столик без приглашения. - Влад Потапов. Тоже сегодня праздную получение диплома.

- Мои поздравления, - Надя прикидывает, как от него лучше отделаться. Наглый, самоуверенный. Такие, бывает, слова "нет" не понимают ни в каком виде. Не Вика же о помощи просить? Нет, явно не тот случай сегодня.

- Могу я узнать ваше имя? - вот настырный!

- Разве недостаточно знания моей будущей фамилии? - голос у нее становится откровенно холодным. Она ему еще тогда дала понять, что Вик ее жених. Пусть это неправда, но белобрысый об этом не знает!

Тип смеется.

- Вам не пойдет фамилия "Баженова".

- Мне нравится, - Надя пожимает плечами. Утомительно. Как же это все утомительно...

- А отчего ваш будущий муж не с вами? Такую девушку нельзя оставлять одну, разве нет? - он самым наглым образом берет ее за руку, пытается поцеловать. Воспитание не позволяет выдернуть руку сразу, но терпеть она не обязана.

- Руку отпустите, - шипит.

- Напрасно. Могли бы чудно провести время, - хмыкает этот... как его... Потапов. - А вон Баженков всюду развлекается... со Звонаревой, кажется. Честное слово, я бы никогда не променял такую, как вы, на... Звонареву.

Надя против воли смеется. Вот в чем-чем, а в этом ее неожиданный собеседник прав. Даже оборачиваться не хочется, не хочется смотреть на них. Ничего нового и интересного она там не увидит. Взгляд на золотые часики на запястье. Еще сорок минут из того часа, что она обещала себе подождать. И их нужно хоть как-то скоротать. Подносит к губам бокал с вином.

- А расскажите мне... эээ... Вадим...

- Влад!

- Хорошо, Влад. Расскажите мне, Влад, что вы знаете про эту... - кивок в сторону стола, где сидит Вик и толстая корова в черном платье, - очаровательную прелестницу.

Ее собеседник громко хохочет.

- А что мне за это будет?

- Я вам скажу, как меня зовут.

- В самом деле? Многообещающее начало, - этот Влад смотрит на нее так, что Надя понимает - он все-таки умудрился понять ее слова превратно, к своей пользе. Ну и черт с ним! Еще полчаса и она уходит отсюда с Виком.

- Меня зовут Надежда Станиславовна. И никак иначе. Рассказывайте.

- Слушаюсь, Надежда Станиславовна, - он отвечает

ей шутовской поклон. - С чего же начать? Понятия не имею, какова Звонарева в койке, ибо не тяготею к благотворительности...

Сказка кончилась, когда он увидела за Надиным столиком главного кобеля их курса - Влада Потапова. Целует ей руку, говорит что-то, улыбается. Слышится ее ответный смех. Они разговаривают, Надя смотрит на часы. Все ясно. Надя нашла себе... очередного. Рядом с ней всегда такие, как Потапов. Красивые, наглые, самоуверенные. Которые всем своим видом кричат: "Посмотри на меня. Я - супер, детка". А ему рядом с ней места нет. Ему все это показалось, выдумал себе что-то. Вон она, рядом, но далеко. И возле нее, как и всегда, кто-то другой.

Уйти, сейчас, немедленно. Он резко поднимается с места.

- Витя, ты куда? - повисает на его руке Кристина.

- Ухожу, - наскоро прощается с друзьями, все уже прилично навеселе, им и без него не скучно. А Звонарева не отстаёт.

- Витя, я с тобой!

Один взгляд в сторону беседующей с Потаповым Надей. Им явно интересно друг с другом. Дьявол, как же больно!

- Со мной? - зло. - Зачем? Трахаться будем?

Она колеблется лишь мгновение.

- Будем!

- Тогда поехали!

От самовлюбленного красавчика пришлось отделять едва ли не грубо. В конце концов, просто встала и пошла прочь, к столу, где гуляли Вик и его группа. Но Витьки там не было. Как и коровы. И это сразу показалось ужасно подозрительным.

- Андрюша, - цепко перехватила проходившего мимо

друга Вика. Тот замер, как загипнотизированный. - А где Вик?

- У... уехал...

- Как уехал?! Куда?!

- Я не знаю! Собрался и ушел, - Андрей поколебался и добавил: - С Кристиной. Ой!

Надя не сразу поняла, что от ярости у нее сжались пальцы, и она впилась ногтями в локоть ни в чем неповинного Андрея.

Подаренный ею букет так и стоит на столе. Как и бутылка "Бушмилс". А этот... этот... снова удрал! Да еще и с этой дрянью! Она выдыхает с шумом, разжимает пальцы, Андрей натурально шарахается от нее.

Кто-то выпрашивал... выпрашивал... и допросился! Редко кому удавалось доводить ее до такого состояния кристально чистого бешенства. Баженову это удалось. Ох, что она с ним сделает, когда доберется!

Глава 10. *Быть обвиненным в чем-то - это одно, а быть виновным - это совершенно другое.*

(с) из к/ф "Опасные пассажиры поезда 123"

Как же противно! Он немного остыл и уже не один раз пожалел, что притащил Звонареву к себе. И сейчас оказался в дурацкой ситуации - изнывающая от страсти пьяная девица и он сам, которому все оказалась вдруг резко до фонаря. Хочется остаться одному, не видеть никого, впасть в спячку на две недели, которые ему остались тут. А вместо этого приходится ломать голову над тем, как бы выкрутиться из того нелепого положения, в которое он сам себя загнал.

- Вииниитяяя... - от нее несет спиртным и какими-то резкими духами, целовать не хочется, вот совершенно. Ее пальцы ложатся на замок его ширинки, он мученически выдыхает. Он не хочет, неужели Кристине не очевидно? Вот даже *так* не очевидно? - Витенька, у меня есть для

тебя сюрпризиик...

Вот чего ему не хватает для полного счастья - сюрприза! Кристина берет его руку, кладет себе на грудь.

- Тебе нравится? - тоном этакой искусительницы, который ей совсем не подходит. И - нет, ему не нравится. Надо это прекращать. Убирает руку.

- Послушай, Кристя... Не надо. Ты выпила и...

- Ты не пожалеешь, - Кристина снова пытается его поцеловать, он отворачивается и получается влажно в шею. А его передергивает от отвращения. - Ты будешь у меня первым...

- ЧТО?!

- Я берегла себя... только для тебя... ты рад?

Ох*енно! Еще только пьяной девственницы ему не хватало! Пора начинать паниковать.

- Кристина... - пытаюсь поаккуратнее освободиться от ее цепляющихся рук, - я не стою таких... хм... жертв...

- Ты самый лучший! - жарко ему на ухо. - Возьми меня!

Ему захотелось взвыть. Но вместо него это сделал дверной звонок.

- Кто это? - Звонарева замерла.

- Не знаю, - кто бы это ни был, это его ангел-спаситель!

- Не открывай! - дверной звонок заливается непрекращающейся минутной трелью.

- Вряд ли получится, - качает головой Вик. Теперь уже без всякой деликатности освобождается их объятий Кристины, вытирает губы. - Ты... ээээ... приведи себя в порядок. На всякий случай.

В открытую дверь врывается смерч. Тайфун с ласковым именем Надя. А еще у тайфуна глаза, полные стрел ледяной ярости. И эти стрелы нацелены на него.

Рубашка наполовину расстегнута. Губы вспухшие. На шее - след алой помады. Ярость врывается в сознание, а Надя - в прихожую.

- Витя, как ты мог! Ты почему ушел без разрешения!? Королева негодует!

- Что она делает здесь, Вик?! - это из комнаты вышла Кристина.

Он не успевает ничего сказать - дискуссия между девушками начинается без его участия.

- Так, а ну вон отсюда, живо! - у Нади даже крылья ее изящного носика раздуваются. Злится?! Какого черта?! На кого?!

- Вик, что эта... здесь делает? - Кристина тоже не собирается молчать. - Выгони ее!

Ему снова не дают сказать и слова.

- Я сейчас сама тебя выгоню! - Надя сдергивает с вешалки плащ, швыряет его в Кристину. - С вещами на выход!

- Вик... - Кристина ошарашена напором.

- Я покажу тебе - "Вик"! - Надя роется в сумочке, так же яростно втискивает в руку оторопевшей Кристины мятую купюру. - Это тебе на такси. И на хорошую косметику! А теперь - вон! - Господи, ее голос просто звенит от ярости.

- Надь, послушай... - он пытается вступить в разговор.

- Витенька... - у нее обманчиво ласковый голос, но сам тон не предвещает ничего хорошего. - Сладкий мой, не зли меня, я и так очень злая! Королева в бешенстве!

- Вик, она больная...

- Еще какая больная! - Надька хватается Кристину за руку, и Вик не успевает ничего не то, что сделать - сказать, как Надя выталкивает его несостоявшуюся любовницу за дверь, крикнув напоследок, уже в подъезд: "Забудь сюда дорогу!". С грохотом захлопывается дверь, и они остаются одни. Черт! Это уже ни в какие ворота не лезет!

- Витя... - она смотрит на него так, как никогда в жизни не смотрела. Гремучая смесь эмоций в ее взгляде - даже не поймешь, чего там понамешано. - Ты меня ооочень расстроил!

- Я?! Расстроил?! Какого черта?! Что это за спектакль?! - он понемногу начинает приходить в себя и изнутри поднимается злость. К дьяволу Кристину, туда ей и дорога, но что Надька о себе возомнила?! Чтобы так себя вести? Королева долбаная! Да только он уже не ее верный паж!

- Это ты мне скажи - какая муха тебя укусила?! Бросил мои подарки! Сбежал из ресторана, да еще... с этой!

- Какая муха?! Эта муха называется Влад Потапов! Как же ты бросила такого красавчика?! - говорить такое - выдавать себя с головой, демонстрировать свою ревность, унижаться упреком, но он уже перестал себя контролировать.

Надя соображает непозволительно долго.

- Потапов?! Да причем тут он? Ну, ты вообще... - а потом, с психу, исключительно желая ему досадить как можно сильнее: - По крайней мере, он красавчик, ты сам признал! А ты на кого позарился? Вик, тебе не стыдно? Она же... - Надя переводит дыхание, чтобы как можно яснее донести свою мысль по поводу этой... - она страшная и дешевая! Не твой уровень, Баженов!

- Не мой уровень?! Что ты вообще знаешь о моем уровне? Да и не все ли тебе равно - с кем я?! Что тебе за дело до того, с кем я?! И где я?! - чувствует, что злость стремительно переплавляется в гнев, неукротимый, с трудом контролируемый гнев. Собака на сене! Ни себе, ни людям! Ненавидит ее! За все, все, и больше всего - за это! За то, что держит, не отпускает, хоть он ей на хрен не нужен!

Ее глаза темные, почти черные. Выдыхает шумно. Убирает от лица упавшую на лоб прядь, и он видит, что пальцы у нее дрожат. Понимает, что и его пальцы подрагивают от желания. Кажется, от желания свернуть ей шею.

- А что, похоже? Похоже, да? - она говорит странно тихо,

после их взаимных криков. - Похоже на то, что мне все равно?

- Очень похоже! - в отличие от нее, он орет. - Тебе плевать, признай! Просто не можешь стерпеть, что я нужен кому-то, кроме тебя!

Отвечает ему тишина. Надя смотрит на него, слегка наклонив голову. Разглядывает, словно видит впервые. А потом, неожиданно:

- Вот дурак... Какой же дурак... дурачок...

Секунду спустя она его целует. Властно, жадно. А еще спустя секунду он целует ее. Еще более жадно и властно. Яростно, вкладывая в этот поцелуй все, все, что копилось в душе все эти годы - надежды, разочарования, разбитые мечты. Целует, не давая ей возможности ответить или отказаться. Сминая, подчиняя себе, беря то, что так долго хотел получить. Наказывая ее за то, чем он так долго томился. Ему все равно, что она хотела доказать этим поцелуем, какой реакции ждала от него. Он устал, дико устал от этих игр. Он просто сейчас получит все, чего так долго ждал.

Одна его ладонь крепко держит ее за затылок, вплетаясь в волосы. Другая рука подхватывает бедро, тянет вверх, сминая ткань и упругую плоть под ней. Протестующе трещит шелк кружева, разрываясь по шву.

- Вик... - она пытается прекратить этот вандализм. Это же Moschino! Тщетно. Он ее не слышит. Пальцы его мнут попку, бедро, пока язык хозяйничает во рту. В целом приятно, но... она не узнает Вика. И это... немного страшно.

- Витя.... - еще одна попытка его образумить. Куда так торопится? Вся ночь впереди... Пол исчезает у нее из-под ног. Это Вик подхватывает ее на руки. Головокружение, он ее несет, по дороге с ног падают туфли.

На кровать он ее просто швырнул. Совсем не так, как бережно отпускал в тот, прошлый раз, когда она лежала

здесь - вдруг неожиданно вспоминает Надя. Но сейчас рядом с ней совсем не тот Вик. Другой, совсем другой. Это незнакомец. Она не успевает даже лишнего вдоха сделать без него - как он оказывается сверху. И снова его ставшие неожиданно жесткими губы, наглый язык, еще более наглые руки, которые безостановочно шарят по ее телу. Безропотно задирается вверх уже порванное по боковому шву платье. Пальцы его нащупывают кружевной край чулка, и он что-то неразборчиво выдыхает, вздрогнув всем телом. Но его руки не останавливаются, еще выше. Лишь мгновение помедлив, проникают под микроскопический лоскут стрингов. Надя протестующе выгибается под ним, пытаясь уйти от этих прикосновений. Все происходит слишком быстро. Она не готова... к такому.

Он игнорирует ее попытки отстраниться. Пальцы, совсем не нежные, снова там, под трусиками. Он совершенно явно ругается сквозь сжатые зубы, замерев ненадолго. А потом начинает там... Сначала один палец внутри, потом два. Противно. Унизительно. И больно.

- Вик! Перестань! Мне не нравится!

- Зато мне нравится, - она слышит его хриплый и такой чужой голос. И он продолжает двигать там пальцами, несмотря на все ее попытки увернуться, не позволяет ей свести ноги. И она вдруг понимает, насколько он силен.

- Витя! Пожалуйста...

Сначала ей кажется, что он одумался. Вик убирает от нее свои руки. И лишь услышав звук расстегиваемой молнии, она понимает, как фатально ошиблась относительно его намерений. Попытка откатиться в сторону от него, безуспешная, он садится на нее верхом, зажимая коленями, не давая двинуться. Темнота скрывает тот абсурд, который происходит между ними. Неужели он не понимает, что творит?!

- Вик, перестань, пожалуйста! Ты что, не понимаешь...

- Это ты не понимаешь! - резко, со смешком. - Ни хрена не понимала и не понимаешь! Ничего, я сейчас тебе все доступно объясню.

А дальше начинается кошмар. Лоскут стрингов лишь отодвинут в сторону, но мешает его проникновению не это. А то, что она просто не готова. К такому повороту событий не готова и вообще - не готова. Но его это не останавливает. Он крепко держит ее руки, закинутае над головой, прижимая к кровати и... входит в нее. Медленно, трудно. Причиняя ей самую настоящую боль.

- Витька! Прекрати! Мне больно!

Он замер. Неужели услышал?

- Больно?! Тебе - больно?! Да что ты знаешь о том, что такое - больно?! Это мне было больно! Все эти годы, когда ты... ты...

Он замолкает, лишь дышит тяжело. А потом - возобновляет свои движения.

Больно. Не то, чтобы очень сильно. Бывало, она раньше терпела такую боль, до того, как ее отучила от этого тетя Даша. Больше всего - страшно. Жутко от того, что происходит. От того, какой он. От того, что она не понимает, почему это. И за что это ей.

Не плакать. Главное, не плакать. Это того не стоит. Но она саму себя не слушается. Дыхание учащается, в горле ком. Надька, не смей реветь. Подумаешь, больно. Не смертельно. Если бы не одно. Если бы это был не Вик.

Всхлип, который она так и не смогла подавить. Он ее не слышит, и это к лучшему. Она не будет унижаться и реветь. Нет, только не она. Еще один всхлип. Прикусывает губу, пытаеься отрезвить себя болью. Перестань хлюпать, дура, он тебе все равно не слышит! Еще один всхлип, теперь совсем громкий.

И он ее услышал.

Ярость куда-то утекала, испарялась. А вместо нее,

фрагментами, как мозаика... Царапается кружево отодвинутых в сторону трусиков. Ее тонкие запястья, у нее над головой зажатые в его одной ладони. Его вторая ладонь, придавливающая ее за плечо к матрасу. Ее слова, запоздалым эхом в голове... *Перестань! Мне не нравится! Мне больно!* И, финальным похоронным аккордом - ее всхлипы. От которых мороз по коже.

Ярость испаряется, утекает. Смывает все наносное, то, что существовало только в его голове. И оставляя единственный непреложный факт: он ее насилует. Он насилует свою любимую девушку.

Можно сесть на кровати. Поправить больно врезавшиеся стринги. Вернуть на место сбившийся бюстгальтер. Медленно встать, оправить вниз ставшее теперь совсем не облегающим платье. В гулкой тишине квартиры шорох шелка кажется очень громким.

Чувствительно саднит там, в промежности. Горит кожа на запястьях и губы от его жестких поцелуев. Она убирает от лица упавшую прядь волос. Вот и все.

Где он? Наверное, на кухне. Или в ванной. Как бы она не была дезориентирована, звук захлопнувшей входной двери она бы не пропустила.

Колени дрожат, в ногах легкая неуверенность. Уйти, бежать от этого... от такого... Но она медлит, замирает, не сходит с места. Не понимает она, что произошло! Почему он так себя повел? И почему перестал? Что за хрень творится с Виком? Кто он вообще? В последние несколько минут это был чужак, незнакомец - жестокий, сильный и равнодушный. Но... это же все равно Вик. Или уже нет? Куда делся ЕЕ Вик?

Много вопросов, а ответы недалеко. За стеной. И страха почему-то нет. Вот необъяснимо, но - нет страха. А тот, что был, куда-то делся. После его "О, черт!". После того, как он резко вышел из нее. И как он ударился о дверной

косяк, едва ли не выбегая из комнаты. Почему-то сейчас она его совсем не боится. Но по-прежнему не понимает. Нет, она его не понимает совсем, совершенно. А не понимать она не любит.

В падающем из прихожей свете его силуэт на фоне кухонного окна кажется почти сюрреалистичным. Он стоит спиной, широко расставив руки, уперев их в самые края подоконника. Рубашка выбилась из брюк. Неудивительно. А голова... голова наклонена так низко, что ее почти не видно выше широких плеч. Этаким осовремененный вариант всадника без головы.

Непрощеная, неожиданная жалость кольнула сердце. И ощущение, странное, неведомо откуда... наверное, исходящее от его понуренной головы, от почти зримого напряжения в плечах, в руках. Что ему сейчас больно. Больно и плохо. Едва ли не хуже, чем ей.

- Вик...

Он вздрогнул. Так явно, ощутимо, словно она ударила плетью, а не тихо произнесла его имя. Медленно поднял голову. И их взгляды встречаются в темном и бесстрастном оконном стекле.

Он может даже не говорить ничего. Она откуда-то точно знает, будто научилась читать его мысли. Или это так ярко видно в его лице, в его глазах. Раскаяние, сожаление, стыд. Все вместе, и все это просто душит его. Его губы дрогнули, но сказать ничего так и не смог. Да и не нужно ничего говорить. Она все понимает так, без слов.

Он, как замороженный, смотрит в стекло. В котором отражается, как она медленно подходит к нему. Встает у него за спиной, теперь он ее не видит, видит только свои больные глаза на бледном лице. Ненавидит себя, жгуче, остро ненавидит себя за то, что он с ней сделал. Ненавидит так, что сбивается дыхание. Никогда, никогда она не простит его! И он себя не простит. Не простит и не

оправдает. Потому что такое нельзя оправдать ничем.

Ее руки обнимают его, перехватив поперек живота. Щека прижимается к спине. Он каменеет. Спит?! Бредит?! Отключился?! Это не может быть правдой! Может, ему просто приснилось все, включая то, как он ее...

- Вить...

Нет, не сон...

- Прости меня, - срывается вдруг с пересохшего, будто сутки не пил, языка. Получается хрипло, надтреснуто. Но это не важно. Будто способно одно это слово - "прости", исправить то, что он сделал. А она вдруг обнимает его еще крепче, и еще крепче прижимается щекой к спине.

- Хорошо.

Все-таки сон. Она не может этого сказать...

- Витя, повернись, пожалуйста. Посмотри на меня.

Он так яростно трясет головой, что "пружинки" волос подскакивают. Нет, это точно сон...

- Вик... пожалуйста...

Слегка отстраняется, тянет его за руку. И он послушно оборачивается. Это ведь сон, во сне можно, она простит его...

Друг напротив друга два противоположных края холодной части спектра. Светло-голубые глаза, измученные, полные стыда и раскаяния. Темно-синие, серьезные, в которых неожиданное понимание и прощение.

Голубые глаза закрываются. Он шепчет с какой-то обреченной надеждой:

- Надя... прости меня... пожалуйста...

Синие глаза закрываются. Она снова прижимается щекой, теперь к его груди, там, где в диком ритме колотится сердце.

- Вик... обними меня... пожалуйста...

Его руки прикасаются к ее спине робко, почти невесомо.

Они так стоят долго, молча. А потом Надя поднимает на

него взгляд. Фантастическое ощущение полного понимания не покидает. А еще - чувство своей полнейшей власти над ним. Она сейчас может сказать ему то, что согнет его от стыда и боли пополам. Или - то, что исцелит их обоих.

- Поцелуй меня, Вик...

- Нет! - неверяще, потрясенным выдохом.

- Да... - вставая на цыпочки, почти ему в губы.

- Нет! - он бы отшатнулся, но сзади подоконник. - Не надо! Я не могу... Я же...

- Придется самой, - вздыхает Надя.

Вик боится. Боится самого себя. Боится того, что сделал. А вот ей не страшно.

Такой трогательный. Окаменевшие плечи под ее руками, замер, даже вдохнуть глубже боится. И губы... губы сжимает совершенно как девчонка.

- Витяяя... - ей вдруг становится... смешно. Необыкновенно легко и весело, что странно, учитывая то, что произошло совсем недавно. Но она начинает его понимать, понимает, что он сорвался, даже догадывается - почему, но она осмыслит это потом. А сейчас она просто чувствует его - его настроение, состояние, его всего. И это кружит голову. Дарит чувство совершенной власти над ним. И этой властью хочется воспользоваться. Исключительно во благо их обоих. - Прекрати сопротивляться. Что ты как маленький...

- Надя... Как я могу после...

Она пользуется тем, что его губы размыкаются. И бесстыдно засовывает язык ему в рот. Сопротивления Вика хватает совсем ненадолго. А потом он со стоном прижимает ее к себе, все еще не веря в чудо, произошедшее с ним. Она дала ему второй шанс. И он ни за что его не испортит. Как испортил все в первый раз. Он больше не обидит ее. Не причинит боли.

Так они не целовались никогда. Это не похоже на те

поцелуи-демонстрации, что были у них в избытке. Не похоже на их единственный настоящий поцелуй, после которого она натворила столько глупостей. И тем более это не похоже на то, как он ее целовал совсем недавно.

Нежно. Выворачивающе душу нежно. Губы - совсем не такие, как полчаса назад. Мягкие, ласковые. Он целует ее, он дирижирует их поцелуем, но делает это так, что ей совершенно не хочется перехватывать инициативу. И она только позволяет и наслаждается.

Его губы отрываются от ее, он беззвучно что-то шепчет ей в висок. Она знает - что. Глупый. Она простила. Она просто не могла поступить иначе.

И снова нежные касания губ и языка. Кружит голову, сбивает дыхание. В висках уже шумит и...

- Витя...

- Да? - выдыхает ей тепло прямо в ухо, вызывая новый табун мурашек по телу.

- Меня ноги не держат. Хочу лечь, иначе упаду прямо здесь и сейчас.

Он безропотно подхватывает ее на руки.

И на кровать он ее опускает бережно, словно Надя хрустальная. А вот попытку отстраниться она пресекает, перехватив за плечо, так, что ему приходится упереться коленом в матрас рядом с ее бедром, чтобы не упасть сверху.

- Куда?!

- Отдыхай, - он еще пытается освободиться!

- Я пока не устала! - рывок за плечо на себя, и больше от неожиданности, чем от ее движения он падает. Успевает подстраховать себя рукой, перекатиться через нее. Разорванное платье позволяет ей закинуть бедро на него, обхватить рукой за плечи.

- Надя... - растерянно. - Ты что делаешь?

- У меня такое чувство, - она приближает свое лицо к его, заглядывая в едва угадываемые в полумраке комнаты

глаза, - что я занимаюсь совращением малолетнего. Вик, ты долго будешь брыкаться?

- Надя... Наденька... - он перехватывает ее руку, целует в ладонь. - Не надо. Я не... я не стою этого. Я же так с тобой поступил. Не надо меня жалеть...

- Больно надо мне тебя жалеть, - ее другая ладошка пробирается под рубашку снизу, ложится на упругую кожу живота, которая под ее прикосновением превращается в твердые кубики пресса. Он резко выдыхает. А она невесомо гладит его, задевая пальцами невидную сейчас, но так отчетливо запомнившуюся ей золотистую стрелу.

Его тяжелое дыхание. И беспомощное:

- Не надо...

И ее неожиданное и тихое:

- Витя... Пожалуйста... Мы неважно начали. Давай попробуем еще раз. Я хочу, чтобы ты меня любил. По-настоящему.

Недолгая пауза. И его тоже тихое и решительное:

- Хорошо. Конечно. Я... я буду любить тебя.

Она не сразу осознает, что он ее понял совсем не так, как она предполагала. А когда осознала - было уже поздно. На ней не осталось ни одного клочка ткани, она абсолютно голая. Потерянная, беспомощная от его таких нежных теперь пальцев. От его хриплого шепота на ухо:

- Маленькая моя... Тебе будет хорошо... Я обещаю...

Ей УЖЕ хорошо. Так хорошо, как не было никогда и ни с кем. Она теряет свое тело, разум, все это принадлежит ему, его пальцам, его голосу. Ее рвут на части два абсолютно противоположных желания - чтобы он был так же нежен и нетороплив, и наслаждение длилось и длилось. И чтобы он усилил давление своих пальцев, и она... она...

- Вик... - со стоном непонятной ей самой мольбы и прогибаясь.

- Сейчас, моя хорошая, сейчас... - шепчет он.

Что - сейчас? Куда он убрал пальцы?!

И, спустя бесконечное мгновение - его губы. Горячий упругий язык. Она не выдерживает. Кричит.

Он не успевает насладиться ею. Ее вкусом, ее доверчивостью и открытостью. Тем, что она позволяет ему. Лишь несколько сводящих с ума их обоих, бесконечно интимных и сладких поцелуев и она...

... улетаает. Разлетается на миллион осколков, исчезая из этой вселенной. Нет ничего вокруг, нет даже собственного тела, которое сейчас выгибается под властью бьющегося в нем оргазма. А она сама где-то неизмеримо далеко, превратившись в невесомое бестелесное облако.

Приходит в себя так же, как и улетела - с прикосновением его губ. Теперь уже легко и к щеке. Тело нежится в его руках, лицом во вкусно пахнущую шею. Голова пустая и нестерпимо хочется отключиться. Особенно когда он так гладит ее по обнаженной спине, перебирая волосы.

- Спасибо, - выдыхает Надя тихо.

- ТЕБЕ спасибо, - так же негромко отвечает он. Мягко целует в губы. - А теперь - засыпай.

Она чуть двигается, устраиваясь удобнее. Живот царапает пряжка его ремня. Он одет, а она совсем голая. Это неправильно, так не должно быть. И именно с этой мыслью она позорно отбывает из реальности, уплывая в сон от ласковых прикосновений его пальцев.

Глава 11. *Встречи людей - кажется мне, порой похожи на встречи поездов... когда они, промелькнув друг мимо друга, равнодушно разъезжаются в глубокой ночи.*

(с) Паскаль Мерсье "Поезд на Лиссабон"

Он - идеальный плюшевый медведь. Снова. Да только обстоятельства теперь совсем иные. Кроме того, что она снова заснула, уткнувшись носом ему в грудь. Но то, что было до этого...

Вик аккуратно заворачивает ее в одеяло, принцесса даже не шевельнулась, позволяя себя укутать. Нет, не принцесса. И уже тем более - не королева. Живая, настоящая. Его девушка. Имеет он право так сказать? Не знает, но хочется - безумно. Выворачивающая душу нежность, так и не схлынувшее возбуждение и уже поднявший голову стыд - его начинает бить дрожь от этого коктейля. Надо пойти на кухню, попробовать что-то сделать с этим.

Рефлекторно щелкнул кнопкой чайника. Будто он собирается чай пить, ага. Кухня не очень большая, нервно метаться по ней - неудобно. Проектировщики в свое время явно не подумали о юных психопатах, которым приспичит глубокой ночью сходить на этой кухне с ума от сладости и ужаса одновременно. Он утыкается лицом в ладони и тут же шалест от нового, непривычного и дурманящего голову запаха. Это ею пахнут его пальцы. Его девочкой. Его Наденькой.

У Вика классическое раздвоение сознания. Она... она сама отдалась ему. Она позволила ему. Она кончала с ним. И плевать, что он так и не был в ней. Хотя, нет, был. И об этом думать совершенно не хотелось, от этого ледяной холод расползлся по всему телу. Стоило только вспомнить и осознать.

Он омерзителен самому себе. Он даже и помыслить не мог, что позволит себе когда-нибудь такое. Что окажется способным на такое. Как это ни пафосно звучит - его не так воспитывали. Чтобы обидеть того, кто слабее тебя. Тем более - обидеть женщину. Да за такое его отец с тренером на пару, вдвоем бы отлупили. И поделом. Совершил насилие над тем, кто был слабее и не мог оказать ему сопротивления. Над женщиной. Нет, это все ужасно, но ведь и это еще не все. Он ЭТО сделал с Надей. С той, которую любил. Любит! Он на секунду представил, что бы сделал сам с тем, кто бы сотворил такое с Надей.

Получается, ему надо избить самого себя.

И главное, непонятно - как он дошел до этого? Что-то порвалось внутри, что-то лопнуло. И это вылилось вот в такое. Отвратительное, безобразное, страшное.

Отключился чайник. Руки занять чем-то, потому что в голове - первозданный хаос, как при сотворении мира. Достал заварник, первую попавшуюся коробку с чаем. Пить чай из пакетиков у них в семье считался святотатством, и Вик перетащил эту привычку в самостоятельную жизнь. Насыпал, залил кипятком. В нос ударил запах земляники, Вик с удивлением посмотрел на жестянку в руке. "Ройбуш земляничный". Откуда у него дома такая экзотика? Впрочем, сейчас ему не до вкусовых изысков. Ройбуш - так ройбуш.

Чай горячий, сладкий. Отчетливо пахнет клубникой, к которой примешивается запах его пальцев, отогретый паром от кружки. Ее аромат, перемешанный с ароматом клубники. Вик жмурится. Он не хочет мыть руки. Потому что этот запах позволяет ему хоть как-то цепляться за реальность произошедшего. Что после всего, что он с ней сотворил... Он чуть не умер там, на ней, когда осознал... И потом, вот тут, на кухне, стоял и умирал. А она вернулась к нему. Обняла, простила. И отдалась. Из рук едва не выпадает кружка - так он занят своими мыслями, горячий ройбуш течет по пальцам. Больно. Но по сравнению с тем, как было больно ей... И как было херово ему, когда он понял... Это ерунда.

Он промаялся на кухне пару часов. Выпил чайник чая, заварил еще один, но уже не лезло. И чай внутрь не лез, и голова от мыслей просто пухла. И смертельно хотелось туда, к ней. К теплой, обнаженной. До боли хотелось, до натурального физического дискомфорта. Запретил себе. Он ей там больно сделал. Понятия не имел, что после этого нужно делать... и как там вообще, после такого. Может, ей месяц некомфортно будет. Или два. Из него

совсем никудышный насильник, неопытный.

И, несмотря на все это, он, как слабовольная тряпка, все-таки влез к ней под одеяло. Сначала хотел просто полежать рядом. Потом - рядом, но под одеялом. Потом придвинулся близко и перестал бороться с собой. Обнял, прижал к себе. Сразу стало так хорошо, что даже на эрекцию плевать. Теплая, спящая, родная. Он никому не позволит ее обижать и делать ей больно. В первую очередь - себе.

Заснуть не мог долго. Лежал и слушал ее дыхание. Уговаривал себя, чтобы не смел даже пальцем шевельнуть. В конце концов, ему все-таки удалось задремать. Но очень ненадолго.

Кто-то тихо дышит рядом. Она голая. Ей тепло и хорошо. Это были первые ощущения при пробуждении. Потом были и другие. А еще мысли и воспоминания.

Бурный выдался вечер. Более чем. Интересно, сколько сейчас времени? Судя по ощущениям, ночь, - часа два. Поворачивается и понимает.

Она голая, Витька крепко обнимает ее, совершенно одетый - рубашка, брюки. И вдруг именно это становится самым важным сейчас. Ей срочно необходимо исправить это крайне несправедливое статус-кво. И безумно хочется почувствовать его кожу под пальцами. И только это сейчас, в постели, в глухой ночной час, имеет значение.

Вик проснулся на предпоследней пуговице. Перехватил ее руки.

- Ты что делаешь? - голос спросонья хриловат, но удивительно ясен.

- Раздеваю тебя. Вик, тебе разве не говорили, что спать в уличной одежде - негигиенично?

- Не надо!

Надя вздыхает. Кажется, настроение у него за те несколько часов, что она спала, несколько не изменилось.

- Витенька... Меня уже начинает бесить слово "Не надо" в твоём исполнении!

- Надя, ну правда... Отдыхай. Извини, если разбудил. Я не...

Все с ним ясно. Ещё казнит себя за свою несдержанность, грубость, жестокость. Наказывает себя. Её до оргазма довел, ещё до какого - от одного лишь воспоминания становится жарко. А сам, сам... Быстрое движение руки вниз. Вик охает, пытается отстраниться. Надя не может сдержать довольной улыбки. Хочет, определённо, хочет. Хочет, но не позволяет себе. Такой милый. Милый, смешной и безумно её возбуждающий.

Он позволяет расстегнуть ей ещё одну пуговицу. А потом снова звучит так раздражающее её "Не надо".

- Это нечестно, - она пытается убрать его пальцы от последней пуговицы на рубашке. - Я голая, а ты нет!

- Наденька, но это совсем не обязательно...

- Вот упрямый! - её ладонь пробирается под и так почти расстегнутую рубашку. Пальцы пробегают по гладкой тёплой коже, задевают соски. Твёрдые. Он вздрагивает. И последняя пуговица сдаётся под натиском её второй руки. Его стон, когда её губы, а следом и язык, прикасаются к его груди, звучит окончательной капитуляцией. Окончательной и безоговорочной. Он сводит её с ума. Она сводит его с ума. Надя сама не верит, что говорит это, но...

- Вик, я хочу тебя...

- Ты же уже... - неуверенно.

- Хочу ещё!

- Хорошо.

- Витя... Не думай, что я куплюсь на это твоё "хорошо" ещё раз! Я хочу тебя по-настоящему.

- Надя, я же...

- Внутри...

- Черт...

- Договорились? Вот и славно...

Рубашка исчезает в темноте. Но, несмотря на капитуляцию, штаны и все остальное он снимает сам. И они наконец-то вместе. По-настоящему, кожа к коже, дыхание к дыханию, сердцебиение к сердцебиению. Губы уже вспухли и горят у обоих - так жадно они целуются, пальцы, особенно его - нагло, бесстыже и, тем не менее, нежно - по всему ее телу, языки переплетаются в поцелуе - убийце разума.

- Надь, ты точно этого хочешь?..

- Не заставляй меня просить...

Его очередной беспомощный стон, который сводит ее с ума.

- Вик, пожалуйста...

- Девочка моя...

И вот он уже почти в ней. Замер, напряженный. Его плечи, руки - все дрожит от едва сдерживаемого желания в последнем, немом вопросе.

- Да... - стоном-выдохом ему на ухо. И он двигается вперед.

Нестерпимо медленно, хотя ничто ему не мешает. Она гладкая, влажная, готовая его принять, более, чем готовая, истекающая от готовности. Но он не торопится, совсем. Медленно, очень медленно. Но, наконец-то, полностью в ней.

- Не больно? - шелестит его тихий голос.

- Вииик... А ты можешь задавать свои дурацкие вопросы и двигаться одновременно?

- Могу, - с мучительным стоном. - Но ты мне скажи, обязательно скажи, если будет больно...

- Двигайся, черт тебя подери! - резко обхватывая его бедрами.

Даже железное самообладание, замешанное на страхе причинить боль любимой, может исчерпаться. Он начинает медленно, но быстро теряет себя. От того, как она прогибается под ним, как вжимается в него, как

впиваются в его плечи ее ногти. И ее всхлип, такой жалобный, такой знакомый. Замер, парализованный ужасом.

- Больно?

- Еще раз так спросишь - укушу!

Он вздрагивает, дыхание пресекается.

- Кусай!

Ее зубы с наслаждением впиваются в теплое соленое плечо. Его шипящий выдох.

- Еще раз остановишься - укушу до крови!

Он срывается снова. Уже не может остановиться. Но, похоже, она этого и не хочет. И это выносит ему мозг.

Его удерживает от окончательного падения какая-то тонкая ниточка. Сотканная из дрожи ее тела. Из ее стонов, всхлипов, шумного дыхания. Из напряжения ее живота. Такая жаркая, сладкая, сводящая его с ума... Его Наденька... Должен ее дождаться, хочет с ней, вместе...

Изогнувшись, он опускает руку между их телами. Прижимает пальцем там, где горячо и влажно бьется ее пульс. Совсем громкий стон. Она резко выгибается под ним. Не отпускает ее, помогает, гладит там. Смертельно хочет, что она с ним, а он уже не может больше сдерживаться, но с ней, только с ней. И сейчас нет ничего важнее: чтобы они вдвоем, чтобы она с ним...

Дыхание срывается. Миры рушатся. И Наде не остается ничего другого, как снова...

... улетает. Неудержимо, долгожданно, с ним. Вик, не сумев сдержать себя, падает на нее, еще вздрагивающую под ним. Асинхронный перестук сердец, переплетаются светлые и темные влажные локоны, смешивается редкое рваное дыхание. И на какое-то время все замирает.

Он не раз представлял себе, как бы это могло у них быть. Мечтал, потому что больше у него ничего не было.

И потому что не мог иначе. Почему-то в его мечтах она всегда была внизу, под ним. И его нелепо и смешно всегда волновало, как бы не придавить ее. Она такая маленькая, а он... он - нет. Именно поэтому он довольно быстро, будто на рефлексе, как только начал хотя бы немного соображать, перевернулся на спину. Не отпуская ее от себя, даже не покидая. Она довольно выдохнула ему в грудь, будто всегда так лежала на нем. Потерлась щекой. Говорить не хочется ни ему, ни ей. После всего, что было, словами добавить уже нечего. Он гладит ее волосы, она ласкает дыханием кожу на его груди.

А потом, спустя какое-то время... Ласка ее дыхания становится совсем неощутимой, тихой. И тело ее на нем... такое расслабленное.

- Надя?..

Тишина в ответ. Заснула. И негромко, ей в макушку:

- Я люблю тебя.

Теперь добавить точно нечего. Он ее усыпил, он снова плюшевый медведь, но сейчас его это совершенно не беспокоит. Свободной рукой натягивает на них обоих одеяло. И, согретый теплом ее тела, крепко, по-настоящему засыпает.

Видимо, прошлая ночевка у Вика дома ее чему-то научила, и она интуитивно приняла правильное положение в кровати. Поэтому проснулась Надя не от того, что ей в глаза светит солнце, а потому что выпалась. Сладко, с чувством потянулась, повернула голову. Она одна. Чувствует себя прекрасно, не считая того, что бедра с внутренней поверхности до сих пор... влажные. Удивляться нечему - сколько прошло часов, как они занимались сексом? Пять, шесть. Надя садится на постели, прислушивается к себе. Неприятные ощущения не появляются. Приятная истома в теле не исчезает. В квартире тишина. Интересно, где этот насильник и

душегуб?

Негромкие звуки подсказывают, что душегуб на кухне. Завтрак готовит? Как мило. Надин взгляд падает на лежащее рядом с подушкой нечто - темное, махровое, при ближайшем рассмотрении оказавшееся темно-синим мужским банным халатом. Заботливо, учитывая порванное платье.

Халат Наде не просто велик - она в нем тонет, он скрыл ее до пальцев на ногах, рукава пришлось на два раза подвернуть. Вот такая красивая она и нарисовалась на пороге кухни. Стоящий лицом к окну Вик резко обернулся. Надино сердце вместе с грудью едва не выпрыгивает из выреза халата. Это несправедливо, что парни с утра так офигенно выглядят!

Джинсы, видимо, исчерпавшие свой лимит прорех и потому обрезанные до колена. Майка без рукавов, обнажающая такие руки... такие руки грех прятать! Свет из окна превращает кавардак на голове в некое подобие золотого нимба. Ну, чисто ангел. Падший. Потому что выражение лица не ангельское, а виноватое. Нашкодившее.

У него никогда не было проблем с тем, как себя вести потом. Например, наутро после секса, если оно случилось, это утро. Как-то само собой все получалось, не бывало неловкости и смущения, уже давно. Но сейчас - не знал, куда девать глаза, руки, самого себя. Смотреть - неловко, не смотреть... да как не смотреть-то, когда хочется?!

Надя молчит. Смотрит на него, улыбается и молчит.

- Я... гхм... завтрак... - он совсем теряется в словах, как будто ему четырнадцать. Не выдерживает и делает шаг ей навстречу.

У него до конца не высохли волосы, темнеют у шеи. Видимо, недавно из душа. Надя вдруг понимает, что он, в отличие от нее - чистый, свежий, в душ сходил, зубы

почистил, переоделся. А она... она тут стоит в одном мужском халате, на голове непонятно что, косметика наверняка вся посыпалась, бедра еще липкие и вообще... Ей срочно нужно в ванную!

- Вик, я сначала в душ, ладно? Десять минут. А потом буду завтракать.

Он не успевает ничего сказать, как щелкает замок ванной комнаты.

- Я там тебе полотенце приготовил, - запоздало. - Синее, в желтую клетку.

Про десять минут она обманула. Ближе к получасу - это вернее. За это время он успел нанести существенный урон приготовленному завтраку.

Она такая красивая, что у него просто зуд в пальцах - так хочется ее обнять. Мокрые волосы, чистое лицо без косметики, огромные глаза оттеняются синевой халата.

- Не падаешь в обморок, Вик?

- От чего?

- Ненакрашенная, без укладки... Зрелище не для слабонервных.

Вик лишь изумленно качает головой. Она так шутит? Кто их поймет, этих девушек. Она безумно красива именно такая - настоящая, естественная, в его банном халате, с лукавой улыбкой на розовых губах. Черт, кажется, он теряет голову, хочет ее снова, словно маньяк какой-то...

- Я блинчиков поджарил... с творогом. Они магазинные, замороженные, но вкусные, вроде бы... Я пять штук съел.

- Сколько?! - Надя смотрит на него с веселым изумлением. - Вик, куда в тебя столько влезло?

- Я... хм... на нервной почве... всегда... Разогреть тебе? Остыло уже.

Надя отрицательно качает головой.

- Ты разве не знаешь, что я люблю на завтрак? -

подходит к нему близко.

- Нет, - он синхронно отрицательно мотает головой. - Кофе? Шоколад?

- А нам не надооооо, - поет Надя неожиданно, - ни мармеладаааа, ни шоколадааааа...

- Чего?!?

- А только маленьких... хотя нет, не маленьких... совсем даже не маленьких... - сделала вид, что задумалась, а потом закончила торжествующе: - а только сладеньких, кудрявеньких... парней! - привстала на цыпочки, но поцеловать не успела - он сделал это первый. И, спустя пару минут и с трудом переводя дыхание: - Вот он, мой любимый завтрак...

- Похоже, и мой теперь тоже, - он не может сдержаться и улыбается. Она такая... красивая и забавная, ершистая и домашняя... Он не может осознать все те перемены, которые происходят с ним, с его восприятием Нади. Но чувствует, что эта их новая взаимная интимность притягивает его к ней еще сильнее. А он думал - сильнее некуда.

- Вик, как ты думаешь?.. - она смотрит на него задумчиво, наклонив голову.

- Что? - у него все мысли о том, что он снова хочет ее целовать. И будет сейчас это делать!

- Это приятно - когда от девушки пахнет мужским гелем для душа?

- Эээ... не знаю...

- Я вся пахну твоим гелем для душа. Ты будешь меня целовать?

- Конечно!

- Везде?

У него сбивается дыхание. Тяжело сглатывает.

- Да. Буду. Везде.

- Хорошо.

Ее руки ложатся на пояс халата. Одно ее движение - и у

него ощущение, что он пропустил "маваши гери"* . У Вика не было возможности рассмотреть ее вчера... и сегодня ночью. Зато сейчас - смотреть - не насмотреться. Халат синими волнами лежит у ее ног. Идеальных ножек. И все остальное тоже - идеальное. Ее одевает яркий солнечный свет, и только он. Этот свет показал бы все ее изъяны, если бы они у нее были. Или это Вик просто ослеп от ее наготы.

Притягивает Надю к себе, целует беспорядочно - лоб, веки, виски, шепча между поцелуями - глупо, наивно, горячо, но молчать не может, а что-то другое говорить рано и страшно. Поэтому и шепчет в ее виски, глаза, губы: "Хочу тебя. Хочу тебя. Умираю как хочу".

Вокруг залитая ярким летним светом кухня, на столе остывший завтрак. А посреди кухни обнаженная красивая девушка и одетый в непритязательную домашнюю одежду парень. Они целуются, и им абсолютно плевать, как это все выглядит со стороны.

Спустя пару минут они снова на кровати, она снова голая, снова под ним. Они наперегонки сражаются с его одеждой. Чтобы опять почувствовать друг друга, подарить наслаждение и улететь вместе. И это чудо снова происходит с ними, свет дня ему не помеха.

- Ну и что мне делать?

- Не знаю, - он улыбается виновато. - Я могу попробовать... у меня есть нитка с иглой Хотя бы так, чтобы не видно было...

- Давай-давай, - Надя плотнее кутается в одеяло. - Сам порвал - сам и зашивай. В следующий раз думать будешь, как на девушке платье рвать, - мстительно: - Дорогое, итальянское.

- Надь, ну я же извинился... И не только за платье... Прости...

- Вик, где твое чувство юмора? - его даже дразнить

неинтересно, до сих пор терзается чувством вины - только повод ему дай.

Он сидит на полу, согнув ноги "по-турецки" и действительно зашивает ей платье! Судя по тому, как у него это выходит - с иголкой обращаться умеет, хотя бы минимально. В отличие от Нади. Голова его низко наклонена, лица не видно, только светлая кудрявая макушка. А ей хочется сбросить это чертово одеяло и устроиться на полу рядом с ним, и руки запустить туда, в это кудрявое шелковое безобразие. Приворожил он ее, что ли?!

- Ну, чисто молодой Жан-Поль Готье за работой!

- А? - он поднимает на нее недоуменные глаза. - Кто? Какой Поль?

- Жан-Поль Готье. Известный французский кутюрье. Почему-то такая ассоциация, - Надя улыбается. - Странно, правда? Если женщина с иголкой - так это просто домохозяйка мужу носки штопает. А если мужчина с иголкой - так сразу мысли о высокой моде.

- Не надо таких мыслей. Они там все педики.

- Баженов, ты гомофоб! - она смеется, а потом резко перестает. Он каким-то странным, но уверенным движением перекусывает нитку, но ей это кажется безумно сексуальным. Точно, приворожил! Сидит и млеет от того, как парень платье зашивает.

- Может, и так, - соглашается он. Протягивает ей платье.

- Держи. Как смог. Широко лучше все-таки не шагать.

- Выйди, - мотнула головой в сторону двери. - Я буду одеваться.

- Что?! - удивляется весьма натурально. - Выйти?!

- Да, - она задирает нос. - Выйди и дверь закрой. Я буду одеваться. Не при тебе же!

- А что, там... - многозначительный взгляд в сторону одеяла, в которое она продолжает кутаться, - есть что-то, чего я не видел?

Надя гордо выпрямляется, едва не потеряв одеяло и сведя этим на "нет" все свои попытки поставить обнаглевшего Вика на место. Глазами сверкнула, Вик лишь хмыкнул.

- Виктор Олегович, не забываетесь! Пойдите вон! Из королевской опочивальни!

- А что, услуги пажа не требуются? - он легко поднимется с пола. - Корсет там... затянуть? - невинно.

- Витька, не зли меня!!!

- Все, ушел, - примирительно. Разворачивается. На счастье ее королевского достоинства, она не видит его улыбку, с которой он выходит из комнаты.

- Вить, не надо меня провожать! Вон, такси у подъезда стоит.

- Ну, я до такси...

- Не глупи, - перебивает его. Легко целует в губы, но от его рук неуловимо уворачивается. - Все, я побежала. Меня там дома сейчас убивать будут. Созвонимся.

Он с балкона смотрит, как она выходит из подъезда. Словно почувствовав его взгляд, поднимает голову. Машет рукой. А потом все-таки садится в такси и уезжает. У него такое чувство, что большая честь его самого уехала вместе с ней, в этой желтой машине.

Возвращается в квартиру, взгляд на разворошенную постель. Ноги подкашиваются, и он оседает на кровать. Неужели это правда? Все, что было на этих простынях. Острое, почти неконтролируемое желание выбежать из квартиры и за ней. Пять минут прошло, а он уже скучает, смертельно скучает по ней. Они были вместе почти сутки. Сутки она была с ним, они дышали одним воздухом, ему вообще кажется, что он дышал только ЕЮ. Привык, молниеносно привык к тому, что она рядом. К запаху ее духов, атласу ее кожи, ее голосу и стонам. Мягкие губы, когда она позволяет целовать себя. Острые зубы, когда она

не может сдержаться и кусает его в плечо. Нежные пальцы, когда она перебирает его волосы. И впивающиеся в его спину ногти, перед самым-самым... И не только в спину, кстати. Ниже тоже.

Резко тряхнул головой. Так нельзя, так можно чокнуться. Надо исходить из простых фактов, чем-то занять руки и голову. Что мы имеем? Он и Надя стали любовниками. От этого и надо отталкиваться.

Вик вздыхает, поворачивает голову - темно-красные полумесяцы на левом плече, следы ее страсти. Нет, нет, об этом нельзя думать. Ему нужно выйти из дома. Он даже придумал, чем он займется. Глупо, но надо держаться за простые вещи. И начинать верить. Верить и надеяться.

**"маваши гери" - в карате - удар ногой в голову.*

Глава 12. *А поезда проходили мимо в установленные сроки по обоим рельсовым путям, так как сообщение вполне восстановилось. Они проходили мимо, безжалостные в своем механическом могуществе, равнодушные ко всем этим драмам и преступлениям, не ведая ни о чем. Что им до незнакомцев, потерпевших крушение в пути, раздавленных под колесами! Мертвых унесли, кровь обтерли, и люди снова мчались вперед, туда, к будущему.*

(с) Эмиль Золя. "Человек-зверь"

- Надь, почему у меня такое ощущение, что ты натворила все глупости на свете?

- Наверное, потому что так оно и есть, - Надежда отвечает хмуро. Вроде бы хочется, чтобы не трогал никто. Но и поговорить с кем-то надо, чтобы хоть как-то осознать то, что произошло. А с кем, как не с сестрой?

- Что на этот раз? Я должна знать, за что я тебя прикрывала. Пришлось импровизировать, знаешь ли. Помоему, мама не поверила. Где была? - Люба садится на кровать и тут замечает, ахает: - Надь, что с платьем? Где

это?.. Кто?!

Надя раздраженно стягивает злополучное платье, нитки рвутся. Швыряет его в угол, натягивает домашнюю маечку, лосины.

- Надя?! Не пугай меня! - тон Любы жалобный и испуганный. - Что случилось?!

- Ничего, - Надя вздыхает, садится рядом с сестрой. - И все.

- Да говори толком!

- Не паникуй. Ничего страшного. Даже наоборот, наверное...

Люба неверяще качает головой.

- Кто это?! Кто так тебе вынес мозг? Кто этот чудо-парень?! Ты же к Вику на вручение диплома поехала, вроде бы...

Надя выдыхает. И произносит обреченно, глядя ровно перед собой:

- Вот он и есть... этот чудо-парень.

- ЧТО?!?

Поворачивает лицо к Любе. Негромко, но четко:

- Я переспала с Виком.

Любой она реакции ожидала от сестры. Любой, но не такой.

- Аллилуйя! - с чувством произносит младшая, всплеснув руками и закатив глаза.

Теперь уже черед старшей выдыхать потрясенно:

- ЧТО?!

- Что-что... - невозмутимо пожимает плечами Люба. - Поверить не могу, что до тебя все-таки дошло.

- Что дошло?!

- Что надо, то и дошло. Не притворяйся, что не поняла.

- Любка! - хочется рывкнуть на сестру, чтобы та перестала молоть чушь, но смысла в этом нет. Кажется, до нее медленно, но верно доходит, о чем говорит Люба. И совсем тихо: - Ты давно... знаешь?

- Не помню, - Любаша безмятежно усмехается. Ну да, это не у нее же мир под ногами перевернулся. - Давно. Год. Или два. Или больше. Мне кажется, он вообще всегда был на тебе повернутый.

- Почему молчала?! - как же Наде хочется найти хоть кого-то виноватого в том, что все привычное вокруг рушится.

- А смысл? - Люба по-прежнему невозмутима. - Если уж ты на его попытки достучаться до тебя не реагировала, стала бы ты меня слушать...

- А они были? - вид у Нади совсем ошалевший. - Были эти попытки? Я ничего такого не помню...

- Ну... на мой взгляд, он мог бы быть и понастойчивей. Но ты его так откровенно игнорировала, что...

- Неправда! - да что же это такое! Не может быть... - Не может быть, чтобы я не замечала!

Люба разводит руками.

- Извини, сестрица, но факт. Я вот замечала. Да там слепой и тот бы увидел...

- Я слепая... слепая... - Надя не выдерживает и прячет лицо в ладони. И оттуда, глухо: - Слепая дура... Что мне теперь делать?!

- Как - что? - Люба удивлена. - Ты уже и так все сделала, что нужно.

Надя лишь что-то мычит неразборчиво в ладони.

- Ты чего так убиваешься? - недоумевает Любаша. - Или... неужели Вик настолько тебя разочаровал? Уныл в постели? Не умеет целоваться?

- Люба!!! Совесть имей!

- Это уж как получится, - смеется младшая из сестер. - То я ее, то она меня. Слушай, - спохватывается вдруг, встает с кровати, поднимает брошенное платье. Качает головой недоверчиво. - Это Витька так, что ли? Вот зверь... ну чисто варвар...

- Люба, не трави душу, - стонет Надя.

- Оно, конечно, Александр Македонский герой, - не унимается Люба, - но зачем стулья ломать? Итальянский шелк же... дизайнерское...

- Хватит!

- Ты так по платью сокрушаешься?

- К черту платье! Как же я могла не замечать... А! - в раздражении хлопает себя ладонью в лоб, потом шипит от боли. - Идиотка!

- Да ладно тебе, - Люба снова садится рядом. - Все же нормально теперь. С опозданием, но до тебя все-таки дошло.

- Ничего не нормально! - срывается Надя. - Как ты не понимаешь! Если он столько лет... а я не знала... а теперь... черт!!!

- Да что ты чертей поминаешь? - недоумевает Люба. - Если бы он тебе не нравился, ты бы с ним не переспала, нет разве?

- Ты разницу не улавливаешь?! Дело не в "нравится", а в том, что он... для него это... по-другому, чем для меня... наверное, - заканчивает она совсем неуверенно.

- Да? И в чем разница? Только не говори мне, что ты к нему равнодушна. Теперь уже не поверю.

- Я не знаю, - теперь тон у Нади совсем жалобный. - Я ничегошеньки не понимаю! Мне надо подумать. Блииин... как сложно-то все...

- Ну, думай, - соглашается Люба. - А я пошла чаю сделаю себе и буду дальше конспект читать. Тебе сделать чаю?

- Угу, - рассеянно отвечает Надя.

- Слушай, - уже у двери Люба оборачивается. - Спросить же хотела! Как наш друг Вектор в постели? Хорош?

Надя отвечает сестре наимрачнеешим взглядом, но Любу это не обескураживает.

- Ого! Судя по этому взгляду, он не просто хорош. Он великолепен.

От летящего в ее сторону порванного дизайнерского платья Люба ловко увернулась.

Он позвонил вечером. Когда она делала вид, что готовится к экзамену. А на самом деле в бессчетный раз прокручивала в голове события последних суток, пытаясь их совместить с тем, что слышала от Любы. Получалось... да никак не получилась!

Звонок телефона и появившаяся на экране надпись "Звонит Вектор" вызвали совершенно противоречивые чувства. Было страшно брать трубку, потому что она теперь уже и не знала, кто там, на другом конце. Но по этому неизвестному она парадоксально уже скучала. И хотела слышать его голос.

- Да?

- Привет, Надюш.

На одно простое "Привет", на ласковое обращение, только лишь на его голос внизу живота вспорхнуло облако бабочек. Пальцы задрожали, дыхание утихомирить удалось далеко не сразу.

- Привет, Вик.

Он молчит, она молчит. А потом, неожиданно:

- Я тебе халат купил.

- Что?!

- Ну... в моем ты... такая смешная. Он тебе велик. Я... по магазинам сегодня ходил. Вот халатик тебе купил. Махровый. Белый. Там еще синие розы... по краям.

Перевернувшийся мир по-прежнему не желает возвращаться в нормальное положение. И Надя категорически не понимает, как на это реагировать. А собственное желание немедленно сорваться с места и помчаться примерять белый халатик с синими розами по краям просто пугает.

- Спасибо, Вик. Это... очень мило.

- А еще я купил соли. Морской, ароматизированный. И

пены для ванной. С маслом авокадо.

Как на это реагировать?! Витька не перестает ее удивлять!

- Эээ... здорово. Спасибо.

- Я... - он слегка запнулся, но решил, что молчать и ждать чего-то бессмысленно. Хватит, намолчался и наждался. - Я надеюсь, что ты оценишь мои приобретения лично.

Более чем прямо. Действительно, только глухой не услышит, с какой надеждой звучит его голос.

- О... обязательно, - она отвечает тоже с запинкой.

Снова молчание. Скажи что-нибудь!

- Надя... я... скучаю... по тебе...

Что-то горячее мгновенно разносится по артериям, по венам. От чего дыхание пресекается, а сердце заходится в попытках справиться с этим обжигающим огнем, что несется сейчас вместо крови по ее телу.

- Я тоже, - она с удивлением слышит собственный голос.

- Когда мы увидимся? - настойчиво. - Ты приедешь ко мне? Завтра? Давай, я за тобой заеду? На машине, хочешь?

Нельзя! Нельзя больше поддаваться импульсам! Ей надо подумать, потому что... Потому что их встреча быстро превратится понятно во что. И при одной только мысли об этом... Вот черт!

- Вить... - она вздыхает, - у меня экзамен послезавтра. Сессия же. У тебя это уже в прошлом, ты, наверное, успел забыть, что это такое...

- Нет, я еще помню, - ответно вздыхает он. - Значит, завтра никак?

- Вик, у меня и так два дня выпали... Ой, то есть... - она вдруг четко понимает, что сказала глупость и может его обидеть. - Нет, ты не подумай! Я ни о чем не жалею... - последнее она почему-то произносит шепотом. - Но, ты же понимаешь... У нас в институте фиг расслабишься в сессию.

- Я понимаю, - он старается не показать, как расстроен. - Тогда... после экзамена?

- Да.

- Ладно. Спокойной ночи, Надя... - и после небольшой паузы, тихо, но решительно: - Целую. Буду скучать.

Что ответить на это?

- Спасибо. Я тоже.

Нажала на "отбой" едва ли не с облегчением. Телефон бросила в сторону, пальцы дрожат. Она боится. Боится того, что происходит. Боится того, что не знает, кто он теперь, вообще и для нее. Боится своей реакции на него. Мир вокруг меняется слишком быстро, калейдоскопично.

Надя выключила свет в комнате, для всех в квартире она спит. Но сон к ней не приходит. А ведь в предыдущую ночь она спала не так уже много.

Предыдущая ночь... ночь, которая с хрустом разломала окружающую действительность. И явила ей новый мир. Новый, удивительный и непонятный. И виной всему - Вик. Трижды он выбивал почву у нее из-под ног.

Первый раз - когда напугал. И в самом деле напугал. Сильный, жестокий, равнодушный. Чужой. Но, как ни странно, это было наименьшее из зол. Потому что теперь она понимала, что за этим стояло. Столько лет ждать... Неудивительно, что в конце концов он сорвался. Удивительно, что смог все-таки остановиться.

А потом... потом он удивил ее еще сильнее. Хотя... наверное, правильнее все же сказать, что это она саму себя удивила. Сильно удивила. Но все равно - это из-за Вика!

Ее первый парень, Данила, тот, с кем она лишилась невинности, назвал ее потом "снежной королевой". И дело было даже не в ее... дисфункции. А в том, что она ждала от близости чего-то... чего-то волшебного, такого, что бы сердце зашлось, такого, чтобы... Непонятно чего, словом. Но явно не того, что случилось в реальности. Не была она готова. К боли. Но даже больше - к чувству... скуки,

брезгливости и недоумения. Какой-то не очень эффективный и нелепый фитнес.

"Снежная королева" ее отрезвила. Нет, она такого допустить не могла, это слишком обидное прозвище. Она должна быть безупречна во всем. При ее уме не составило труда быстро понять, как надо действовать. И она начала играть. Лавров секс-бомбы она не снискала, да и не стремилась, собственно, но и о прозвище "Снежная королева" Данила быстро забыл. Совсем чуть-чуть оказалось нужно. Вовремя промолчать, вовремя простонать, вовремя охнуть. Ей нетрудно, лишь бы это все быстрее закончилось.

Так все и продолжалось. Секс был для нее лишь необходимым, неизбежным атрибутом отношений. Тем, чего от нее в конечном итоге добивались все парни. Тем, что она позволяла себе с очень немногими и старалась свести к минимуму. Обязанностью, которая была необходима, чтобы не прослыть снежной королевой. Так было ДО него.

Надя чувствует, как начинают гореть щеки. Что он с ней сделал?! Она забыла, где надо охать, а где стонать. Ей было по фигу, как она выглядит и что делает. Она не думала, что нужно сделать в этот момент, а что в следующий. Кажется, что разум вообще не принимал участия в происходившем. Лишь тело, да и оно ей этой ночью не принадлежало. Витька каким-то непонятным образом отобрал у нее ее тело и творил с ним, что хотел. Ничего не имело значения, кроме желания получить наслаждение. И виноват в появлении этого отупляющего желания был именно Вик!

Осознает вдруг, что с трудом может вспомнить детали того, что между ними происходило. Может, оно и к лучшему. Потому что вела она себя с ним... как озабоченная сексуальная маньячка! Подробности ускользают, лишь ощущение того, что было нереально

хорошо. Так, как никогда в жизни. Мир в очередной раз перевернулся.

Но ведь и это еще не все! Не успела она осознать, что ей открылся какой-то новый мир неконтролируемого чувственного наслаждения, да еще открылся в компании парня, которого она знала всю жизнь, и, как выяснилось, не знала совсем... Как Люба добила ее своими словами. Нет, она не просто его НЕ знала! Она была слепа!

Надя переворачивается на бок и накрывается с головой одеялом. Но от мыслей так просто не отгородишься. Да и надо ли? Рано или поздно это все равно надо как-то осмыслить.

Вик... он... получается, он уже не один год... влюблен в нее?!

Надя чувствует, что ее начинает знобить мелкой противной дрожью.

Чувство, что в нее влюблены, по ней сходят с ума, ее домогаются и желают, было привычным и знакомым. Именно, знакомым. Она всегда знала, если ее любят, ее хотят. Исходя из этого знания всегда выстраивала свое поведение и отношения. Но сейчас...

Она даже представить не могла, что творится у него в голове. После стольких лет... ожидания. Для нее это было непостижимо - как вообще мог человек так ждать, так себя мучить?! Другой Наде, прежней Наде это бы польстило - такая сила чувств. Польстило и только. Наде сегодняшней более всего было важно понять, чем ей самой ответить на это. Это было адски важно.

Он... он что-то значит для нее. Что-то важное. Это знание было внутри, но она боялась пока дать ему выйти на свет. Слишком быстро все происходит, слишком. Она не любила ждать, но сейчас, именно сейчас ей не хотелось торопиться.

Но, получается, выбора у нее не было. Если Вик, после стольких лет, получил то, чего так долго желал, то теперь

ждет от нее... Чего? Того, что ее чувства к нему таковы же, как его? Что она сиюминутно бросится ему на шею и у них начнется бурный роман? Надя даже дыхание затаила от такой перспективы. А ведь... ведь ей именно этого хочется, кажется. Вплоть до того, чтобы рвануть к нему прямо сейчас, посреди ночи. А что? Не впервой.

Останавливало одно: он шел к этому не один год. Для нее же все происходит вот сейчас, в этот момент. Нет возможности остановиться, подумать, понять, что происходит. Что она чувствует, кто он для нее. Ведь не ограничивается все только фантастическим сексом?

На этом месте Надя горестно вздохнула. Черт, где он был раньше?! Она столько в жизни пропустила. Хотя стоит спросить себя - где были ее собственные глаза?

Перевернувшись на другой бок, раздраженно скинула с себя одеяло. Что делать?! Если сейчас начать делать то, чего больше всего хочется... а сейчас больше всего хотелось оказаться с ним нагишом под одним одеялом... Но тогда шансы понять, что происходит - с ними, с ней, сравняются с нулем. А это казалось самым важным - понять, что делать, как правильно. Потому что... потому что если она не будет понимать, она по-прежнему останется слепой. А в своей слепоте она вполне может причинить ЕМУ боль. Потому что понять, как он мог все это выносить не один год, она пока не могла. А ей нужно... важно... жизненно необходимо понять, что ей делать с Виком, с его чувствами к ней, и с ее чувствами к нему.

Надя всегда была нетерпеливой, склонной поддаваться минутному порыву. Жизнь больно наказала ее за это. И теперь... теперь ей нужно время, чтобы сделать все правильно.

- Надя, привет.

- Привет.

- Как экзамен?

- Ооох... - выдохнула. Только-только из аудитории. - Четверка.

- Расстроилась?

- Не особенно, - она перехватывает удобнее телефон. - Главное, что сдала.

- Ну и хорошо, - пауза. - Заехать за тобой? Куда, домой, в институт? Я машину взял.

У нее все замирает внутри. От того, как звучит его голос. Сколько в нем - надежды и уверенности. И от того, что собирается сказать.

- Вик... - вздыхает. - Я на ногах едва держусь. Две ночи не спала. Готовилась. Я отключаюсь. Мне бы выспаться нормально. Ничего не соображаю.

- Ясно, - голос явно разочарованный. - Ну, может, хоть до дому тебя довезти? Я... соскучился страшно.

Если он приедет сейчас... да к черту недосыпание, которое было, она не обманывала. Никакого "до дому" не будет. То есть будет, но до его дому. А там...

- Я тоже, Витюш... - торопливо. А, он же не любит такого обращения! - Вик, я лучше быстренько домой. Отосплюсь. Ладно?

- Ладно, - покорно, со вздохом. - Я завтра позвоню, хорошо?

- Да, конечно.

- Это снова я.

- Привет, Вик.

- Как ты, Надюш? Выспалась?

- Даааааа...

- Хорошо, - ей кажется, что она чувствует улыбку в его голосе. - Встретимся сегодня?

Ответная пауза ему не нравится. Категорически не нравится.

- Вик, - Надя вздыхает, - понимаешь, тут такое дело...

- Что? - против его воли в голосе то ли обреченные, то

ли раздраженные интонации.

- Я заболела...

- Seriously? Что случилось?! Это как-то связано с...

- Ох, нет! Просто... просто вирус, наверное...

Она не умеет врать. Нет, умеет. Родителям. Ему - нет. И он наверняка это чувствует. Но она не знает, как правильно поступить. Его и видеть хочется просто смертельно, и - страшно... Потому что никакой ясности в голове нет. А в целях полного комплекта - начались месячные. А для их с Виком возможной встречи это важный аргумент. Только вот как ему сказать - она представления не имеет. Неловко и как-то... Не привыкала она обсуждать свою физиологию с парнями. Даже с Виком. Нет, с ним - тем более. Теперь - тем более.

Поэтому, она вроде бы и не совсем обманывает его. Недомогание и вправду есть. Но совсем не того характера, о котором она ему сказала. Вирус тут не при чем.

- Ты... у тебя что, температура? Ты лечишься?

Она ненавидит обманывать! Тем более неприятно говорить неправду Вику. Не хочется, тягостно.

- Не переживай, - пытаюсь говорить как можно искреннее. Но выходит, как ей кажется, излишне бодро и потому - фальшиво. - Думаю, я быстро поправлюсь. Вопрос нескольких дней, - хоть это правда!

- Может быть... - в его голосе теперь уже нерешительность, - заехать к тебе? Проведать? С апельсинами?

- Не надо! Я заразная.

- Вот это меня волнует меньше всего!

- Вить, правда, - в голосе ее просящие нотки, с которыми она ничего поделать не может. - Не надо. Я отлежусь, и все нормально будет. Да еще следующий экзамен не за горами...

- Я так понимаю, что до конца твоей сессии я тебя не увижу? - ей совсем не нравится его тон. Раздраженный.

Она не привыкла к такому Вику.

- Не знаю. Как получится. Войди в положение студентки-четверкурсницы в МГИМО в разгар сессии. Которая, к тому же, больна, - ага на всю голову больна. Одним конкретным парнем!

- Хорошо. Поправляйся, Надь. Пока.

- Вик! - но лишь короткие гудки. А она хотела ему сказать...

Он ей не поверил. Он почувствовал ложь. Вот что ей делать?!

- Люба, привет.

- Привет, животное.

- Что это я животное?! - он даже поперхнулся от неожиданности такого обращения.

- А кто? - усмехается на другом конце трубки Любаша. - Животное натуральное. Варвар. Изверг.

- Люба?!

- А кто платье порвал? Дорогое, итальянское. Moschino, между прочим!

- Мо... что? А, черт! - хорошо, что они с Любой разговаривают по телефону. Потому что Вик чувствует, как горячим румянцем заливает щеки, шею. Смущенно прокашливается. - Ты... тебе Надя... рассказала?..

- Виктор Олегович! У меня папа - фотограф, мама - писатель. А я сама, между прочим, учусь в Литературном Институте! Как ты думаешь, мне хватит фантазии, чтобы самой представить, какой ты вандал? А с виду такой приличный мальчик... На скрипочке играл...

- Люба!.. - стонет он.

- Да успокойся ты! - смеется Люба. - Шучу я. Шу-чу. Чего звонишь?

- А... Я... Люб, - решившись. - Что с Надей?

- С Надей все прекрасно. Ходит как пришибленная. Смотрю и прям люблюсь. Сбил ты спесь с королевичны.

- Что мне делать?! - Господи, как он дошел до этого? Но он действительно не понимает, что с Надей происходит. С ней, с ним, с ними обоими.

- Совет нужен? - Люба невозмутима.

- Да. Наверное. Нужен.

- Дай ей время. Правда, Вик. Ей... ей непросто сейчас. Она же... Ну, ты пойми. У нее нет в запасе тех лет, что были у тебя. Понимаешь?

- Да, - на самом деле - нет. Не понимает. Но попробует понять. - А что там у нее со здоровьем, Люб? Сильно болеет?

- Болеет? С чего бы это? Не болеет она, - отвечает недоуменно Люба. - Здорова, цветет и пахнет. Только мозги набекрень, но это ей даже на пользу.

Ах, вот как?..

- Хорошо, спасибо, Люб.

- Да не за что, товарищ изувер.

Лишь спустя пару минут после нажатия отбоя Люба понимает, что сказала что-то не то. А ну ее, эту Надьку! Предупреждать надо, если ей нужно прикрытие!

Его ни разу не динамили девушки. Так вот скучно жизнь сложилась. Сначала их попросту не было, девушек этих. А потом, когда они появились - как-то не возникало у них такого желания, видимо. И поэтому он понял далеко не сразу, что происходит. А когда понял...

Да черт с ними, пусть бы его продинамили и бросили все, кто был в его жизни. Только не она!

Время?! Ей нужно время?! Для чего? Чтобы придумать, как аккуратнее от него избавиться?

Кулак с размаху ударяется в стену. Не больно. После столько раз отработанных тамишевари* - привычно.

Зачем нужно время?! Чтобы понять, что любишь, достаточно одного мгновения. Он знает, это так. Неужели нужно много, чтобы понять: любишь? Нет, не нужно. Если

любишь, чувствуешь сразу. Значит, нет. Нет любви. Теперь уже костяшками в стену, до крови. Почему нет боли там, в тренированном кулаке?! Почему вся боль там, в сердце?! Пальцы не болят, лишь слегка онемели. Вот еще так же бы онемело сердце.

Она ему соврала. Он это почувствовал, но не хотел верить. А Люба подтвердила. Не хочет его видеть. Избегает. Прячется. Почему?!

Вик не мнил себя великим знатоком женской натуры - куда уж ему. Но был отчего-то уверен, что Наде с ним было хорошо. В том самом смысле... хорошо. Значит, не в этом дело.

Страшно не хотелось думать, что он для нее - просто один из числа многих. Сексуальный партнер на один раз, не более. Ужасно не хотел верить, что она такая. Нет, не может быть. Он думал, что для нее это так же, как для него - когда то, что происходит между двоими, сбивает с ног, лишает разума и дыхания, нет его и ее, есть они двое. Так для него и было. А для нее? Неужели нет? Неужели он был просто на один раз? Тот, с кем сегодня? Кулак снова опускается на стену. В этот раз немного больно, на обоях остается кровь. Но внутри больнее.

Или... или он все-таки напугал ее? Вот тем своим, первым... когда потерял контроль? Как быстро он забыл о том, каким был с ней. Непозволительно быстро забыл, спрятал под сладостью того, что было потом. Но ведь от фактов не спрячешься, они, как известно, вещь упрямая. Он взял ее силой, взял против ее воли, она не хотела, просила остановиться... Он остановился, в конце концов. Да только сделанного не воротишь. Нельзя отменить того, что он сотворил. Значит, она опомнилась, одумалась. И решила, что он ее недостойн. Еще один удар в многострадальную стену. Впрочем, стене все равно. Ей не больно. Ему - очень. И болят отнюдь не разбитые в кровь костяшки пальцев.

На следующий день он пошел в парикмахерскую. Та находилась в его доме, и там работала чудесная девушка Иришка, которая стригла его уже пару лет. От стрижки Иринка получала совершенно эстетическое удовольствие, по-черному завидуя его волосам и довольно забавно облекая свою зависть в слова в процессе стрижки.

Когда он озвучил свою просьбу, Ира недоверчиво ахнула.

- Шутишь?!

- Нет, - он садится в кресло. - Пару сантиметров оставь.

- С ума сошел - такую красоту состригать!

- Желание клиента - закон, - отвечает Вик ровно.

- Зачем?!

- Надоело, - пожимает плечами.

- Витя, не дури...

- Ир, ты будешь стричь или мне пойти к другому мастеру?

- Дурак, - Ирина понимает, что спорить бесполезно. Достает из ящика машинку. - Потом не пожалеешь? И что на тебе нашло?!

- Сама догадайся, - буркнул Вик. Они встречаются глазами в зеркале. Ира качает головой, потом с тоской смотрит на его голову. И принимается за работу.

Было у них как-то раз с Иришкой. В тот день он был последним, поздним клиентом, а Ирка поссорилась со своим парнем. Вечер завершился у него дома.

Ира потом страшно раскаивалась, через пару дней выловила Вика около подъезда и со слезами умоляла не говорить никому. Видимо, помирилась со своим парнем. Вик, как мог, успокоил ее. Ему было тогда одиноко, ей - паршиво. Всего один раз, что и кому он будет рассказывать? На этом все и закончилось.

- Готово! - Иринкин голос вторгается в его воспоминания.

Смотрит на свое отражение в зеркале. Не узнает себя.

Кто-то другой, там, в зеркале. За его спиной скорбно поджавшая губы Иришка.

- Ну?

- Мне нравится, - он проводит ладонью по голове, непривычно жестко. Голова совсем легкая. Вот бы и ему стать таким... жестким, твердым. Или, наоборот, легким и безмятежным, как воздушный шар.

- Ты извращенец, - вздыхает Ирина. - Такую красоту испоганили.

- Ира...

- Что?

- А ты со своим парнем случайно не ссорилась?

За его плечом Иришка складывает руки на груди.

- С Антоном мы недавно расстались. И даже если бы это было не так - фиг бы тебе что обломилось!

- Почему? Тебе же понравилось.

- Потому что... учитывая это, - кивок головы в сторону его коротко стриженной макушки, - и это, - рукой указывает на его перебинтованные пальцы, - ты совершенно неадекватен!

Вик пожимает плечами. Попытаться стоило. Хотя нет, не стоило и пытаться. Будто ему, после Нади, нужен кто-то другой... Выпендривается сам перед собой.

Начал паковать вещи. Он Наде не звонил, она ему тоже. Несколько его смс, на которые она отвечала односложно или смайликами. Ну что ж, все ясно. Предельно ясно.

А он-то ломал голову, что делать с контрактом. Собирался ведь расторгать его, только не знал, как аккуратнее сказать об этом отцу, так, чтобы ему голову не оторвали за ненужность. Столько сил было положено, а теперь вдруг... Но он и помыслить не мог, чтобы уехать от нее, если она его... "Если" не случилось. Все. Точка.

Накануне отъезда все-таки не выдержал, позвонил. У нее завтра последний экзамен. Голос уставший и виноватый.

- После экзамена увидимся. Обязательно, Вик, - он это уже слышал. Завтра обязательно что-нибудь случится. Что помешает их встрече. Надя продолжает: - Знал бы ты... Это реально самая тяжелая сессия за все время. Надо отметить.

- Конечно. Ни пуха, ни пера, Надюш.

- К черту! - смеется она.

Да, именно туда он и отправится. Завтра. К черту, в ад, туда, где не будет ее.

Эта сессия едва ее не доконала. Голова трещала, и отнюдь не от впихиваемой в нее с трудом информации. И потом, вдруг, сидя на экзамене по дипломатическому и консульскому праву и глядя в окно, в яркий летний день, поняла: ничего она не придумает. Ничего нового. Кроме того, чтобы ответить ему тем же самым, что он чувствует к ней. Потому что оно в ней есть. Не три года, но есть. И вообще - все это чушь, главное, что он есть у нее! А она есть у него. На ее лице расцветает мечтательная улыбка, не имеющая никакого отношения к сдаваемому предмету.

- Соловьева, судя по вашей улыбке, вы готовы отвечать?

А, скорее бы сбежать отсюда!

- Да, Геннадий Васильевич, готова.

- Тогда прошу.

Чудом вытянула на четверку. А теперь - домой, в душ, переодеться и позвонить Витьке. Что-то он сам не звонит, замучила она его своими отказами. Ну, теперь все. Сессия сдана, она все для себя решила. Держись, Баженов! Черная Королева переходит в наступление. Белому Королю лучше сразу сдаться на милость победителя.

Когда возвращалась домой, поймала себя на том, что напевает нечто безымянное, но мелодичное, чего за ней ранее не наблюдалось. Ну, так она и влюбилась по-настоящему в первый раз.

- Надежда, ну как? - с кухни ее окликает отец.
- Честная четверка, пап. На большее просто сил не было,
- с облегчением скидывает туфли на высоченном каблуке.

- Ну, четверка - тоже оценка, - соглашается Соловьев-старший. - Ногу баранью запек. Будешь?

- Нет. Я сейчас в душ - смыть с себя чертову сессию. И убегаю отмечать это дело с Виком.

- А он разве не сегодня улетает? Завтра, что ли? Я попутал?

Она останавливается, словно налетает на невидимую стену. Оборачивается в дверях кухни. Смотрит на отца и онемевшими вмиг губами:

- Улетает? Кто?

- Кто-кто... Виктор. Олег вроде бы говорил, что сегодня он улетает в эту свою Калифорнию.

- Как?!

- Полагаю, самолетом.

- Пап?! Ты шутишь?!

- А ты не знала, что ли?

Надя медленно оседает на табуретку.

- Не может быть...

- Почему? Он по трудовому контракту уезжает, работать. Так вроде бы Олег говорил. На год, а там видно будет. Еще один раб Кремниевой Долины.

Надя хватается за телефон. Пальцы дрожат. Абонент недоступен. Ей кажется, что она задыхается.

- Во сколько рейс?!

- Не знаю, - отец удивленно смотрит на нее. - Не отвечает? Ну, наверное, уже в самолете. Или правда улетел.

- Пап, позвони дяде Олегу! Пожалуйста! Узнай точно!

- Хорошо.

- Сейчас!

- Да понял я, понял... - Соловьев-старший достает из кармана джинсов телефон. Во время разговора поднимает

взгляд на кухонные часы. И, отключившись и все так же глядя на циферблат на стене:

- Странно. Рейс вроде бы через три часа еще.

- Дядя Олег с Виком?

- Нет, Олег на работе. Сказал, что они Виктора не провожают. Он им запретил, как обычно. Самостоятельный.

Самостоятельный идиот!!!

Надя срывается с места, торопливо сует ноги в Любкины кеды, которые совершенно не подходят к романтическому платью, в котором ходила на экзамен. Но - плевать, это действительно сейчас совершенно неважно. Кричит уже из прихожей:

- Пап, перезвони, спроси, какой аэропорт?!

- Домодедово, - невозмутимо отвечает отец, выходя в прихожую. - А что происходит?

- Потом объясню! - уже практически из-за двери.

Стас качает головой. Однако нельзя сказать, что он очень сильно удивлен.

Такси ловить бесполезно, они встрянут в пробке. Бегом к метро, до Павелецкой семь станций. Ближайший "Аэроэкспресс" через двадцать минут. Каждая из этих минут убивает ее.

Время в пути - пятьдесят минут. Надя или набирает его номер, или гипнотизирует минутную стрелку. Каждый ее оборот уменьшает шанс увидеть его. И скоростной поезд кажется ей медлительным, как улитка. А вовсе не экспрессом. Неумолимо опаздывающим экспрессом.

Регистрация на рейс закончена. Надя уже ничего не соображает толком, кроме одного затмевающего все желания - найти его. Сказать. Спросить. Не успевает. Чувствует: не успевает.

Повсюду мелькают чужие лица, Надю постоянно толкают, по ногам проезжает чья-то тяжелая сумка.

- Извините... Ой! Пропустите, пожалуйста... Можно пройти?

- Девушка, куда вы ломитесь? - перед глазами внезапно возникает недовольное лицо пожилой тетки.

- Простите... Мне надо... - перешагивает через нагромождение чемоданов.

Сколько людей, с ума сойти. Впечатление, что вся Москва куда-то летит в один день. Взгляд на информационное табло: посадка на рейс вот-вот закончится. В отчаянии Надя пытается пару раз подпрыгнуть, чтобы посмотреть поверх голов. Как некстати сейчас ее небольшой рост и отсутствие каблучков!

Зона таможенного досмотра. Туда ее не пустят. На какой-то момент ей вдруг показалось, что она увидела его в толпе, там, уже среди прошедших контроль - знакомый высокий силуэт, футляр с гитарой за плечами. Хотела крикнуть, но осеклась. Он наклонил голову - коротко, почти под ноль стриженный затылок. Это не Вик.

Она бесцельно бродила по залам аэропорта, теряясь в многоликой толпе. Вот и время вылета. Возможно, самолет уже в воздухе. Возможно, катит по рулевым дорожкам. Сути это не меняет: Вик недосыгаем. Она опоздала.

Надя без сил опускается на первое свободное сиденье в каком-то из залов ожидания. Вот и все. Пустота внутри. Его нет. Как она это допустила?! Хочется плакать, но слез нет. Ничего нет. ЕГО нет. Пустота.

Улетать лучше одному. Ни к чему сейчас здесь родители, слезы матери, неловкость отца. Попрощались дома и хватит. Все, он уже не здесь. Мыслями он там, в Маунтин-Вью, калифорнийском городке, небольшом, но известном. Место, которое должно излечить его. Или убить - как знать.

Улетать лучше одному. Кого он обманывает? Надеялся, в

самой-самой глубине души. На чудо. Откуда бы ему взяться, конечно, но где-то там, глубоко внутри, жила она, эта подлая, не желающая погибать сука надежда. Что сейчас чьи-то руки обхватят сзади, как тогда. Родное лицо уткнется в спину. И любимый голос скажет: "Не уезжай...". Поэтому и настоял, чтобы родители не провожали. Наивный дурачок.

В какой-то момент ему показалось, что она где-то рядом. Он уже прошел зону таможенного досмотра и вдруг откуда-то... Будто пахнуло ее духами... Или голос ее на ухо. И четкое ощущение ее взгляда в спину. Лишь головой дернул. Он жалкий галлюцинирующий псих. Поправил лямки гитарного футляра. С собой в салон смог взять только гитару и ноут, все остальное - в багаж. Перехватил удобнее сумку с ноутбуком и пошел в сторону зала ожидания вылета.

За стеклом иллюминатора пока еще медленно проплывают бетонные плиты взлетно-посадочной полосы. Ему повезло - место у окна. Поправил наушники на голове, без волос они сидят как-то... непривычно. Повернул голову в сторону соседа - средних габаритов парень, который, надув специальную подушку для сна и пристроив ее на шее, отключился, не дожидаясь взлета. Вик двинул ногами, вздохнул. Учитывая его рост и длительность перелета, на комфорт в "эконом классе" рассчитывать не приходится. В его личный ад удобной дороги не будет.

Врубают звук в плеере громче. Бетонная лента за окном разматывается все быстрее. Вот и все. Обратной дороги нет.

** тамиишавари - разбивание твёрдых предметов незащищёнными частями тела, практикуемое в боевых искусствах -- каратэ и тхэквондо.*

Глава 13. Пусть скажут мне, ушли все поезда, и поздно

*уж от жизни ждать чего-то. А я отвечу - это ерунда!!!
Ещё есть корабли и самолёты!*

(с) с просторов Интернета.

Пустота не заполняется ничем. Ее невозможно заполнить. Она незаполнима ничем и никем. Только им.

Прилетела на каникулы последняя составляющая их некогда неразлучной троицы - Соня, которая единственная из сестер училась за границей - в Сорбонне. Софьин приезд отвлек, но немного. Вскоре сестра стала раздражать попытками ее растормошить, заставить прийти в себя. Люба вот уже смирилась и не трогала Надю, только вздыхала иногда.

И в Португалию с сестрами она не поехала. Нет у нее настроения никуда ехать. Чем бы ее ни соблазняли младшие: пляж, море, дискотеки, магазины - ничего не могло поколебать ее решения.

- Ну, и кому ты делаешь хуже? - никак не может уняться Соня.

- Отстань.

- Когда ты в последний раз заглядывала в косметичку?

- Соня, - предупреждаяще. - Не лезь...

- Ну и ладно! Мы и без тебя отдохнем прекрасно. Не надо будет пьяное тело из бара до гостиницы на себе таскать!

- Да такое было всего раз!

- Повторить не хочешь? - вкрадчиво.

- Пожалуйста, Софушка, - вздыхает Надя, - не трогай меня...

Вик так и не обжился в городке, имевшем забавное, в переводе на русский язык, название - Горный Вид. Он никакими видами не любовался. Не знал соседей по этажу, общался только с коллегами. Офис-супермаркет-квартира. И так уже месяц. Будто подсознательно не хотел привыкать, прирастать к этому месту. Но ведь надо. Надо!

Новые работодатели оказались им чрезвычайно довольны. Еще бы - вкалывал Вик все то время, когда не спал и ел. Потому что работа была единственным, что отвлекало его от той смертной, серой тоски, что царила в душе. Он знал, что будет плохо. Но и предположить не мог, что будет ТАК плохо. Он тосковал по ней буквально до физической боли где-то внутри. Даже до тошноты - так плохо было иногда от того, что между ними - невообразимая бесконечность, километры, океан, и снова километры. Они давили на него, он задыхался под их множеством, под тем, что это расстояние страшно представить, невозможно преодолеть.

Сколько раз он брал телефон? Держал в руках аппарат, смотрел в экран, на реквизиты выбранного из адресной книги абонента, которого он из нейтрального "Надя Соловьева" мазохистски переименовал в "Любимая". И потом нажимал "отбой". Отбой любимой. Сколько раз он в окошке скайпа набирал... разное... "Привет", "Ты не скучаешь", "Как дела?"... А один раз даже своевольные пальцы напечатали "Я тебя люблю". Все равно потом он это стирал, так и не нажав на кнопку "Отправить".

Зачем? Она хотела от него отделаться? Что ж, он ей это обеспечил. Судя по тому, что не звонит, не пишет - ее все устраивает. И его это тоже... устроит. Рано или поздно.

Он не исчез совсем. Пару раз мама сообщала новости от Баженовых - Вик устроился на новом месте, у него все хорошо, работой доволен, им, вроде бы, тоже довольны. Да и, собственно, есть телефон, есть скайп. Но... но... но!

Он бросил ее. Надя опоздала. Самым тяжелым было осознание, что виноватых не находилось. Только она, она сама. Он ждал, столько времени ждал. А она вдруг решила что-то... после его стольких лет... выдумывать... Никогда она не размышляла долго по поводу своих отношений с парнями. И сейчас не следовало начинать! Правда,

причина иная. Просто надо было послушать свое сердце. Которое теперь мстило ей за глухоту острой болью.

И придумала же себе предлоги... Сессия! Курам на смех! Будто это важнее, чем Вик. А еще он наверняка почувствовал, что она ему соврала про вирус. Пусть и без намерения его обидеть, из лучших побуждений. Теперь ей точно известно, куда вымощена дорога лучшими побуждениями. В ее персональный ад.

Ужасно горько сознавать, что она, которая считала себя такой умной, в нужный момент не смогла понять - что же самое главное в жизни? Что-то затмило ей глаза. Или она не могла предположить, что он вот так... оставит ее. После всего, что было между ними. Но даже разозлиться не получалось. На свою беду она стала слишком хорошо его понимать. Ждал, терпел. Слишком долго. И устал. А ведь все было в ее руках, она все могла исправить... Но не успела.

И теперь не чувствовала в себе никакого права и никаких сил, чтобы позвонить ему. Он устал от нее, от ее капризов и отказов, от нее самой, от ее характера. Последняя капля упала, и все... Что она теперь может сказать или сделать, чтобы вернуть его? Ничего. Надо отпустить. Ему и так пришлось несладко. Мучился, страдал и ушел. Отпусти, Надя. Если любишь - отпусти. Ведь ты же - замирает от этой мысли, такой внезапной - о, Господи... любишь?!

Почему она не призналась себе в этом раньше?! Почему она не призналась в этом ему? Почему она опоздала?!

Все ее благие намерения рухнули в одночасье и, казалось бы, ни от чего.

Отец прилетел из командировки в Штаты, куда его привела реализация очередной гениальной идеи. И передал ей привет от Вика!

- ЧТО?!

- Виктор привет всем передавал. Я заезжал к нему.

Точнее, слетал. Там аэропорт есть рядом, чего бы не смотаться, от Лос-Анджелеса? Баженовы ему там посылку собрали, просили передать.

- А... - она не может сказать ничего внятного.

- По-моему, таким, как Витька, все равно, где жить. Весь в работе, в компьютере, - смеется отец. - Я его вытащил в Музей компьютерной истории - так он даже не знал, что такой есть в городе!

- Как он? - удастся спросить, голос удивительно тих.

- Да нормально, говорю же. Привет всем передавал.

Вик передавал ей привет! Это что, все, что у них осталось?! Все, что ей дозволено - получать приветы от него через третьих лиц?! И вдруг все принятые решения меняются кардинально. Она должна спросить! Так люди не расстаются - молча, не увидевшись напоследок, не сказав и слова! Нет, она должна увидеть его, посмотреть в глаза и услышать, как он сам говорит, что она не нужна ему. Чтобы точно знать, что она тут подыхает не напрасно. Есть же шанс, микроскопический шанс, что они друг друга просто неправильно поняли...

- Мам, я этим летом никуда не ездила...

- Ну да, - соглашается Вера удивленно, - ты же сама не захотела, отказалась - Люба с Соней отдохнули.

- Да, я помню. Но можно мне тоже?..

- Надя, ты куда собралась сейчас? Через две недели первое сентября, занятия начнутся.

- Я недолго... наверное... - голос ее звучит тихо и неуверенно.

Вера вздыхает. Ей не нужно спрашивать, куда и зачем.

- Ладно. Езжай, - не стала попрекать дочь тем, что перелет за океан наносит серьезный ущерб семейному бюджету. Есть вещи дороже денег. - Как у тебя с визой?

- Виза есть! - Надя не верит, что мать согласилась так скоро. - Ромкин отец нам делал, на год, она еще не

просрочена, - тут она парадоксально вдруг вспоминает, кем работает Ромин папа. И думает, что хоть какая-то польза от Романа в ее жизни все же была.

- Хорошо, - кивает мать. - Бери билет.

- Мам, - Надя вдруг в два шага рядом, лицом в материнское плечо, - все так очевидно, да?

- Надюш, да какая разница, что там очевидно другим? Главное, что думаешь по этому поводу ты сама, - Вера обнимает дочь, гладит по голове. - Я только об одном прошу - не скандаль, ладно? Вам... вам поговорить надо, просто поговорить. Обещай мне, что не будешь устраивать Вите скандал.

- Какой скандал, мам? - Надя поднимает лицо. - Не до скандалов мне сейчас.

- Ну-ну, - тон Веры скептический, - знаю я тебя. Ты, как истинная женщина, из ничего одну вещь точно можешь сделать.

- Не поняла?...

- Ну, знаешь, говорят, что настоящая женщина из ничего может сделать три вещи - салат, шляпку и скандал.

- Чушь какая! Как из ничего можно сделать салат?!

- Ох, беспокойно у меня на душе, Стас.

- Да ладно, - поздние вечерние посиделки на кухне, Соловьев пьет чай из кружки, которую только он называет так. Остальные члены семьи - ведром. - Взрослая уже, не в первый раз за границу летит.

- Я не о том, неужели ты не понимаешь?! Как там Витя? На самом деле?

- Да такой же, как наша красавица. Не в себе.

- Что там у них произошло?.. - Вера задумчиво чистит апельсин, которого ей совершенно не хочется, лишь бы руки занять.

- Думаю, кроме них двоих, этого никто не знает.

- Надеюсь, у нее хватит здравомыслия сделать все правильно...

- Здравомыслия? - переспрашивает Стас. - Ты не забыла, что мы говорим о нашей старшей дочери?

- У нее, кроме твоих, есть еще и мои гены, - парирует Вера.

- Ну и зазнайка же ты, госпожа литератор...

Вера смотрит на мужа.

- Ты меня такой и любишь.

- Верно. Куда деваться? Люблю.

Отец ей подробно объяснил, как добраться. И вот тот самый дом. За спиной отъезжает такси. Дом небольшой, трехэтажный. В этом городе не так уже много высотных зданий, в основном это офисы крупных софтверных компаний.

А здесь - тихий жилой зеленый район, двух-трех-четырёх-этажные строения. В одном из них, том, что перед ней, живет Вик. Этаж третий. Надя задирает голову. Интересно, которые его окна?..

Звонит долго... Может быть, звонок не работает? Нажимает еще раз, прижимает ухо к двери. Да нет, тренькает за дверью. Нет дома, на работе? Уже вечер. Она устала, перелет просто ужасающе выматывает, да еще если добавить к этому собственные мысли, страх, неуверенность...

Дверь открывается. Первая мысль: она ошиблась квартирой.

Вроде бы есть что-то знакомое... Та самая долговязая фигура, длинные ноги в джинсах - правда, абсолютно не дырявых, консервативная серая футболка с каким-то мелким логотипом обтягивает знакомый, казалось бы, разворот плеч. Но лицо... нет, не лицо - прическа, короткий светлый ежик волос. Но голубые глаза так почти привычно распахиваются от удивления... и так узнаваемо

приоткрываются губы... это же его губы... и его голос:

- Надя?! Ты?!

- Нет, это Люба! Или Соня! Догадайся сам, - она ответила, даже не успев обдумать свои слова - так дезориентировали ее изменения во внешности Вика.

- Надь...

- Пригласишь войти?

- Да, конечно! - спохватывается, отступает назад. -
Прошу!

Она проходит внутрь, оглядывается.

- Мило.

Он понимает, что не заслужил даже этого равнодушного "Мило" - в квартире откровенный бардак. Раз в неделю тут приходит женщина убираться. И придет она завтра. А он особенно "постарался" за эту неделю. Но почему-то не стыдно.

- Выпьешь чего-нибудь?

- О, - она скупое усмехается, - как это по-американски...

- Новая страна - новые привычки...

Молчание многоточием ощутимо повисает в воздухе, словно бы концентрируясь, и холодными каплями падает за шиворот.

- Зачем ты приехала, Надя?

Она смотрит на него внимательно, пытаясь понять, что там скрывается, за этим внешним, быстро вернувшимся к нему спокойствием. И все-таки любясь им. Новая стрижка делает его иным. Более... взрослым? И он ей нравится - такой.

- Спросить хочу.

Он удивлен, но пытается не показать виду. Лишь плечом как-то странно дергает, засовывая руки в карманы джинсов.

- Ну... спрашивай.

Она синхронно засовывает руки в карманы своих джинсов. Она думала об этом, много, долго думала. А

теперь... Его новый облик ее странным образом выбил из колеи. И поэтому...

- Вик, почему ты уехал?

Он снова дергает плечом.

- Работа... интересная. Перспективы. Здесь, в Кремниевой Долине, Мекка всех айтишников.

- Работа? И все? В этом причина?

Он отводит взгляд. И отвечает негромко:

- Да.

- А я? Я не заслужила даже "До свидания" от гениального господина Баженова? - интонации в голосе те самые, от которых предостерегала мать. Но рвется изнутри неконтролируемо. Пусть отвечает. Пусть объясняется!

А он отвечает, после паузы и неожиданно:

- Надя... отпусти меня.

- Отпустить?!

А что он еще мог ей сказать? Когда увидел ее, ее, о которой думал каждую проклятую минуту перед сном! Таковую вот непривычную - бледную, без косметики, в совершенно простой одежде. И все. Ноги едва не подогнулись. Пропал. Сердце рвется к ней, гордости уже нет и следа. Остается так только... Хоть как-то. Лишь бы снова не упасть на колени.

Зачем она приехала? Успокоить уязвленную гордость? Наказать непокорного, осмелившегося от нее сбежать?

- Пожалуйста. Я прошу тебя. Я же не нужен тебе. Позволь мне... сохранить хоть что-то от себя.

- Ты сам понимаешь, о чем говоришь?!

- Понимаю, - кивает невесело. - Прекрасно понимаю. Зачем я тебе? У тебя таких много...

- ЧТО?!

- Надь, мы оба это знаем, - говорить об этом больно, но надо. Иначе нельзя, никак. - Я для тебя просто один из... - он замолчал. Как же это трудно... - Тебе же неважно...

- Неважно что?!

- У тебя были, есть и... будут другие, - произносит он тихо, но твердо. - Зачем тебе именно я? Я понимаю, что задел твою гордость, когда уехал. Но так было нужно. Дай мне уйти, пожалуйста. Я... не могу так...

- Витя... - она говорит тоже тихо. - Ты что такое говоришь?! По-твоему, я только и делаю, что прыгаю от парня к парню, из одной койки в другую?

- Я тебя не осуждаю, - как-то торопливо. - Это твоя жизнь, ты вольна...

- Так, стоп! - она повышает голос. - Ты именно так обо мне и думаешь? Что я такая доступная, что мне все равно - с кем?

- Я этого не говорил!

- Ты именно это и сказал! Что у меня много, что я... - она задыхается.

- Надя, правда, я тебя не виню. Ты очень привлекательная, и ты имеешь право...

- Ты считаешь меня шлюхой!!!

- Да нет же!

- А как это назвать?! Если ты считаешь, что я меняю парней как перчатки! Что у меня каждый день в постели новый... - у нее пресекается голос.

- Слушай, я не думаю, что у меня есть право тебя судить, правда...

Она поднимает руку, призывая его к молчанию. И он подчиняется, настороженно глядя на нее.

Надя вздыхает глубоко, проводит ладонями по лицу. А потом, нарочито спокойно и негромко:

- Трое.

- Что? Я не понял...

- Их было трое. Тех, кто был до тебя. Те легионы парней, о которых ты говоришь. Которые прошли через мою постель. Их было трое. Трое!

- Я не...

- Не веришь? Мне плевать! Мне плевать на твоё мнение, плевать на то, веришь ты мне или нет! - Надя с отвращением чувствует в своём голосе истерические нотки. Надо успокоиться! С горькой усмешкой: - Вик, я же... Ты что, правда, считаешь, что я обращала внимание на каждого, кто домогался меня? В том самом... смысле обращала внимание?! Это смешно! Это не... Меня не так воспитывали, если хочешь знать! У меня есть самоуважение, чувство собственного достоинства и разборчивость, в конце концов! - вдохнуть, медленно выдохнуть. Не позволить себе потерять то небольшое, что у нее еще осталось - то самое достоинство, о котором она только что говорила. - Вокруг было много, ты прав. Много, очень много парней. И мне это нравилось, я врать не буду. Но неужели ты думаешь, что я позволяла каждому?... Я же... Неужели ты не понимал?!

- Надя, подожди. Я не...

- Я поняла - не веришь! Мне все равно! - злость - единственное, что поможет ей сохранить гордость. Когда он нанес ей такой удар. Когда он ТАК о ней думает. Но королевы, даже смертельно раненные, не падают на колени. И погибают с гордо поднятой головой. Расправила плечи, усилием воли заставила себя посмотреть ему в глаза. - Мне по фигу, что ты мне не веришь! В то, что у меня было всего трое, не три десятка, не три сотни, а всего лишь трое. Или в то, что ты первый с кем я... - тут она запнулась, говорить об этом неловко, но она же шлюха в его глазах, таким можно говорить все, что угодно. - Я оргазм в первый раз в жизни испытала... пару месяцев назад. Догадаешься, с кем?

Вик попытался что-то сказать, но она его перебила.

- Я раньше... до тебя... всегда терпела только... скорее бы кончилось. Всегда... старалась избегать этого... по возможности. Странно, да? Для той, которую ты считаешь такой... многоопытной. А мне не нравилось! Пришлось

научиться притворяться, что мне хорошо. Чтобы не лезли лишний раз, чтобы быстрее отстали, - усмехнулась горько, над собой. - Могу сдавать экзамен по имитации оргазма. Хотя... в реальности все было по-другому. Гораздо... гораздо... не знаю! Иначе.

- Надя, послушай...

- Не буду я тебя слушать! Я уже поняла, что ты мне не веришь! Даже в то, что ты единственный... - тут щеки залило предательским румянцем, но она решила идти до конца в своей откровенности. Вряд ли им выпадет шанс еще так поговорить. Вряд ли она еще раз решится так открыться. - Ты единственный, кому я позволила... кто... - она прикусывает губу, как же неловко, почти стыдно об этом говорить. Но - к черту! Она же общедоступная в его глазах! - Ты первый... и единственный... кому я позволила... ласкать... целовать себя... там. Чтобы ты там ни думал - я перед каждым встречным ноги не раздвигаю!

Все, а вот теперь надо уходить. Бежать. Спасать королевское достоинство. Потому что Надин Соловьева никогда не плачет. Но и любимый ее никогда до этого не предавал.

Она делает два шага вперед. Он делает шаг навстречу.

- Стоять.

- Что?! Стоять?! Ты не путаешь меня с вашей таксой? Это ей ты можешь командовать - стоять, сидеть, лежать, голос! А я... я узнала все, что хотела, а теперь ухожу! - дернула головой: - С дороги!

- Это правда? То, что ты сказала? - он взял ее за плечи, в глаза смотрит. Взгляд его слепит, руки на плечах, кажется, жгут. Так хочется вырваться, убежать! Но надо доиграть до конца.

- Что, поверил? - смеется, громко и неестественно. - Ой, Витя, ты такой смешной и наивный! Конечно, нет, неправда. С тобой я тоже притворялась. Чтобы не нанести урона твоей нежной психике. Я виртуозно имитирую

оргазм!

В его лице не дрогнуло ничего. Смотрит все так же внимательно, и так же крепко держит за плечи, не вырваться.

- Это правда? - повторил.

А Надя вдруг понимает - не удастся сохранить лицо. Силы кончаются, что-то внутри рвется. Она закрывает глаза. И говорит, почему-то шепотом:

- Как бы я хотела... Как бы я хотела сказать, что это неправда. Что ты такой же, как все. Что с тобой так же, как с другими. Только... только это не так, - она открывает глаза, и Вик почти с ужасом видит - глаза его королевы полны слез. - С тобой все по-другому... совсем по-другому... С тобой... Ты... особенный... Ты... - она снова закрывает глаза, будто не в силах смотреть на него. И совсем тихо произносит: - Как ты мог ТАК думать обо мне?..

Он потрясенно, не веря своим глазам, смотрит, как из-под длинных темных ресниц сбегает первая слеза. За ней еще одна, и еще...

- Надюша...

- Как ты мог, Вик?.. - она словно не слышит его. - Что ты за человек, если мог так думать обо мне?! Когда ты для меня... Когда я тебя...

Слезы катятся градом, глаз она не открывает. Его охватывает ощущение, близкое к панике. Кажется, он снова все испортил. Он просто дурак, клинический идиот, ведь она говорит правду, он это чувствует!

- Наденька, - осторожно касается ее волос, гладит по голове. - Я, кажется, не так все...

- Как ты мог, Вик?.. - повторяет она чуть слышно, всхлипывает, глаза по-прежнему закрыты. - Как ты мог так плохо думать обо мне, Витя?..

- Девочка моя...

- Как ты мог оставить меня, Вик?! За что?! - и она

зарыдала, по-настоящему, уже не сдерживаясь, вздрагивая всем телом.

- Надюша... - обхватил ладонями ее лицо. - Посмотри на меня, пожалуйста...

Медленно поднимаются вверх слипшиеся острыми треугольниками темные ресницы. Любимые синие глаза. Синее море тоски, обиды, горечи.

- Как ты мог, Витя?! Как? - и потом, после судорожного вздоха, пытаюсь удержать рыдание: - Ненавижу тебя!

- Люблю тебя! - все, что-то изменилось в нем мгновенно, невозвратно. Он ее не отпустит. Никогда. Ловит губами соленые капли на ее лице. - Люблю тебя, девочка моя. Прости меня, солнышко, любимая, прости меня...

- Как ты мог?! - кажется, она не может сказать ничего другого. - Как ты мог ТАК думать обо мне? Почему ты меня бросил? За что?

Да как ей объяснить то, что он и сам теперь не понимает. КАК он мог уйти от нее?!

- Я просто закомплексованный болван! Который судит о других по себе! Прости меня, я просто... напридумывал себе черт знает чего, сваял дурака! Но ты же у меня умничка, ты должна простить меня, да, Надюша?..

- Ненавижу тебя... - стонет сквозь слезы.

- Неправда, - шепчет он ей в губы, наклонив голову, прижавшись своим лбом к ее. Внутри какая-то странная уверенность и одновременно - пустота. - Скажи мне это. Ты же за этим приехала. Чтобы сказать. Скажи. Пожалуйста.

Она вздыхает, прикусывает дрожащую губу. И он, обмирая от предвкушения, слышит то, что очень давно мечтал услышать от нее:

- Я люблю тебя.

- Дааа, - Вик выдыхает это слово откуда-то из самого сердца, прижимает ее к себе так крепко, что Надя охает от боли. Слегка ослабляет давление рук, и целует - виски,

кончик носа, дерзкие скулы. - Да, девочка моя, да... Да, моя хорошая... моя любимая... ты только прости меня, идиота... Хочешь, на колени встану?

- Не хочу. Лучше поцелуй.

И он поцеловал.

Бывают такие моменты в жизни. Краткие, не фиксируемые сознанием как отрезок времени. Они мимолетны, их нет. И в то же время - они меняют все. ДО этого момента ты одинок, несчастен, впереди нет ничего, кроме тоски. А в следующее мгновение - ты господин этого мира, у тебя есть все, что тебе нужно, ты счастлив, ослепляющее, безмерно счастлив, потому что у тебя есть он, любимый человек. И между этими двумя состояниями - невозможно краткий миг. Точка разрыва, мгновение, когда стрелочник твоей жизни переключает что-то, и твоя жизнь уносится куда-то совсем в другом направлении. В сторону света, радости, счастья. Туда, где есть все.

- Вик, ты мне поверил? - они целовались долго, очень долго. А теперь просто стоят, обнявшись, боясь сдвинуться с места, словно то, что произошло между ними, пока еще невозможно хрупко.

- Конечно, - в его голосе нет и тени сомнения. - Ты никогда не говоришь неправды, Надюш.

- Да? - она невесело усмехается. - Только не говори мне, что ты не понял, что я соврала про вирус.

- Я... я думаю, что у тебя была веская причина, - он странно уверен.

- Очень веская, - Надя смущенно утыкается ему носом в плечо. Но ей кажется ужасно важным рассказать ему об этом. - У меня тогда... менструация началась... и я не знала, как тебе сказать...

- О, Господи... - у него вырывается смех пополам со

стоном. - Знала бы ты, чего я напридумывал себе...

- Да я уже поняла, что ты просто мастер по части напридумывания. Расскажи.

- Лучше не буду. Вдруг этот идиотизм заразен.

- А ну говори!

- Ох... - он вздыхает. - Ну, если коротко - то я решил, что не нужен тебе. Что ты меня избегаешь.

- Дурак! Впрочем, - и она тоже вздыхает, - и я тоже... хороша. Оба мы с тобой дураки.

- Наверное, - соглашается. - А еще я боялся... что ты меня все-таки не простила за... - в глазах на мгновение мелькает отблеск того самого коктейля стыда, раскаяния и боли, - за... тот раз.

- Нет, - проводит рукой по его лицу - скула, лоб, непривычный жесткий ежик. - Ты же знаешь. Я простила сразу. Не думай об этом. Забудь.

- Я не могу.

- А ты попробуй. Меня гораздо больше другое беспокоило...

- Что? - она чувствует, как он напрягся.

- Вить, я все никак не могла понять... как ты мог так долго ждать? Терпеть? У меня это просто в голове не укладывалось...

- Знаешь уже, да? - он невесело усмехается. - Я выгляжу жалко? Кажусь странным?

- Ты ооочень странный. Но я тебя все равно люблю.

- Скажи еще раз, - у него такие глаза, что недоверчивое счастье в них просто слепит.

- Люблю.

Он зажмуривается и прижимает ее к себе крепко-крепко. Кто-нибудь, убедите его, что все происходит на самом деле!

- Витя, - Надин голос звучит слегка глухо, она говорит, уткнувшись в его грудь, - а вот ты сейчас о чем думаешь, а?

- Честно?

- Честно.

- Я пытаюсь вспомнить, где находится ближайшая аптека.

- Зачем это? Тебе что, плохо?

- Мне слишком хорошо.

- Вик?!

- Надь, у меня дома... - улыбнулся смущено, - презервативов нет.

- Ах, вот о чем речь идет... - Надя поднимает к нему лицо, усмехается лукаво - Знаешь, меня это скорее радует, чем нет. Значит, местных негритянок не обхаживал...

- Надя! - он теперь уже смеется, даже лицо ладонью прикрывает. - Ну, ты даешь! Да мне не до того было...

- Ладно, я более предусмотрительная. У меня есть с собой.

- Правда?

- Конечно. Я же приехала тебя соблазнять, - она улыбается, а он просто плавится от ее улыбки. Так, все, сейчас они снова будут целоваться!

И не только целоваться.

Любить. Заглубившими от струн кончиками пальцев по изгибу спины.

Любить. Жарким дыханием по шее, сходя с ума от его запаха.

Любить. Губами по разлету ключиц и потом дальше, ниже.

Любить. Ладонями по широкой спине, гладкой коже.

Любить. Просто - любить.

Глава 14. Ты не задумываешься о том, откуда ты отправляешься и где находится пункт назначения, ты не представляешь, сколько времени отпущено человеку.

(с) Еко Тавада "Подозрительные пассажиры твоих ночных поездов"

Он плохо спал в ту ночь. Ужасно спал, если уж называть вещи своими именами. Постоянно просыпался. То от ее нечаянного движения во сне. То, наоборот - когда не чувствовал ее рядом с собой, когда разрывался контакт тел: хотя бы кончиками пальцев касаться ее - руки, бедра, чего угодно.

Безумно хотелось обнять ее крепко-крепко, прижать к себе. Но Надька во сне сегодня почему-то постоянно отбивалась от него. А он не мог, ему надо было... Чтобы поверить.

В очередной раз подвинулся к ней, откатившейся почти на край кровати. Притянул к себе. Вот, так правильно, так хорошо.

- Вить, - Надя бормочет сонно, - перестань меня тискать. Давай спать.

- Извини, - вздыхает. - Спи, конечно, - поцелуй в плечо и он отодвигается.

- Эй, куда ты... - теперь уже вздыхает она, все так же сонно. - Иди сюда, - в одно мгновение оплетает его руками, ногами, утыкается губами под ключицу. - Все, лежи и не дрыгайся. Спим.

Лежи и не дрыгайся. Ну и как это объяснить одной особо непослушной части тела, которая совершенно предсказуемо реагирует на прижимающее к ней обнаженное девичье тело? Как?!

В общем, ужасно он спал в ту ночь. Не выспался. Едва не опоздал на работу. Нет, будь его воля - он бы опоздал. Потому что когда зазвонил будильник... И привычное явление "утренней феи"... И еще одна фея рядом с ним - голенькая и теплая...

Фея на поверку оказалась мегерой и выгнала его из кровати, не солоно хлебавши. Мотивируя как раз тем, что он на работу опаздывает. Ну, хоть поцеловала на прощанье. И как поцеловала... Он действительно едва не опоздал на работу.

В офисе над ним, непривычно рассеянным и неприлично много зевающим сначала смеялись. Потом Вику надоело, и он соизволил дать пояснения о приехавшей к нему из России герл-френд. Заодно и фотографию Нади показал. Смеяться перестали. Стали завидовать.

За этот день они с ней обменялись, наверное, сотней смс. Надя комментировала каждое свое действие.

"Из-за тебя я не выспалась, чудовище"

"Я тоже из-за тебя не выспался, красавица моя"

"Мурррр... Витька, а ты чем питаешься? В холодильнике как в музее. Тихо и гулко"

"Упс... Давай, закажу тебе пиццу?"

"Не хочу пиццу. Пойду, куплю себе шоколад"

"Куда ты собралась?! Город незнакомый. Надь, ну не хочешь пиццу - давай суши закажу?"

"Не хочу суши. Хочу шоколад"

"Давай, закажу тебе шоколад. С доставкой"

"Витя! Меня сейчас чуть кондрат не хватил! Что это за тетка пришла?!"

"Ой! Прости-прости. Забыл предупредить. Это уборщица"

"Все, я пошла за шоколадкой. И кофе где-нибудь выпью"

"Осторожнее, пожалуйста"

"Чего мне бояться? У вас тут рассадник маньяков? О, у тебя такой сосед симпатичный..."

"НАДЯ!!!!"

"Его зовут Тим... Он работает дизайнером одежды, представляешь? Как интересно. Я думала, тут одни сплошные программисты"

"Ты хочешь, чтобы его смерть была долгой и мучительной?"

"Успокойся, Отелло! Он гей"

"Он сам тебе это сказал?!"

"Видно же. Бедный Витенька, живешь с геем за

стенкой... Ммм, какой капуччино вкусный"

"Ты где?"

"Понятия не имею. Какая-то улица. Красивая"

"Осторожнее, прошу"

"А что со мной может случиться?"

"Не знаю. Просто будь осторожнее. Ради меня. Я тебя так люблю"

"И я тебя люблю, Вик. Приходи скорей"

"((((Я понял, что ненавижу свою работу"

"Это слишком категорично. Все, иди, работай. А я пошла искать себе приключения"

"НАДЯ!"

"Выдыхай, бобер. Я в музей схожу. Папа рассказывал"

"Вот! В музей можно"

"Спасибо, о, господин"

"Мне нравится, как это звучит"

":-Р"

Работник из него сегодня просто никудышный. Сосредоточиться не получается ни на чем. На счастье, коллеги сделали скидку на его состояние и ни с чем серьезным не пристают.

Все мысли о ней, на лице перманентно идиотская мечтательная улыбка.

Приехала. Его умница, его девочка, его солнышко. Приехала. Набралась смелости, решила и приехала. В отличие от него, труса. Когда он, с высоты своего сегодняшнего ослепительного, жаркого счастья представляет... Что этого могло бы и не быть... если бы не Надя. Неужели так могло бы быть - что двое любят друг друга и не вместе... просто из-за какой-то сущей ерунды?! Он любит ее безумно, всю, за все. Но за этот поступок, за то, что решила, перешагнула через свою гордость - за это он любит ее отдельно. И совершенно точно сделает выводы. И не будет больше молчать и выдумывать себе глупости. Только не с ней. Это может слишком дорого

стоять. Непомерно дорого.

Из офиса он слинял самый первый. Надя уже была дома, открыла ему дверь, одетая в его футболку. Он обнял ее и понял, что, кроме футболки, на ней нет ничего.

Запустив руки под мягкую ткань и целуя нежные податливые губы, он пятится спиной в сторону кровати. Никогда даже предположить не мог, что одному человеку может выпасть столько счастья.

День, второй, третий... Когда ты счастлив, время летит незаметно. И ты даже вспомнить потом не можешь - на что ушло это время. Ты просто счастлив. Это ВНЕ времени.

Он успел смириться с тем, что хочет ее постоянно. Что никак не может насытиться ею. Что ему ее всегда мало.

- Витя, постой...

- Зачем? - стонет он, не отрываясь от ее шеи.

- Затем!

- Что случилось, малыш?

Он так откровенно расстроен заминкой, что его хочется подразнить. Или удивить. Она достает из сумочки упаковку, качает перед его лицом.

- Пусто.

- Точно? - он практически нос внутрь засовывает. - Кончились? Уже? Как?

- Как-как... Кто-то слишком много... их использует!

Вик вздыхает разочарованно. Аккуратно поправляет сползшую с Надиного плеча маечку.

- Ладно, тогда я пошел в аптеку. Я быстро. Никуда не уходи.

Но Надя неожиданно снова прижимается к нему. И произносит негромко:

- Знаешь, Вить, я тебе давно хотела... признаться... кое в чем.

- Да? - сразу стал серьезен.

- Я... - вздохнула тяжело, - так получилось, что я... ни разу в жизни не делала минет...

Он не нашелся, что ответить. А Надя продолжила:

- Мне... не хотелось никогда даже и пробовать. Я отказывалась. Никогда желания не возникало... вот так. Мне казалось, что это должно быть... неприятно.

Он наконец-то собирается со словами.

- Эээээмн... Ну... Ничего страшного. Это не обязательно. Я понимаю...

- Нет, - она отрицательно качает головой, легонько толкает его к стене. - Не понимаешь. Я собираюсь восполнить этот пробел в знаниях. Ты же поможешь мне, Вик? - шепотом ему на ухо. - По старой... дружбе... поработаешь учебным пособием?

Он снова не находит, что сказать. Он попросту не знает, ЧТО на это можно ответить. И поэтому молча стоит и смотрит, как она медленно... опускается на колени перед ним. Его любимая. Его королева. На коленях. Перед ним. Будто не с ним это происходит, слышит, как звякает пряжка ремня, вжикает молния. Шорох ткани джинсов, потом, после небольшой паузы - трусы. Он закрывает глаза. У него капец какая эрекция.

Тишина, лишь ее теплое дыхание... там, так рядом, от которого почти неконтролируемое желание двинуть бедрам вперед. И ничего не происходит!

Ей неприятно. Ей не нравится. Зачем, не нужно себя ломать, девочка моя... Но, как только он находит в себе какие-то силы, чтобы отстраниться, что-то сказать ей...

Прикосновение губ. Робкое, неуверенное, почти невесомое. У него чудом не подгибаются колени. Словно это поможет ему устоять на ногах - пальцы в темный шелк ее волос. Еще прикосновение. Он забывает, как дышать.

Совершенно очевидно, что для нее это впервые. Не то, чтобы он ей не поверил. Поверил. Но ощутить это... вот так... Трепетные, несмелые касания. Медленные, как будто

нерешительные. Она пробует. И от этого, от осознания, что она никому раньше... Что он первый... Будто оголились все нервы. Каждое прикосновение - робкое, томительно нежное - бьет обжигающими разрядами, он начинает вздрагивать.

Первое неуверенное влажное прикосновение языка. Стон. Вжался сильнее в стену, чтобы не упасть. Он так долго не выдержит. Это просто пытка. Надо остановить. Он сейчас взорвется. Умудряется хрипло выдохнуть ее имя, то ли предупреждая, то ли прося...

Ее губы приоткрываются. Она берет его в теплый нежный плен. И он сдается, мгновенно сдается, капитулирует безоговорочно. Она может с ним делать все, что угодно. Он уже не владеет собой. Себе не принадлежит. Ей.

- Вик... Тебе понравилось?

Он позорно сполз по стене после оргазма, непослушной рукой умудрился немного привести одежду в порядок. Упал на пол рядом с ней, притянул Надю к себе, к плечу. Как ответить, если голос вообще не слушается и еще до сих пор звездочки перед глазами кружатся...

- Не понравилось... - тихо констатирует она. - Прости, у меня опыта ноль...

- Надя!.. - стонет он. Голос свой не узнает, получается и хрипло, и негромко. - Какое тут "не понравилось". Это ты меня прости...

- За что?

- Но ведь... тебе же... пришлось... черт!

- Знаешь... - ее голос звучит задумчиво. - Мне скорее... понравилось... чем нет. Да, точно, понравилось. Ты... вкусный.

- Надя!.. - он снова стонет. А потому что просто не знает, что сказать.

- Что не так? - заглядывает ему в лицо. - Ой, мамочки.

Витя!..

- Что?!

- Даже ушки порозовели. Прелесть какая. Смущаешься, что ли?

Хмыкает. Он действительно смущен, даже больше, чем на красные щеки и уши.

- Ну, надо же, - Надя улыбается. - Как от минета кайфовать - так это мы не стесняемся. А как говорить об этом - так мы такие чистые и невинные...

- Надяяя... - он прячет лицо в ее волосы. - Перестань... Пожалуйста...

- Ты так очаровательно смущаешься...

- Знаешь, - он вдруг решается посмотреть ей в глаза. - Я ведь тоже могу вспомнить. Какая ты на вкус...

- Эй!

- У тебя... - голос его звучит мечтательно и завораживающе, - такой... ягодный вкус... Наверное, это клубника... или...

- Витя, прекрати!

- Что такое? - невинно-недоуменно. - Как ножки раздвигать и стонать "Да, еще, пожалуйста" - это мы не стесняемся. А как...

- Бесстыжий!

- От бесстыжей слышу, - усмехается. - И вообще... я, кажется, уже забыл... какая ты на вкус. Хочу вспомнить точно. - Осторожно, держась за стену, поднимается. Протягивает ей руку. - Пойдем, Надюш. На руках не понесу, извини. Сам еле на ногах стою.

Она встает за его рукой.

- Тут недалеко, дойду и сама. Ты, главное, сам дойди. Я-то тебя точно на руках не понесу.

- Ну, вот и пошли вместе, - берет ее за руку. Вот так вот, взявшись за руки, они делают от силы шагов десять. До кровати.

Идеально круглая косточка. Узкая изящная щиколотка. Очаровательно округлая икра. Колено с внутренней стороны - тут кожа очень нежная и чувствительная. Как и там, дальше, выше по бедру. Целует каждый сантиметр кожи, не пропуская, не торопясь. Все выше, согревая дыханием кожу, рисуя на ней причудливые узоры губами и языком. И вот, когда уже совсем почти там...

- Знаешь, - он отстраняется под ее разочарованный выдох. Кладет идеальную ножку себе на плечо, пальцы скользят по гладкой коже. - У тебя такие красивые ноги. Просто не могу оторваться...

- Ты садист... - стонет она.

- Нет. Я просто хочу любить тебя всю.

И снова - теперь уже другая нога, правая. Идеально круглая косточка. Узкая изящная щиколотка...

- Витяя, - она стонет, - ты... забыл... как это делать?..

- Нет, не забыл, - он смотрит ей в глаза, там беспомощность и желание, убойный коктейль. Пальцы его гладят атласно нежную кожу бедра. Высоко, очень высоко. Но недостаточно высоко.

- Ну, Вииик, - она не выдерживает, подается бедрами вверх. Он едва не срывается навстречу этому ее яркому, жаркому жесту.

- Хочешь?..

- Дааа...

- Попроси...

- Пожалуйста, - абсолютно безропотно. Такая же безвольная, как и он сам недавно. - Пожалуйста, я прошу тебя, Вик, пожалуйста...

Его пальцы сдвигаются на пару сантиметров вверх. Она выгибается и стонет.

К тому моменту, когда он целует ее туда, куда ей хочется более всего, просто смертельно, ей оказывается достаточным совсем немного. Лишь пара прикосновений его губ и языка и она капитулирует с громким стоном.

- Торопыга, - шепчет он ей на ухо, она еще мелко вздрагивает.

- Сам виноват, - чуть слышно выдыхает Надя.

Лежат, обнявшись, волшебное тепло и уютно вдвоем. У нее наконец-то выравнивается дыхание.

- Ну и зачем нам аптека? Ты кончил, я кончила. Презервативы так и не понадобились.

- Еще понадобятся.

- Зачем это?

- Зачем, зачем... - берет ее руку, тянет вниз, прижимает. - Сама догадаешься?

- Маньяк... - вздыхает она довольно.

- Влюбленный в тебя маньяк. Это важное уточнение.

- Вить, ты куда смотришь?

- На твои губы.

- Зачем?

- Я... когда представляю... что эти губы... что ты ими... никого... кроме меня... - замолкает смущенно.

- Для тебя это так важно? Что ты первый?..

- Ну... считай меня придурком... но... да!

- Ты говоришь, как какой-то... собственник!

- Наверное... я такой и есть.

- Кошмар, - констатирует она. - А скажи-ка мне, товарищ собственник, раз уж у нас речь о цифрах зашла...

- Ммм?

- А сколько у тебя было?

- А... ну... да неважно это...

- Давай-давай! Я тебе все честно рассказала!

Вздыхает.

- Не помню.

- Как это - не помню?!

- Надь, ну правда... - собирается встать с кровати. - Это все неважно...

- Еще как важно! - она быстро пресекает его попытку

слинять, садится верхом. - Сколько их было, что ты даже не помнишь?!

- Надюша...

- А ну колись!

- Ну... пятнадцать, может быть. Нет, меньше. Десять... двенадцать.

- Ах, ты!.. - кулачком по груди. - Ну, ты вообще! Кобель! Вот что за логика - любить одну, а трахать других?!

Он даже не предпринимает попыток защититься от нее крайне не впечатляющих ударов. Он знает. Она знает. Что он даже в шутку больше не применит к ней силу.

- Наденька... Ну, это же все в прошлом... Какая разница?..

- Ты просто... просто... у меня слов нет! - она продолжает негодовать.

- Забудь, - притягивает ее, не очень-то сопротивляющуюся, к своей груди, вынуждая лечь на себя. - Только ты. У меня никого не было... после тебя.

- Я должна сказать тебе за это "спасибо"?!

- Нет. Просто... ты же знаешь... что мне теперь никто не нужен. Только ты. Ревнивая моя.

- Ничего подобного! Я не ревнивая. Но заруби себе на носу!

- Что именно?

- Ты мой!

Обнимая и прижимая ее к себе крепко.

- Ты моя.

- Вик, объясни мне, зачем ты подстригся?

- Нууу... - лениво перебирая ее локоны, - наверное, я хотел так... сбежать от самого себя.

- Получилось?

- Нет. А что? Тебе не нравится?

- Как ни странно, нравится. Только вот, - она задумчиво хмурится, - с этой прической ты совсем другой. Такой...

такой...

- Какой?

- Похож на какого-то красавчика-мачо!

Он громко смеется, даже гладить ее по волосам перестал.

- Это плохо? - отсмеявшись.

- Это ужасно. Верните мне моего милого кудрявого Вектора!

- Не могу, - он все еще улыбается.

- Почему?!

- Он умер.

- Это несправедливо, - вздыхает Надя. - Влюбилась в парня, у которого одно достоинство и было - кудри шикарные. И того теперь нет.

Вик снова смеется.

- Слегка непоследовательно, если вспомнить "пуделя" и "дверной половичок". И потом - у меня есть масса других достоинств!

- Каких это?

- Сейчас, - притягивая ее к себе, - продемонстрирую.

Когда ты счастлив, время летит незаметно. Но и оно имеет обыкновение заканчиваться.

- Вик... Ты помнишь... что у меня билет обратный... на послезавтра?

- Помню, - тихо. Он все никак не может ей сказать. Все никак не выходит, все время говорят о чем-то другом.

- И?..

Он собирается с мыслями. В принципе, все решил. Но отчего-то медлит с ответом. Надя вздыхает.

- Я понимаю, - она говорит негромко и серьезно, - что у тебя тут очень хорошая работа. И перспективы. И про Мекку я тоже помню, - усмехается невесело. - Но самое ужасное заключается в том...

- В чем?!

- Я не могу без тебя, - она вдруг шмыгает носом. - Я не могу без тебя, Баженов! Вот что ты со мной сделал?!

- Надюша... - растерянно.

- Что - Надюша?! Как ты себе это представляешь? Что я улечу, а потом приеду к тебе... только зимой, на каникулах?! У меня же институт, мать его! А ты работу не бросишь, я понимаю. Но я так не смогу! Я не выдержу. В общем... я решила... и попробуй только сказать, что ты против!

- Что ты решила?

- Любишь меня? - тон ее странно нерешителен.

- Люблю, - Вик серьезен. Что эта непредсказуемая красавица еще придумала?

- Тогда я переезжаю к тебе.

- КАК?!

- Вот так. Глупость, конечно, несусветная - бросать МГИМО после четырех курсов. Но... А! - машет рукой. - Я столько глупостей наделала - одной больше, одной меньше.

- Надя... - неверяще. - Ты, правда, собираешься это сделать?..

- А что еще остается?! Я не смогу Вик, - она вдруг прижимается к нему. И, пряча лицо и неуверенно: - Я не смогу быть от тебя далеко... так долго. Ты мне нужен... постоянно... рядом, - обхватывает руками неожиданно крепко. - Витенька... любимый... я же загнусь с тоски без тебя...

Какой-то горячий шар в области солнечного сплетения стремительно разрастается и не дает не то, что говорить - дышать. Если ему нужны были какие-то подтверждения... если у него были какие-то сомнения в том, что это для нее серьезно - они все сейчас просто сгорели.

- Девочка моя... - слова выходят с трудом, горячий шар переместился в горло и мешает говорить. Обнимает ее в ответ, так же крепко. Пытаясь этим ей сказать все, что

чувствует. - Не надо так...

- Не надо?! - она выдыхает потрясенно. - Не хочешь? Не хочешь, чтобы я переехала к тебе?!

- Хочу! - только бы не обидеть ее! - Очень хочу! Просто... послушай меня, ладно?

- Говори.

- Я... я через пару месяцев обратно в Москву собираюсь.

- Как?! Зачем?!

- Компания открывает представительство в России. Меня попросили помочь как аборигена... там, на месте. Ну и... потом... в принципе, можно вопрос решить. Чтобы я остался работать в Московском офисе. Вот.

Надя молчит, на него не смотрит.

- Ты давно это знаешь?

- Ну... разговор об этом был с руководством... пару недель назад.

- Почему молчал?!

- Да как-то речь не заходила...

- Неправда! - она наконец-то поднимает на него взгляд. - Ты специально молчал! Ждал, когда я начну сама... просить... умолять... признаваться!

- Нет! Что ты, нет! - а потом вздохнул, руки чуть крепче сжал. - Наверное, ты права. Да. Прости.

- Гад! - но получается совсем не зло.

- Прости, - губами ей в макушку. - Мне просто очень важно было это... услышать. Что я тебе настолько нужен.

- Ах, вот как?! Хотел услышать?! Ладно, слушай! Я переезжаю к тебе!

- Наденька, не нужно. Не бросай институт, это же очень важно. Потерпи. Я сам через два месяца...

- Я переезжаю в твою квартиру в Москве! И буду тебя там ждать! Чтобы ты не передумал.

Вик просто хлопает глазами от неожиданности.

- В мою квартиру?!

- Да. Или что - вы ее уже... куда-то пристроили?

- Да нет, вроде бы... стоит пока пустая.
- Вот и отлично.
- Надя... ты, правда, хочешь жить... со мной?
- А ты против? - она отстранилась, независимо сложила руки на груди.

- Эээмн... - он из всех сил старается не улыбаться. - Надо подумать...

- Ах, вот как?! - Надя подозрительно суживает глаза.

- Угу. Ты... хм... готовить умеешь?

- Нет!

- А... убираться будешь?

- Вот еще!

Он прикусывает нижнюю губу, но сдержать улыбку уже попросту невозможно. Его любимая королева. Последняя попытка.

- Ну... хотя бы на регулярный минет я могу рассчитывать?

Теперь не выдерживает и улыбается она.

- Да. Вполне можешь рассчитывать. Определенно.

- Хорошо. Я согласен.

Они смотрят друг на друга, улыбаясь. Потом на ее губах улыбка гаснет.

- Вик... я серьезно.

- Я тоже.

Смотрит на него изучающее - Вик больше не улыбается вслед за ней.

- Вить, я... у меня вагон тряпок. Я забью весь твой шкаф.

- Он и так наполовину пустой стоял, - Вик беспечно пожимает плечами.

- Я притащу всю свою косметику. У тебя дома будет пахнуть... духами! Женскими.

- Мне нравятся твои духи.

- И ванной будет все заставлено моими баночками.

- Думаю, я смогу это пережить.

- А еще... еще я привезу фен! И плойку! И...

- Я понял. Все равно я согласен.
 - Какое благородство! - Надя пытается язвить.
- Вик разводит руками.
- Чего не сделаешь ради минета каждый день.

Глава 15. *"Ой, мам, можно, я залезу в вагон и посмотрю на него? Мам, ну, пожалуйста..."*

(с) Джоанн Роулингс "Гарри Поттер и Философский камень" Первые слова, которые услышал Гарри Поттер от Джинни Уизли.

- Витенька... ты шутишь?
 - Абсолютно серьезно.
 - Но... как же... это же...
 - Мам, просто отдайте Наде ключи от квартиры. Дальше она сама... наверное... разберется.
 - Витечка... так это что же - правда?!
 - А я тебе о чем говорю уже минут пять? - Вик вздыхает. Надо было звонить отцу. С другой стороны - разговора с матерью все равно не избежать. - Или что - ты против? - голос его прозвучал холоднее, чем он хотел бы.
 - Нет, ну что ты... - мать все еще растеряна. - Конечно, я не... мы не... Просто это так неожиданно... - Потом мама, видимо, все-таки собирается с мыслями. - Конечно, Витя, я поняла. Мы с папой поможем Наденьке перебраться, обжиться. Там же пусто в квартире...
 - Хорошо. Спасибо, мам. Дай мне отца.
- Спустя несколько минут, как только супруг нажимает отбой.
- Олег, ты себе это представляешь?!
 - Что именно? - Баженов-старший невозмутим.
 - Наш Витя! И Надюша Соловьева!
 - Ну и что? Они все жизнь вместе где-то болтаются. Чем тебе Надежда не угодила?
 - Ничем! - Евгения вдруг порывисто бросается на шею мужу. - Я ужасно рада!

Олег сдержанно обнимает жену.

- Да по тебе никогда не угадаешь - рада ты или собираешься рыдать от горя.

- Ты не понимаешь! Надо позвонить Вере!

- Верочка!

- Евгения Андреевна, что ж ты так орешь? - морщится Вера, чуть сдвигая трубку от уха. - Что-то случилось?

- А ты не знаешь еще?! - со звенящим в голосе предвкушением.

- Что? - осторожно.

- Про вашу Надю! И нашего Витьку! И про...

- Знаю.

- Знаю - и все?!

- Жень, - Вера против воли усмехается, - судя по твоей реакции, как минимум, на Красной площади инопланетяне высадились.

- Что?! Какие инопланетяне?! Ну, знаешь, Вера Владимировна! Вот от тебя я такой... такой... такой черствости и равнодушия не ожидала!

- Черствости? Равнодушия? - Вера смеется. - Да еще ничего не произошло, а ты уже с ума сходишь, - на другом конце Евгения пытается что-то возражать, но Вера пресекает: - Дабы не быть обвиненной еще и в чрезмерной жестокости - приезжай к нам, отметим. Мартини в холодильнике, тоник и оливки там же.

- Ну вот, - вздыхает Женя довольно. - Другой разговор.

- Наденька, у тебя завтра занятия во сколько заканчиваются?

- В час пятнадцать, Евгения Андреевна.

- И давно ли я стала Евгенией Андреевной? Всю жизнь была тетей Женей, вроде бы?

- А... ну... я... - блистательная Надин Соловьева определенно смущена. Решение жить в Витькиной

квартире было, конечно же, импульсивным. Там, в Америке, оно казалось очень верным, единственно возможным. И Витьку хотелось по носу щелкнуть, и вообще - только так можно было, потому что жизнь без него не представлялась возможной никак.

Но теперь... тут-то... когда встала необходимость общаться с родителями Вика. Которых она знала всю жизнь, казалось бы... Но ведь теперь все по-другому. И ей действительно неловко.

- Надя, Надя... - смеется Евгения Андреевна, приобнимая ее за плечи, - ну что ты, как маленькая? Я не изменилась, я все та же тетя Женя. Ну?

- Да, конечно... - она вдруг ответно обнимает Витькину мать, - да, тетя Женя.

- Ну вот, другое дело! - Евгения довольно улыбается. - Так, у меня лекций тоже всего две пары завтра. Значит, я за тобой заеду на машине к часу пятнадцати в институт, поедem шторы покупать. А то это форменное безобразие, я Вите сто раз говорила.

Наде остается лишь согласно кивнуть.

- И постельного белья надо прикупить несколько комплектов. А то, что было, я на дачу увезла. Оно старенькое уже.

Надя снова кивает. А ведь Витька ее предупреждал. А она не верила.

Vector: Ну, как день прошел? Рассказывай.

BlueEyeQween: Ездила по магазинам с твоей мамой.

Vector: Бедняжка моя. Но! Я тебя предупреждал.

BlueEyeQween: Угу, точно. Тетя Женя очень... энергичная.

Vector: Что купили?

BlueEyeQween: На горе тебе, юный эксгибиционист, мы купили шторы.

Vector: Как жить, как жить... Вот я так и знал, что не

стоит тебя пускать в свою квартиру.

BlueEyeQween: Поздно, Джонсон. А еще мы купили постельного белья. В красные сердечки!

Vector:))))

BlueEyeQween: Не веришь?!

Vector: Зная свою маму... верю)

BlueEyeQween: На самом деле - нет. Я бы этого не пережила. Купили, но не в сердечки. Нормальной расцветки. Слушай, Вить, тут вроде уровень сигнала выправился. Давай хоть голосом попробуем, без видео?

Vector: Звони.

- Привет.

- Здравствуй, родная. Как ты?

- Да я тебе все рассказала. Ты как, солнце мое?

- Твое солнце пашет как вол, - не стал говорить ей, что, возможно, у него получится вырваться на неделю или полторы раньше планируемого срока. Мало ли - вдруг не получится, а Надя потом будет расстраиваться.

- Устаешь?

- Привык. Кстати... Тим передает тебе привет.

- Кто?! - она не верит своим ушам. - Тим?! Твой сосед-гей? Мне уже пора начинать беспокоиться?

- Не знаю, - он усмехается. - Он приглашал к себе в гости. На ужин по-соседски.

- А ты?!

- Пока не получается никак. Времени нет.

- Ты хочешь, чтобы его смерть была долгой и мучительной?!

Он смеется - громко, искренне. Как же ей нравится его смех, его голос. Единственное, что у нее есть от него в последнее время.

- Успокойся, Отелла. Он не в моем вкусе.

- Что-то это меня не успокаивает!

- Мавра моя, - усмехается. - Я люблю тебя. Только тебя.

- Уже лучше, - Надя вздыхает довольно. - Скажи еще раз.
- Я люблю тебя. Потрепи, немножко осталось.
- Я так устала ждать, Вить. Без тебя все ужасно.
- Не думай о плохом. Думай о том, как мы встретимся.
- Не могу дождаться.

- Надя, ты хочешь меня обидеть?!

- Лилечка, нет, что ты! Но...

- Никаких "но"! Ты - моя самая близкая подруга, и не хочешь поздравить меня с днем рождения?!

- Лиля, ну я же поздравила!

- Не передергивай! Надя, я серьезно! - подруга рассердилась не на шутку. - Я жду тебя сегодня в ресторане к семи! Если не придешь - я обижусь смертельно!

- Хорошо, - вздыхает Надя. Но как же не хочется...

- Умничка, - Лиля целует ее в щеку. - Жду! Наши все по тебе ужасно скучают. Ты в последнее время бирюк бирюком.

Будто нужен кто-то Наде в последнее время. Весь смысл ее жизни за тысячи километров от нее, и она сама себе не принадлежит. Вот вернется Витька - и она снова станет цельной. А сейчас совершенно нет никакого желания идти на бурную вечеринку. Но Лиля права - не пойти будет слишком некрасиво со стороны Нади по отношению к близкой подруге. Хотя, когда Надя вспоминает, что у Лильки было с ЕЕ Виком... Ладно, дело прошлое, и виновата все равно Надежда сама. Как-нибудь она выдержит этот чертов день рождения лучшей подруги. Но надо подстраховаться...

- Надя, доченька, вот сегодня никак не могу!

- Никак? - она переспрашивает расстроено.

- Никак, - кивает отец. - Кузьмин прилетел, я ему обещал. Даже не знаю, во сколько мы с мамой

освободимся, после двенадцати, наверное.

- Ясно, - вздыхает Надя расстроено.

- Ну, такси вызови - делов-то!

- Угу, - как объяснить отцу, что дело не в том, как добраться после вечеринки домой? А в том, что ей нужен был предлог, чтобы сбежать оттуда пораньше. А приехавший за ней на машине отец - это был бы отличный повод.

- Ну, или Олега попроси, - отец словно прочитал ее мысли.

- Дядю Олега?!

- Ну, - усмехается Соловьев-старший. - Он тебе теперь не совсем... чужой.

Надя смотрела в шкаф со смесью отвращения и отчаяния. Она действительно забила своим барахлом весь Витькин шкаф, а толку-то?! Одеть нечего. Ей нужно что-то скромное, но нарядное.

В конце концов, она нашла нечто более-менее удовлетворяющее ее требованиям. Платье, хоть и шифоновое, но двухслойное. Рукав длинный, вырез более чем скромный. Если бы не ассиметричный низ, обнажающий одно колено, было бы совсем идеально. Волосы стянуть в нарочито небрежный пучок, косметики по минимуму. Теперь остается надеяться, чтобы ее никто сильно не доставал.

Выручил ее Жорка. Их одноклассник, как и многие, безнадежно влюбленный в "Великолепную Надин", но совершенно не питавший никаких иллюзий на взаимность своих чувств. Жора обладал кличкой "Пингвин" и соответствующей комплекцией. А еще он был близорук, и, как следствие, очкаст. Приглашения на день рождения удостоился из-за того, что был самым умным в группе и

часто именно у него все списывали и консультировались. А еще у него папа был кем-то там в МИДе.

Под безопасным Жоркиным боком она и отсиживалась весь вечер, старательно отделяясь от всех приглашений выпить, потанцевать, пойти покурить. Зато Жора оказался интереснейшим собеседником, много чего и сам знал, и то, что от отца слышал, увлекательно пересказывал. И он, что особенно радовало, совершенно правильно воспринял ее к нему повышенное внимание. Умница. Золото, а не парень.

- Надюша!

У нее стойкое ощущение "дежа вю". Поднимает голову. Она трезва, и настроение у нее совсем не то, что тогда. Но Рома улыбается все так же самодовольно. А она надеялась, что у Лильки хватит ума его не приглашать!

- Прости, сладкая, что опоздал, - притянул руку к губам. Надя так ошарашена, что безропотно позволяет ему это сделать. Рома... нахлынули воспоминания. О собственном позоре. Об отчаянии. О страхе. О боли. Своей. И Вика.

А улыбающейся ей Роман ничего об этом не знает. Не знает, что у них мог бы быть ребенок. Надя вздрогнула от такой перспективы. Нет, не знает - и к лучшему. Она была в шаге от катастрофы. А теперь - теперь забыть.

- Можешь не извиняться - я тебя и не ждала, Роман, - довольно резко отнимает руку, голос сух.

- Правда? Жаль, - он по-прежнему улыбается, на ее холодность не реагирует. - Наденька, а с каких это пор ты занимаешься благотворительностью? - кивок в сторону Жоры. - Или - "Киндер-Пингви" я люблю? - нарочито пискляво копирует песенку из рекламы, хохочет, довольный собой.

Жора краснеет, собирается встать, что-то сказать. Надя предупреждающе сжимает его ладонь.

- Понимаешь, Ромочка... - старательно тягуче, растягивая слова, - я просто... повзрослела. И стала ценить несколько

иные качества в мужчинах.

- Это какие же? - не чувствующий подвоха Роман весел.

- Ум, Рома. Ум и порядочность.

Теперь уже краснеет Рома. Собирается что-то ответить, но не решается. Кроме сногшибательной внешности Надичка Соловьева на весь курс славилась еще и острым, как бритва, языком. И вступать с ней в спор рисковал далеко не всякий.

В общем, Рома дернулся, промолчал и ушел от них прочь. Жорка довольно фыркает, оттопыривает большой палец. Подмигивает Наде.

- Королева злюка.

- Королева не выносит дураков, - парирует Надя. - Ну, давай, рассказывай дальше. Чем там дело в Финляндии кончилось?

- Надя, я подъехал.

- Бегу-бегу.

Торопливо прощается с Лилей и Жоркой. Больше ей никто тут не интересен. Но вот она оказывается до фига кому нужна.

- Надюша, ты куда?

- Надя, ты что? Сейчас фейерверк будет!

- Надя, Надя, не уезжай. Нет, не отпустим, правда же, ребята?

Надя улыбается, отнекивается, но из ресторана с ней вываливается целая толпа - ее проводить и на обещанный фейерверк смотреть.

Машина стоит у самого входа. Темно-серый нескромный "Лексус", Олег Викторович выходит из машины. Как же они похожи с Витькой! Фигура просто один в один, разве что отец чуть-чуть, самую малость ниже сына и немного шире в плечах. И те же голубые глаза, вот только очки в тонкой серебристой оправе слегка мешают сходству. А одежда в одном стиле - джинсы, футболка, ветровка.

Просто, скромно. И, тем не менее - уверенность и порода чувствует во всем.

- Так вот кто у нас наше сокровище крадет! Оставьте нам нашу королеву. Нам без Нади плохо!

Пьяные идиоты! Ей хочется стонать. И как можно быстрее оказаться отсюда подальше.

Олег Викторович лишь вопросительно и недоуменно выгибает бровь. И тут...

- А не староваты ли вы для нашего сокровища?

Ромка! Скотина! Все сразу затихают, Надя обмирает, от того, что может сейчас произойти. Что и кто из этой подвыпившей компании может сказать вслед за дураком Ромкой. Что на это может ответить Олег Викторович. Или - что сделать. И что он вообще подумает о Наде!

- Мой *сын*, - Витин отец как-то неувовимо выделяет это слово, - попросил меня приглядывать за *своим*, - снова это неувовимое, но отчетливое выделение интонацией, - сокровищем. Так что, прошу извинить, молодые люди, ничего личного... Надо было раньше думать. А теперь это сокровище не ваше, - он обходит машину, открывает переднюю пассажирскую дверь. - Садись, Надюша, - и, обращаясь к замершей в молчании толпе молодежи: - Всем доброго вечера.

Никто ему не отвечает.

В машине играет какая-то негромкая музыка, но Надину неловкость это не скрадывает. И молчать ей совсем невмоготу.

- Олег Викторович... вы извините... Все не так, как...

- Надя, - перебивает он ее, - я понимаю, что мы с Витькой похожи. Но уверяю тебя, что у меня мозги нормально работают, в отличие от моего сына. И я умею видеть, слышать и делать правильные выводы.

- А... - Надя не знает, как трактовать его слова. - Просто... так некрасиво вышло.

- Ты не можешь отвечать за то, как ведут себя те, кто

вокруг тебя. Достаточно того, что ты умеешь отвечать за себя.

Кажется, теперь она поняла, что он хотел ей сказать.

- Спасибо, что поняли.

- Пожалуйста, - невозмутимо отвечает Олег Викторович, не отрывая взгляд от дороги.

В машине тепло, комфортно. Мягко урчит мотор, за окном мелькает вечерняя Москва. Но Наде парадоксально становится вдруг грустно, вздох срывается с губ совершенно произвольно.

- Скучаешь по нему?

Вздрагивает от неожиданного вопроса. А потом, со смущенной улыбкой:

- Очень, - вздыхает и добавляет с тоской: - Скорее бы уж.

- Через неделю.

- Как?! Через две же?

- Получается раньше. Виктор мне так сказал.

- А я не знала... - голос ее звучит так разочарованно, что Олег против воли усмехается. Сыну можно позавидовать - такая девушка по нему страдает, тоскует, с ума сходит, никто ей не нужен. Зацепил чем-то красавицу Витька.

- Да мы час назад с ним говорили, - успокаивает он Надю. - Вот он и сообщил. Ты же знаешь, я им помогаю с открытием офиса.

- Спасибо, что сказали, Олег Викторович. Отличная новость.

Олег снова усмехается. Испортил сюрприз нечаянно. Ну, что уж теперь...

- Да не нужно меня до квартиры провожать, правда...

- Хорошо, - соглашается Олег Викторович. - Надя, я тогда подожду тут, в машине, пока ты не поднимешься. В окошко мне махни, что ты дома.

Надя прячет улыбку. Еще хлеще ее собственного отца в

плане параноидального беспокойства.

- Обязательно.

BlueEyeQween: Ты еще на работе?

Vector: Угу. А как же поздороваться, сказать, что любишь?

BlueEyeQween: Я просто хотела голосом с тобой поговорить. Привет, мой любимый красавчик.

Vector: Что-то случилось? Просто в офисе неудобно, ты же знаешь...

BlueEyeQween: Ничего особенного. Твой отец сказал, ты через неделю приезжаешь?

Vector: Да. Вот буквально несколько часов назад решил вопрос. Но я билет уже заказал.

BlueEyeQween: УРА!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Vector: Я тоже ужасно рад, что получается пораньше. Как вечеринка?

BlueEyeQween: Как обычно - море алкоголя, секса и наркотиков.

Vector:))))

BlueEyeQween: Не веришь?

Vector: Хорошая попытка) Но я только что говорил с отцом. Он отчитался, что доставил тебя домой. Трезвую и грустную.

BlueEyeQween: Кошмар. Никакой личной жизни.

Vector: Конечно, никакой. Какая у тебя может быть личная жизнь без меня?!

BlueEyeQween: Никакой. Приезжай уже скорее, моя личная жизнь. Я тоскую смертельно.

Vector: Неделя, любимая, неделя.

Она проявила чудеса выдержки, когда они втроем встречали Вика в аэропорту. Наверное, та неловкость, которую она испытывала в первое время, общаясь с родителями Витьки, не позволила ей наделать глупостей,

которые делать очень хотелось. Но Надя взяла себя в руки. И хотя хотелось многого, позволила себе лишь обнять его крепко-крепко, шепнуть на ухо "Люблю" и поцеловать - быстро и в щеку. И тут же отстранилась, давая возможность Вику поздороваться с родителями.

Всю дорогу они держались за руки, не отпуская друга ни на секунду. А когда сели вдвоем на заднее сиденье машины отца Вика, Надя не выдержала - прижалась и голову ему на плечо положила. Пусть думают про нее, что хотят - сил больше нету! Вик обнял ее за плечи, так они и ехали. Витя что-то отвечал родителям, она просто молчала. Прижималась щекой к его плечу, вдыхала запах - родной такой запах, по которому она безумно скучала, водила пальцами по его ладони. Иногда он ответно сжимал ее пальчики.

- Ну, мы поехали!

- Как - поехали?! Олег, давай поднимемся. Четыре месяца сына не видели!

- Евгения Андреевна, у нас дела еще.

- Какие дела?

- Срочные, - Олег подталкивает жену к открытой дверце машины. - По дороге расскажу. А вас, - это уже сыну: - ждем завтра в гости к обеду.

- Олег, что за дела у нас срочные?!

Баженов-старший усмехается.

- Мать, ты что, не понимаешь? Что мы там сейчас совсем не нужны?

- Почему это?

- А ты вспомни... как меня тогда из Лондона встречала... еще когда мы не женаты были...

Евгения ответно улыбается.

- Ты прав. Не до нас им сейчас.

- Точно, - кивает Олег. - Хорошо, если они в лифте не

начнут, и терпения хватит до квартиры добраться...

- Ну, прямо уж! Наш сын не такой!

- Еще какой такой.

Они действительно начали целоваться еще в лифте. Как он втащил вещи в квартиру, Вик помнит смутно. Кажется, не видел ничего, кроме Нади.

Все словно в тумане, обрывками, фрагментами. Ее распластавшаяся по стене рядом с входной дверью ладонь. Легчайшая ткань платья пышными волнами на талии. Она прогибается в спине и стонет, задыхаясь:

- Быстрее, пожалуйста, быстрее... Я не могу больше...

Влажные пальцы скользят по фольге, он едва не теряет пакетик, который, падла, никак не хочет разрываться!

- Пожалуйста...

У него темнеет в глазах - от ее стонов, от того, как она пытается прижаться к нему, от того, что перед его глазами: идеально-округлая попка, широко расставленные ноги. В чулках. В чулках!

- Сейчас... - в конце концов, чертова фольга рвется, пальцы дрожат, но он справляется и, наконец-то...

И феноменально близок к фиаско, как никогда...

- Пожалуйста, - пытаюсь уровнять дыхание, сжимая ладони на ее талии, - умоляю, не двигайся. Подожди...

Надя замирает, прогнувшись, прижавшись к его груди спиной.

- Что такое, любимый?.. - хриплым шепотом.

- Надюша, солнышко... - он выдыхает со стоном ей в ароматный затылок. - Дай мне немного времени... иначе все сейчас же и закончится.

- Ну и что... Потом же снова начнется... А я хочу сейчас... - выгибается сильнее, вжимаясь ему в пах. - Сейчас...

Вот и что тут сделаешь? А ничего. Без шансов. Он со стоном начинает двигаться в ней. Все заканчивается в

каких-то полминуты.

- Прости... - с трудом отдышавшись. - Думаю, нам надо раздеться и повторить. В постели.

- Для начала нам надо в душ, - усмехается она.

Именно там они и повторили - в ванной. И он ее чуть не убил. Раз за разом, за секунду до, казалось бы, неизбежного оргазма, убирал пальцы. Скользил по влажному бедру, оставляя чувство колоссальной пустоты, заставляя ее выгибаться все телом вслед за его рукой. Затылок ее вжимается ему в плечо, спина прижимается к его груди. Она почти лежит на нем, вся во власти его пальцев. И он, сжавшись над ней, снова начинает гладить там. И снова, за мгновение до вспышки сверхновой - руки прочь. Она может уже только стонать. Лишь после третьей или четвертой попытки он отпускает, позволяет ей... Она плачет, кончая.

- Прости, прости, - покаянно сцеловывая слезы с виска, когда она лежит, свернувшись на его груди. - Я заигрался, да? Ну, прости, малыш...

Она лишь удобнее устраивает голову у него под подбородком. Шумит вода, пахнет ванильным гелем для душа.

- Прости, - повторяет Вик. - Просто ты такая...

- Какая? - финально шмыгает носом Надя.

- Такая... не знаю... горячая... сладкая. Мне кажется, я сам с тобой чувствую то же, что и ты... Будто через кожу... И так хотелось продлить...

- До инфаркта меня доведешь...

Он крепче обнимает ее.

- Даже не верится, что ты не позволяла никому раньше... Ты такая... темпераментная.

- Не веришь?

- Верю. Я хочу думать, что ты такая... только для меня.

- Так и есть. Ты что-то такое знаешь обо мне... как-то так умеешь... будто знаешь меня всю жизнь...

Он молчит какое-то время. А потом:

- Ну... ведь так оно и есть... Мы же знаем друг друга всю жизнь.

Они смеются вместе.

С третьей попытки у них получилось как у нормальных людей - раздевшись и в постели. А потом они лежат, повернувшись лицом друг к другу, едва не касаясь носами, глядя в глаза.

- Добро пожаловать домой, любимый.

- Спасибо. Очень теплый прием, мне понравилось.

Надя мягко смеется.

- Я старалась. Как тебя шторы?

Он поворачивает голову.

- Симпатичные.

- А постельное белье?

- Тоже.

- Ты немногословен. Симпатично - и все?

- Надя... - Вик усмехается и снова притягивает ее к себе.

- К черту шторы! Я вижу только тебя.

- Я лучше штор?

- Ты, - целуя в губы, - лучше всего.

- Надя, Надя! Подожди!

- Завтра! - отмахивается она от одноклассников, сбегая по лестнице. - Завтра поговорим! Я спешу.

- И к кому она так торопится? - смотрят ей вслед. Мелькают обтянутые узкими черными брючками стройные ноги, стучат каблуки, серая короткая шубка распахнута.

- К кому, к кому... К жениху своему! К Виктору этому.

- А я думал, что это прикол...

- Я тоже. Похоже, что нет.

- Витя, что за вид?!

- Что опять не так?

Он стоит, небрежно привалившись к капоту черной "Samgy". В руках - смарт, в котором он с увлечением ковырялся только что. Синий костюм, рубашка, галстук, короткая брутальная стрижка. Типичный яппи.

- Ты похож на пижона!

- Руководство попросило поприсутствовать на одной встрече, - пожимает плечами. Обнимает, легко целует в щеку. - Потерпи, домой приедем, переоденусь.

- Почему без куртки?!

- Не холодно, - усмехается. - Не пили меня, женщина.

Она опускает взгляд вниз.

- Кеды?! Витька, ты совсем с ума сошел?!

Парадоксально, но только Баженов может выглядеть стильно в этом своем итальянском костюме и кедах.

- Я не чувствую педалей нормально в этих туфлях идиотских, - отмахивается он. - Не волнуйся, на встрече я был в приличной обуви, это сейчас переобулся. Ну что, поехали домой?

- Поехали, - соглашается Надя. - А машина откуда?

- Служебная. Водитель у нас заболел, вот меня и припахали. Ты же знаешь, у нас штат пока маленький, так что я и швец, и жнец.

- Ой, как хочется сказать в рифму... - начинает Надя, но закончить ей не дает голос сзади.

- Витя?!

Оборачивается. Лилька!

А этот мерзавец радостно улыбается, позволяет себя обнять, поцеловать в щеку. У Нади начинает дергаться жилка на виске.

- Витя... Сто лет тебя не видела, - поет Богданова. - Отпадно выглядишь. Эта стрижка тебе очень идет! Хотя кудри жалко. Как ты так решился?

- Надюша заставила, - он провокационно стреляет в Надину сторону глазами.

- Надя, как так? Такая красота была...

- Шампуня много уходит, - отрезает. - Вик, поехали. Я голодная и хочу домой.

- Поехали, - соглашается легко Вик. - Лиля, пока.

И они снова целуются на прощание!

Дверью машины она хлопает со всего размаху. Вик морщится, но молчит, сосредоточенно выруливая с парковки.

Надя тоже молчит, демонстративно отвернувшись к окну.

И первым не выдерживает Вик.

- Надь, может, хватит уже? Это смешно...

- Не смешно! - она тут же поворачивается к нему лицом, злая и очень красивая. - Я вот посмотрю, как ты будешь реагировать, когда я буду у тебя на глазах целоваться и обниматься с каким-нибудь парнем!

- Насмотрелся за три года. Спасибо. Достаточно, - он говорит это ровно, но у Нади сразу пропадает запал спорить. Но и ревность просто душит. Чувство совершенно незнакомое, но такое острое, что она просто не знает, что с ним делать. Лезет в сумочку, где-то там валялись сигареты. Даже пачку открыть не успевает - в одно движение, не отрывая взгляда от дороги, Витька выхватывает у нее из рук сигареты и зажигалку.

- Кажется, я запретил тебе курить! - прячет добычу в карман пиджака.

- Да кто ты такой, чтобы запрещать мне?!

Он отвечает вдернутым углом рта и изогнутой бровью, все так же не отрывая взгляд от дороги. Надя со вздохом снова отворачивается к окну.

Она молчала всю дорогу, и дома тоже молча прошла в комнату переодеваться. Разумеется, этот подлый тип дождался, когда она разделется до белья...

- Наденька... - крепкие руки обхватывают ее поперек живота, Вик прижимается к ней сзади. - Ну, перестань,

родная...

- Отпусти, - совершенно неубедительно.

Его руки двигаются вверх. А потом - резко вниз, стягивая чашечки бюстгальтера, задевая пальцами соски. А потом снова вверх. И расчетливо вниз, все так же задевая упругие горошины.

- Малыш... - тихо на ухо. - Ну, ты же королева... Разве королевы ревнуют своих пажей...

- Королеву... как и полагается... гильотинировали... - она откидывает голову ему на плечо, прогибаясь под его руки.

- Когда это? - его пальцы замерли на нежных розовых. Легонько сжали.

- Не помню... Но королева потеряла голову.

- Я вижу...

- Витя... - стонет она. - Вот что ты со мной делаешь?

- То же самое, что и ты со мной... - плотно прижимаясь к ней бедрами.

- Вииик... не можешь потерпеть до ночи?..

- А зачем терпеть до ночи, если мы хотим сейчас?

Дни, недели, месяцы...

- Баженов, у меня к тебе серьезный разговор!

- Вот как? Слушаю тебя внимательно, Станислав Александрович.

- Я серьезно!

- Так и я серьезно. Я весь внимание, Соловьев.

- Хорошо. Ответь мне, когда твой сын женится на моей дочери?!

Хорошо, что они говорят по телефону. И можно безнаказанно улыбнуться.

- Стас, а почему ты спрашиваешь об этом меня?

- А кого?!

- Ну, очевидно, что об этом надо спрашивать Витьку.

- Это твой сын! Вот и объясни мне! Как ты его воспитывал?!

- Да нормально воспитывал, вроде бы... Что тебя не

устраивает?

- Не включай дурака, Олег! Они живут вместе почти год!

- Ну и прекрасно. Я этому только рад. Нам с Женей Надя очень нравится.

- Еще бы! - фыркает Соловьев. - Это же моя дочь! Но это ненормально.

- Почему?

- Баженов! Не нервируй меня! Ты понимаешь, о чем я!

- Видимо, не совсем.

- Хорошо, - Стас выдыхает. - Раз ты так хочешь - изволь. Прямым текстом. Я понимаю - они решили пожить вместе. Попробовать. Проверить, так сказать, чувства бытом. Но без малого год уже прошел. Чего они ждут? Окончания Надиной учебы? Так все уже, диплом получила, даже на работу ее вон Тихомиров пристроил. Пора уже и узаконивать отношения. Сколько можно жить в грехе?!

У Олега уже не получается сдержать смех.

- Чего ты ржешь? - тон у Соловьева недовольный.

- От тебя слышать про "жить в грехе" особенно забавно, Стас.

- Не передергивай! Я, между прочим, такого себе не позволял. И женился сразу же!

- Успокойся, грозный отец. Пусть дети сами решают, а?

- Ни черта они не хотят решать! У тебя сын порядочный мужик или кто? Хорош девке голову морочить! Пусть женится!

- Ох, Стас...

- Олег, я настаиваю! Поговори с сыном! Так нельзя! Это неприлично.

- Хорошо, хорошо, - Олег губы кусает, чтобы не расхохотаться. Грозный папаша Соловьев - совершенно уморительное явление. - Я поговорю.

- Обещаешь?

- Обещаю.

Нажимает отбой. Супруга не сводит с него вопрошающего любопытного взгляда.

- Стас?

- Ну, разумеется.

- Будешь говорить с Витей?

- И не подумаю, - Олег откладывает в сторону телефон. - Пусть сами решают, как им лучше. Я лезть не буду.

- Но ты же пообещал Стасу...

- Да хоть отстанет на какое-то время.

- Олег, ну он же прав. Не дело это...

- Хочешь - поговори с сыном сама.

- Да пошлет он меня, - вздыхает Евгения. - И не постесняется.

- Вот и я о чем. Пусть сами решают.

- Но вот мы же так не делали... Чего ждут - непонятно. Любят же друг друга, видно...

- Сейчас иное поколение, - пожимает плечами Баженов-старший. - У них как-то все по-другому.

Любой мужчина подтвердит - мало что может сравниться по приятности с тем, чтобы проснуться от... минета. Особенно, если ты точно знаешь, где находишься, и кто именно рядом с тобой.

К тому моменту, когда Вик проснулся окончательно, некоторые части его тела уже жили совершенно самостоятельной жизнью и получали удовольствие. И... до чего же это приятно!

Ее прикосновения теперь совсем не робкие. Уверенная, жаркая ласка влюбленной женщины. И все это стремится к совершенно закономерному результату.

- Надя... Надя... пожалуйста...

Ему до сих пор бывает неловко, когда не получается сдержаться. И в этот раз Вику все же удастся убедить Надю оторваться от своего увлекательного занятия.

Она скользит вверх по нему, глаза в глаза. Выражение в

них одинаковое - одни голубые, другие синие, но одинаково затуманенные, полные желания и томления. Она медленно опускается на него. И синхронный вздох удовольствия вырывается у обоих.

- Дааа...

Ее движения постепенно убыстряются, становятся резче. Его руки скользят беспорядочно по ее бедрам, животу, груди. Глаза прикрыты, губ, наоборот, приоткрыты. Каким чудом он умудряется вспомнить - непонятно.

- Надя, Надюша, подожди...

Она продолжает двигаться. Его пальцы сжимаются на ее бедрах.

- Постой, пожалуйста... Мы же... Надя! - пытается на ощупать найти на тумбочке упаковку с презервативами, вместо этого с грохотом роняет мобильник, еще что-то.

Она наклоняется к нему. И, сводящим его с ума шепотом на ухо:

- Сегодня можно... День безопасный. Вить, я хочу тебя так... без всего... Так же приятнее...

-О, дааа... - его пальцы сильнее сжимаются на ее упругой коже. - А точно, можно?

- Точно...

- Ну, держись!

В одно мгновение диспозиция меняется, она под ним, но такое положение дел ни у кого возражения не вызывает. Они прижимаются друг к другу, близко, плотно, только они двое, и ничего нет между ними.

Он всегда просыпался раньше ее. И поэтому, обнаружив себя воскресным утром в постели в одиночестве, Вик удивился. Где Надя? Он потягивается. На кухне что-то звякает. А вот это неожиданно...

Надя действительно на кухне. У плиты. На его появление она резко поворачивается, яйцо падает из ее рук.

- Ой!

- Что так, страшно? - он улыбается.

Она смотрит на него растерянно и молчит. На ее босых ногах желтеет пятно разбившегося яйца.

- Не двигайся. Сейчас уберу.

Вик отрывает бумажное полотенце, промокает, аккуратно вытирает пальчики с темно-розовым лаком. Встает, заглядывает в кастрюлю, стоящую у плиты.

- Что это?

Надя по-прежнему молчит.

Половником зачерпнул тесто.

- Что собираешь делать, Надюш? Для блинов вроде густовато. Для оладий, наоборот - муки надо добавить.

Она вдруг всхлипывает.

- Ты знаешь... да... и как оладьи печь, и как блины...

- Тебе прекрасно известно, что я это умею... - он так привык к сладости и безмятежности их почти годичной совместной жизни, что сейчас не сразу понимает: с Надей не все в порядке. Встревожено: - Надь, в чем дело?

- Ты умеешь. А я - нет... - она смотрит куда-то мимо его плеча, какая-то странно беззащитная в домашних шортиках и футболке. - Я и готовить не умею... И убираться терпеть не могу... Ничего не умею толком, - судорожный вздох. - Даже предохраняться...

Ему требуется довольно много времени, чтобы сложить эти ее слова между собой. И прийти к совершенно ошеломительному выводу.

- Так... - в голову звонкая пустота. - Так... иди-ка сюда...

На ощупь находит за спиной стул, садится, притягивает Надю к себе на колени. Она сидит очень ровно, и вся такая... как натянутая струна. И упорно не смотрит на него.

- Давно... знаешь?

- Две недели.

- А... - в голове по-прежнему мыслей ноль, - а... срок...

какой?

- Восемь недель, - тон ее ровный, вот только взгляд по-прежнему прячет. - Это чуть меньше, чем два месяца.

- Я умею считать!

Она вздрогнула. Но вдруг посмотрела ему в глаза. Давно он в них не видел такого выражения. Гордость и раскаяние. Только у нее может быть так.

- Прости меня, Вик. Это я виновата, я одна.

- Ты так говоришь, будто я при этом не присутствовал. Насколько я понимаю, мы к этому одинаково... причастны.

- Да, но... Я, правда, думала, что день тогда был... безопасный. Не должно было быть... Но, почему-то...

- Бывает...

- Я аборт делать не буду! - в голосе ее вдруг прорываются эмоции. - Мне нельзя! Мне тетя Даша говорила, что мне следующую беременность обязательно надо вынашивать. Что после выкидыша может сформироваться привычная невынашиваемость! Что... - она вдруг прячет лицо в ладони, и оттуда, глухо: - Я понимаю, что это мои проблемы со здоровьем... и что мы не планировали пока... и что именно я виновата в том, что это случилось... но... но...

- Что ж ты так плохо обо мне думаешь, а? - Вик со вздохом притягивает ее, такую напряженную, словно чужую, к себе. - Чем заслужил? - шепчет на ухо. - Не планировали, да. Но в жизни не всегда случается так, как планируешь. А про аборт даже думать забудь. Не позволю.

- Правда?! - в ее голосе, в том, как мгновенно расслабилось ее тело в его руках, как тепло прошелся ее вдох по шее было столько... Что ответить Вик смог не сразу.

- Конечно. Это же наш... ребенок, - на эти собственные слова внутри что-то болезненно сжимается. Не от страха, но что-то схожее. И, вместе с тем, ощущение, что все делает правильно.

Она доверчиво прижимается к нему.

- Что будем делать, Вить?

- Что-что... - вздыхает Вик. - Как будто есть варианты. Идем в ЗАГС, подаем заявление. Ну, что там еще положено...

Надя вдруг замирает в его руках. А потом выпрямляется, обретая все ту же натянутую струнность.

- Вот не надо мне делать одолжений! Я не хочу, чтобы ты на мне женился только потому, что я имела глупость забеременеть! Уволь меня от своей благотворительности!

На этот раз он реагирует быстро, снова прижимает к себе, не дает встать с его колен.

- Надя... что ж ты такая...

- Какая?!

- Глупенькая, - снова ей на ухо. Она дергается, но он не выпускает ее. - Я люблю тебя, вредина. Ты же знаешь. Люблю безумно, давно и навсегда. Надюша, ну, правда же, ну что ты...

- Не нукай!

Вик смеется. А потом вдруг, серьезно:

- Надя, выходи за меня. Пожалуйста. Выходи за меня замуж, потому что я люблю тебя. А ты любишь меня. По-моему, это само по себе достаточно веская причина.

- Замуж? За тебя? - она смотрит на него искоса, все такая же напряженная.

- Угу.

- Надо подумать...

- В самом деле? - отточенным жестом выгибая бровь

- Да... - она смотрит на него из-под полуопущенных ресниц, постукивая по губам пальцем. - Ты готовить умеешь?

- Ты же знаешь, что умею.

- А убираться любишь?

- Не то, чтобы люблю... Но приходится.

- Ну а... на регулярный "куни" я могу рассчитывать?

- О, да! Определенно - да! - Вик не выдерживает и смеется. Притягивает ее к себе снова и шепчет в одуряюще пахнущие волосы. - С удовольствием.

- Ну... - Надя наклоняет голову с истинно королевским величием. - Тогда я согласна.

Они сидят так какое-то время - она на его коленях, прижавшись к нему, он крепко обнимает ее, касается губами темноволосой макушки. А потом Вик вдруг вздрагивает от пришедшей к нему неожиданной мысли.

- Надь, послушай!

- Да?

- А вот вас же с сестрами... трое? Это что, и у нас тоже, значит...

Надя смеется.

- Испугался, Баженов?

- Ну... Не то, чтобы испугался... Но к этому надо как-то... подготовиться.

- Папа говорит, что это через поколение передается. Вот его отец, наш дедушка Саша - он из двойни, их двое с братом было. А папа один. А потом нас вот у папы - трое. Так что... Скорее всего, двойня или тройня будет не у нас. А у нашего... ребенка.

- Ну вот! - с плохо скрываемым облегчением выдыхает Вик. - Пусть у него и болит потом об этом голова!

Надя снова смеется. А потом вдруг затихает.

- Вик, послушай... - ей почему-то ужасно хочется задать этот вопрос. Может, он неправильный и рано, но хочется - ужасно. Она так устала носить это все в себе одна, все эти две недели. - А ты кого больше хочешь - мальчика или девочку?

- Честно?

- Конечно.

- Не знаю. Не думал. В данный момент, - он целует ее за ушком, - больше всего я хочу... тебя. - Начинает целовать дальше, по нежной шее, а потом вдруг резко

спохватывается. - Ой, прости меня! Я даже не спросил... - Виновато заглядывает в глаза. - Как ты вообще... себя чувствуешь? Там... вроде бы... как-то... не так... должно быть...

- Как это - не так? - поддразнивает его Надя.

- Ну, я не знаю... Тошнит, кажется! - торжествующе делится своими познаниями Вик. - Тебя тошнит?

- Нет, - Надя смущенно улыбается. - Я вообще ничего необычного не чувствую. Вот совершенно никаких изменений. Только... менструации не приходят. Я тест три раза делала! Думала, может, ошибка... И все время две полоски! А так... Все как обычно...

- Слушай... - Вик утыкается ей в шею носом, - а если ты уже... забеременела... то, значит, нам уже не надо предохраняться? И можно... вот так просто... без всего?..

- Можно, - Надя пытается спрятать улыбку.

- А... - он говорит все так же ей в шею, - тебе... тебе... можно? Мы... не повредим... - его рука вдруг скользит вокруг ее талии и ложится на живот, - малышу?

Они оба замирают от его жеста - такого интимного и так нужного им обоим. Потом она кладет свою руку поверх его.

- Вить... спасибо тебе...

- Я люблю тебя, дурочка.

- И я тебя, - пряча лицо с повлажневшими глазами у него на груди.

- А ты мне так и не ответила... Можно? Или нельзя?

- Можно, - она поднимает лицо и вдруг крепко целует его в губы. - Можно. И очень хочется, к тому же.

- Так какого черта мы теряем время? - он обхватывает ее крепко и встает, с ней на руках. - Если можно и хочется. Да еще и без презервативов.

Он осторожно выходит из кухни, поворачиваясь так, чтобы не задеть ею дверной проем.

- Вот, носи меня на руках, пока возможность есть, -

довольно выдыхает Надя, прижимаясь щекой к его груди. - Потом стану толстой и тяжелой, и ты уже не сможешь.

- Я всю жизнь буду носить тебя на руках, - абсолютно серьезно отвечает Вик.

И она ему почему-то верит.

Эпилог. Единственный способ успеть на поезд -- опоздать на предыдущий.

(с) Гилберт Кит Честертон

Оркестр играет "Strangers in the night". Посреди банкетного зала медленно кружится пара. Жених и невеста. Смотрят только друг на друга, не видят никого вокруг. Безупречно сидящий костюм и небрежные светлые кудри - у него. Она кажется в его руках невозможно хрупкой в обманчиво простом платье. И только самые близкие знают о том, что невеста уже будущая мама.

- Так, нет, ну я все понимаю... - Дашин голос звучит негромко, - я понимаю, с чего рыжая тут слезами уливается. Но от тебя, Юлия Юрьевна, я такого не ожидала. А ну прекратите реветь, обе!

- Ой, Даш, я не знаю... - Юлия аккуратно промокает кожу под глазами, стараясь не повредить макияж. - Наверное, старею. Что-то так расчувствовалась. Посмотри, какие они красивые... влюбленные. Наденька такая... как статуэтка фарфоровая.

- Кстати, Дарья, - Евгения тоже вытирает слезы, - ну разве это нормально...

- Только не начинай! - стонет Даша. - Сколько можно про одно и то же по сотому кругу...

- Но ты посмотри на Надю! - упрямо не унимается Женя. - Такая худенькая...

- Мать, ты будешь сильно расстраиваться, если я немножко прибью твою сватью? - Дарья обращается к Вере. - Тихомиров мне обещал помочь с алиби.

Вера в ответ лишь смеется.

- Хорош прикалываться, - ворчит Евгения. - Ну,

ненормально это! По ней же даже не видно, что она уже на...

- Ты кому веришь?! Врачу акушеру-гинекологу высшей категории с тридцатилетним стажем?! Или своей паранойе? Сколько раз можно говорить - с Надей все в порядке. ВСЕ! Абсолютно. Включая прибавку в весе и анализы.

Женя вздыхает так, что Даше делается неловко за свою резкость.

- Ну, правда, Жень, - обнимает подругу за плечи. - Честное слово. У Нади все отлично. У нее нормальное женское здоровье, тот эпизод... прошел без последствий. Вон, посмотри на Веру Владимировну. Тройню выносила и не пикнула. Надя в маму. Ну? Веришь мне?

- Верю.

- Вот и хорошо. И перестань хлюпать, говорю тебе!

- Просто... - Женя вытирает выступившие в уголках глаз слезы, - так маленького... хочется... Знала бы ты...

- Знаю. Все знаю, моя хорошая. Не плачь. Все. Будет. Хорошо.

- Девочку хочется, - улыбается Евгения сквозь слезы. - Маленькую хорошенькую девочку.

- Ну... - тон Дарья нарочито безмятежен, - похоже, дети твое пожелание не выполнили...

Женя замирает.

- Как?! Что это значит?! Рано же еще, чтобы пол определять!

- Рано, - соглашается Дарья. - Но доктор Ольга Васильевна Буймович - кудесница. Видит то, что другие не могут увидеть.

- И?!

- Она не уверена на сто процентов, поэтому и Наде не сказала, когда УЗИ делала. Но на моей памяти Ольга ни разу не ошибалась. Поэтому...

Женя всхлипывает.

- Да что ж такое?! Тебе что ни скажи - ты все ревешь! Так расстроилась, что мальчик?

- Да нет, - Евгения смахивает слезы. - Вот просто сейчас я поверила, что он уже есть. Ребеночек Нади и Вити. Мой... внук.

- Так, слезы утираем, - командует Дарья. - Танец новобрачных закончился. Предлагаю пойти наших мужиков из-за стола вытащить. Чур, я танцую с Николаичем! Мне с ним переговорить надо.

- Хорошая свадьба, - довольно тянет Тихомиров. - Богатая.

- Так и гости, - в тон ему отвечает Стас, - солидные.

- Так, а ну хватит меня гнобить! Я всего два килограмма набрал!

- Что-то эти два килограмма как-то...

- Хватит! Вот свадьбу отгуляю и с завтрашнего дня сяду на диету.

- Ну-ну... с твоей женой только на диету садиться, - усмехается Стас.

- Вы тоже хороши! Вон какой банкет отгрохали! Похудеешь с вами, как же.

- Да успокойся, - смеется Соловьев. - Юрист должен быть солидным. А банкет - это дело рук Баженова.

- Евгения Андреевна суетилась, - отмахивается Олег. - Мое дело только кредитку предоставить.

- Впечатляет, - обводит взглядом зал ресторана Глеб. - Почему нынче опиум для народа? На двоих расходы пилили?

- У тебя практический интерес? - усмехается Стас. - Что, Колька жениться собрался?

- Женилка у него еще не выросла. Ординатуру пусть закончит сначала. Так что там с расходами?

- Все за счет Олега.

- Станислав скромно умалчивает о том факте, что

подарил новоиспеченному зятю машину, - парирует Баженов. - Хотя лично я был против. Нечего баловать. Пусть сам зарабатывает.

- Суров ты, отец, - смеется Тихомиров.

- Ничего подобного, - Олег невозмутим. - И потом - парень нормально сам уже зарабатывает, судя по тому кольцу, которое он Наде купил. Так что вполне в состоянии и на машину себе денег накопить. Ну, не сразу, конечно. А Соловьев совершает непедагогичные действия.

- Ты не понимаешь! У меня еще две дочери незамужних. Мне надо создавать себе репутацию щедрого тестя! И потом, можно подумать, я ему Porsche подарил. Средняя машина, двигатель-гибрид...

- Так, Соловьев, хорош, не надо пересказывать нам то, что ты услышал в автосалоне. И вообще, - Тихомиров разливает водку по рюмкам, - не умеете вы детей выгодно пристраивать. То ли дело я дочь замуж отдал - ни расходов на свадьбу, ни подарков дорогих зятю... Уметь надо!

- Ну-ну, - усмехается Олег. - То-то ты не знаешь, с какой стороны теперь к Васе своему подкатиться, чтобы он тебя не послал...

- Ничего подобного! Вася у меня замечательный!

- Так! - перебивает их Глеб. - Нас сейчас танцевать потащат, давайте выпьем по-быстрому!

- Ты у меня самая красивая, Надюша, - отец бережно ведет дочь в танце.

- Пап, - она смеется, - у тебя нас трое таких одинаковых.

- И вы все трое у меня самые красивые.

- Все в отца.

- О, да!

- Невесту будут красть, Вик?

- Пусть попробуют! Я сразу предупредил: украдут невесту - натравлю отца с твоим тестем. Они быстро

переговоры проведут.

- Твоя правда, - смеется Бас. - С этими лучше не связываться.

- Как оно там вообще, Бас? В женатой жизни?

- Прекрасно, - пожимает плечами Литвинский. - Накормлен, обстиран, обласкан. Что еще надо?

Теперь уже смеется Вик.

- Ну, "накормлен" - это не про Надю.

- Научится, - подмигивает Василий. - Машка тоже поначалу ничего не умела толком. А сейчас готовит так, что пальчики оближешь! Только вот блины, - вздыхает преувеличенно печально, - ей не всегда удаются.

- Ну, блины я и сам могу.

- Сам?! - недоверчиво ахает Бас - Блины печешь?

- Пеку. И оладьи тоже.

- Черт, - Литвинский запускает ладонь в рыжий затылок.

- Я начинаю сомневаться - на том ли человеке я женился...

Они дружно смеются и ударяют друг друга по ладоням.

- Что это наши так веселятся?

- А то ты не знаешь Литвинского... Человек-клоун.

- Знаешь, по-моему, я в первый раз вижу Василия в костюме. Ему очень идет.

- Ой, Надь, не наступай на больное! С утра был просто плач Ярославны по поводу того, что его заставили костюм надеть. Будь его воля - он бы в спортивных штанах и кроссовках пришел.

Надя смеется.

- Хорошо, что не в горнолыжных ботинках. Как у вас вообще, Маш?

- Прекрасно. Не считая того, что мой рыжий - вредный и упрямый.

- Это кто это вредный?! - незаметно подошедший сзади Бас обнимает супругу за плечи. - А ну-ка, женщина, пойдем, поговорим. Ну, и потанцуем заодно.

- На ноги наступать не будешь?
- Обижаешь, Машенька. У меня прекрасная координация движений. Надюш, - обращаясь к ослепительно красивой невесте, - иди, спасай своего ненаглядного. А то до него опять Евгения Андреевна добралась.

- Колька, хорош трескать, лопнешь! Пойдем танцевать!
- Дай последний кусок доесть, - пытается оправдаться рыжеволосый широкоплечий парень.
- Обжора! Пошли! Будто дома тебя не кормят.
- Хорошо, хорошо, - со вздохом встает из-за стола. - Любка, ты ужасно настырная.
- Я не Люба! - она увлекает его за руку в сторону танцующих.
- Блин, Соня! Вот зачем вы одинаково оделись? Взрослые же уже!
- И не Соня, - смеется красавица, кладя руки ему на плечи.
- Ну, уж не Надя точно!
- С чего ты взял? - лукаво усмехаясь.
- Так, я не понял... На ком женился Витька?

- Вик, пойдем, потанцуем? Все равно твою жену свекор развлекает.
- Пойдем, Соня.
- А я не Соня!
Вик лишь усмехается, обнимая партнершу за талию.
- Вот объясни мне, - не унимается Софья, - КАК ты нас различаешь?!
- Ну, вы же очень разные, - искренне недоумевает Виктор.
- Но другие-то путают!
- Вас невозможно перепутать. Вы действительно очень разные.
- Все удовольствие портишь, - вздыхает Соня. -

Противный!

- Надя так не считает, - парирует Вик.

- Да она с детства с головой не дружит!

Они препираются и подкалывают друг друга весь танец.

А потом...

- Вик, пойдем со мной!

- Куда?

- Пойдем, пойдем, - тянет его к выходу из зала, - Покажу кое-что.

- Что покажешь? Соня!

- Сюрприз! Пошли! Да что ж ты такой упрямый!

- Жениха украли!

Надя демонстративно закатывает глаза.

- А ведь Баженов категорически заявлял, что во всех этих идиотских свадебных играх принимать участие не будет.

- Ты недооценила своих сестер, - смеется Вера Владимировна.

Виновницы переполоха стоят посреди зала, победоносно улыбаясь и зеркально упревая руки в пышные юбки одинаковых голубых платьев.

- Ну что, сестричка, что ты готова выложить за возвращение своего красавчика? - переговоры начинает Люба.

- Все, - отвечает с улыбкой Надя. А про себя думает, что, несмотря на шутливость ситуации, она действительно готова отдать все, что у нее есть, за него. - Но вопрос-то, насколько я понимаю, в другом: что хотите вы?

- Как - что? - сестры демонстративно переглядываются. А, затем, хором: - Свадебный букет!

Надя звонко смеется.

- Зря мы, что ли, месяц тренировались ловить фрисби! - это уже Соня.

- Хорошо, - соглашается Надя, отсмеявшись. Берет лежащий на столе букет, выходит вперед. - Стройтесь, что ли.

За ее спиной начинается легкая суматоха.

- Ну, готовы? - спрашивает невеста через плечо.

- Нет, подожди!

И, спустя пару минут:

- Все!

Надежда без предупреждения резко вскидывает вверх руку. Аккуратный букет бледно-розовых и палевых роз, несколько раз перевернувшись в воздухе, падает в толпу.

Крики, смех, сумятица. Потом гости расступаются. А когда все видят, в чьих руках оказался букет невесты, зал ресторана оглашает дружный хохот.

- Ой, какой невкусный торт... ужасно невкусный... горький!

- Да, горький!

- ГОРЬКО! ГОРЬКО!

- Как им еще не надоело? - вздыхает Надя.

- Ну, - усмехается Вик, - к поцелуям на публику нам не привыкать.

- Я не хочу на публику! Хочу только нас двоих. Дома.

- Через полчаса тихо слиняем. Потерпи, зайка.

- Устала?

- Если честно - ужасно.

- Повернись, помогу платье снять.

- Давай, работай... паж.

Вик улыбается ее словам, пока пальцы аккуратно расстегивают "молнию" на спине. Надя с наслаждением поводит плечами, позволяя платью упасть к ногам.

- Хорошо кааак...

- Бедняжка моя... - обнимает ее сзади, кладет руки на слегка округлившийся животик. - Как там наш маленький?

- Что это маленький? - накрывает его руки своими. - Может быть, маленькая?

- Мама сказала...

- ЧТО?! - Надя оборачивается, смотрит на него потрясенно. - Откуда она знает?!

- Наверное, от тети Даши, - пожимает плечами Вик.

- Так! - Надя освобождается от его рук. - Нет, ну что это такое! Все знают, и только я...

- Надь, поздно уже звонить...

- Ничего не поздно! - и уже в трубку: - Mamочka, не спишь? А скажи-ка мне...

- Ну? - Вик смотрит на свою новоиспеченную и крайне растерянную жену. Надя кладет телефон на тумбочку.

- Ну... Похоже, действительно... мальчик. Хотя это не точно. И может оказаться не так...

- Может! - Вик вдруг неожиданно усмехается. - Я вот... Мои родители дочку ждали, им так сказали... А родился я... Так что, если по факту маленький окажется девочкой - будет неудивительно. Ребенок в отца. Да ладно, там видно будет. Садись! - хлопает ладонью по кровати. - Башню твою рушить будем.

- Давай, - садится на край постели, Вик встает сзади на коленях и начинает аккуратно разбирать сложную нарядную прическу.

- Как же ты столько железа в голове таскала? - одну за другой он вынимает шпильки и заколки из волос, отпуская на волю шелковые пряди. Целует в макушку, запускает пальцы в волосы, тихонько массирует, она блаженно откидывается назад, упираясь затылком в его грудь.

- Баиньки, Надюш?

- А что, первой брачной ночи не будет?

- Будет, - Вик заваливается на спину, зевает, безуспешно пытаясь прикрыть рот ладонью. - Будет. Завтра утром. А сейчас - спать.

- Нет, ну как так, - новобрачная капризно надувает

губки. - Должна быть первая брачная ночь!

Вик усмехается, притягивает ее к себе.

- У тебя у самой глаза уже закрываются. Устала же.

- Ничего не знаю! - устраиваясь под теплым родным боком. - Раз была свадьба - должна быть и первая брачная ночь. А меня ее лишили. Тебе не стыдно, Баженов?

- Я приличный женатый человек, без пяти минут отец. Не вижу ни одной причины, по которой мне должно быть стыдно.

Надя молчит. А потом:

- Твоя правда.

- Вот и славно, - обнимает ее со спины, переплетает свои пальцы с ее на выпуклом животике. - Тогда давай спать. Я люблю тебя, Надюш.

- Какое совпадение. Я тоже люблю тебя, Вить.

- Это не совпадение.

- А что?

- Не знаю. Наверное, судьба.